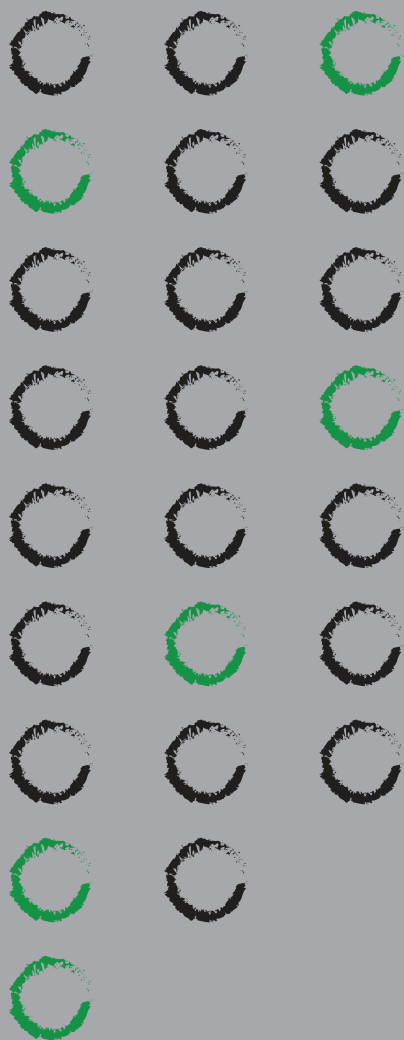

ПРОЕКТ
ОСТРОВСКИ:
200 ГОДИНИ

ПРОЕКТ
ОСТРОВСКИ: 200 години

Скопје, 2025

Издавач

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ — Скопје
Филолошки факултет „Блаже Конески“

Уредник на издавачката дејност

проф. д-р Владимир Мартиновски, декан на факултетот

Уредник на изданието

Андреј Јованчевски

Координатори на проектот

д-р Биљана Мирчевска-Бошева
Андреј Јованчевски

Предговор

Андреј Јованчевски

Поговор

д-р Наталија Лапаева Ристеска

Превод од руски јазик

Јован Ковачевски
Фросина Милковска
Бранко Ставровски
Ана Тодорова

Наслови на изворниците

Островский, Александр Николаевич
Свои люди — сочтёмся (1850)
Не в свои сани не садись (1853)
Бесприданница (1879)
Сердце не камень (1880)

Лектура

д-р Милица Анчевски

Техничко уредување

Андреј Јованчевски

Графичко уредување

Ристо Алексовски

Книгата е објавена со финансиска поддршка од:

Амбасада на Руската Федерација во Северна Македонија

Тираж: 200

5

ПРЕДГОВОР

ОСТРОВСКИ: 200 ГОДИНИ

13

НАШИ СМЕ, ЌЕ СЕ ДОГОВОРИМЕ

41

СЕДИ СИ НА СВОЕ МЕСТО

79

НЕВЕСТА БЕЗ МИРАЗ

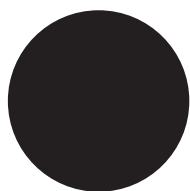
127

СРЦЕТО НЕ Е КАМЕН

167

ПОГОВОР

АЛЕКСАНДАР ОСТРОВСКИ:
ТЕАТАРОТ КАКО ИЗБОР

ПРЕДГОВОР

ОСТРОВСКИ: 200 ГОДИНИ

АНДРЕЈ ЈОВАНЧЕВСКИ

АНДРЕЈ ЈОВАНЧЕВСКИ
ПРЕДГОВОР
ОСТРОВСКИ: 200 ГОДИНИ

Александар Николаевич Островски го симболизира златното време на рускиот театар. Се појавува во театарскиот свет околу две децении откако на Театарскиот плоштад во Москва вратите ги отвораат новите зданија на Малиот и Големиот театар, два истакнати домови на руската сцена; во времето кога на оваа сцена сè уште настапуваат големите театарски авторитети Павел Мочалов и Михаил Щепкин, претставници на романтичарската и реалистичката актерска игра; кога Гогољ е уште жив и присуствува на отворените драмски читања, а Михаил Погодин го издава значајното списание „Московитјанин“; кога во културниот живот централно место зазема книжевната критика, која го формира новиот литературен канон преку многубројни и опширни полемички текстови во богатата интелектуална периодика. Животот на Островски го зафаќа она историско време кога во вистинска смисла се формира руската театарска школа и се етаблира националниот репертоар. Од педесеттите до осумдесеттите години на XIX век Островски завршува 48 пиеси и повеќе од 700 драмски ликови, преведува дваесетина драмски класици од други европски јазици и остава многу незавршени ракописи и преводи. Во неговото време и под негово влијание сериозно се развива режијата и актерската подготовка, се воспоставува систем на повеќекратни драмски читања и генерални проби, театарот добива значајно општествено внимание и станува структуриран *процес*. Овој процес понатаму води до настанувањето на низа школи и методи, автори и режисери, чии принципи и дела до денес се земаат како елементарни одредници во драмските академии низ целиот свет.

Положбата на Островски во создавањето на рускиот национален театар и во севкупната негова историја е апсолутно централна. За да го опишат неговиот статус, многумина историчари на културата го нарекуваат „рускиот Шекспир“ и „рускиот Молиер“. Островски го завршува, како што вели Гончаров, проектот започнат

од Фонвизин, Грибоедов и Гогољ. Во раните денови на новата, тукушто формирана руска драматургија тој го втемелува рускиот театар како автономно културно поле и ги врши сите клучни функции во овој голем проект. Во доцните писма, навраќајќи се на минатите децении од својата театарска активност, самиот со право се нарекува себеси „академија, покровител и потпора“ на руската сценска уметност. Театарот, според Островски, е најдемократска форма на уметност – во него сите општествени елементи добиваат свој глас и свое влијание врз дејството. Основна конститутивна улога во неговата авторска поетика има ликот, а не драмското дејство. Притоа, драмскиот лик го пројавува својот карактер говорејќи на сопствен идиомат, искажувајќи ги сопствените позиции или позициите кои произлегуваат од личната социјална положба. Со недвосмислена ориентација кон сценската изведба како конечна и главна цел на секоја пиеса, Островски сметал дека е важно да создава театар разбирлив не само за претставниците на високото општество, туку и за обичните луѓе, за народот. На неговата драмска сцена ги гледаме сите еднакво: и мажите и жените, и богатите и сиромашните, и трговците и чиновниците, и граѓанското и провинцијалното население. Островски творечки го осмислува проблемот на традицијата во тоа време на големи промени, и постојано е загледан во актуелното – социјалната и економската нерамнотежа на луѓето во и надвор од семејството. Поради овие и многу други заслуги, секој разговор за рускиот театар и за руската драма неизбежно започнува или во клучните точки стигнува до ликот и делото на Островски.

Интересот на книжевната и театарската критика за драматургијата на Островски е непрекинат од издавањето на неговите први пиеси до денес. Од Николај Доброљубов и Аполон Григорјев до Јуриј Лотман и натаму до нашето време, Островски го задржува статусот на првенец и врвен образец на руската драматургија. Но, еднакво значаен и далеку попознат во светски рамки е статусот што Островски го има кај публиката, статус изграден благодарение на многукратните изведби на неговите пиеси на разни јазици, од разни ансамбли, пред разни народи. Изведбата на други јазици би била невозможна без многубројните преводи и адаптации на неговите драмски текстови. Стотици преведувачи се заслужни за тоа

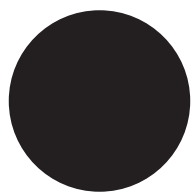
што во текот на минативе два века неговите ликови говорат живо и непречено пред светската публика. Во тој историски процес се впишува и нашиот проект, замислен и реализиран во годината на значајниот јубилеј, 200-годишнината од раѓањето на Александар Николаевич Островски.

Проектот „Островски: 200 години“ ја продолжува студентската преведувачка работилница започната со претходниот проект со истоветен карактер, „Достоевски: 200 години“, кој беше остварен во 2021 година. Оваа сервиска работилница ги обединува силите на повеќемина наставници и соработници на Катедрата за славистика при Филолошкиот факултет „Блаже Конески“ во Скопје, и ги става во функција знаењата стекнати преку предметите што се изучуваат: наставата по историја на руската книжевност добива продлабочена смисла преку блиското читање на избраните текстови, лекторските часови по руски јазик и предметите *Практика на превод* и *Контрас-тивна анализа* добиваат практичен предизвик преку преведувачката задача, а корпусот граматички предмети наоѓа примена врз реален јазичен материјал, со што книжевниот превод прераснува во вистинска *филолошка лабораторија* за студентите. Сепак, и покрај важниот придонес на соработниците на катедрата преку совети, упатства и проверки во различните фази на работата, автори на преводите се студентите – врз нивната преведувачка работа се потпира суштината на проектот. За повеќето студенти учесници ова се нивните први издадени книжевни преводи. Со учеството тие го стекнуваат првиот посериозен опит во книжевното преведување и ги запишуваат првите редови во својата преведувачка библиографија. Работата во текот на два семестри се одвиваше под мое редакторско менторство и со логистичкото раковоство на проф. д-р Биљана Мирчевска-Бошева, чии заложби дополнително придонесоа проектот сега, по две години, да добие свое печатено издание. Издавањето на оваа книга ја збогатува библиотеката на сопствени изданија на катедрата и ја зајакнува перспективата за продолжување на преведувачката работилница, која во иднина ќе им посвети внимание на други важни книжевни јубилеи и ќе им даде можност за практична преведувачка работа на нови генерации студенти на Филолошкиот факултет „Блаже Конески“ во Скопје.

Изданието што сега го објавуваме опфаќа фрагменти од четири пиеси на Островски, напишани во различни периоди од неговиот творечки живот: *Наши сме, ќе се договориме* («Свои люди сочтемся», 1850), *Седи си на свое место* («Не в свои сани не садись», 1853), *Невеста без мираз* («Бесприданница», 1879) и *Срцето не е камен* («Сердце не камень», 1880). На секој преведен фрагмент му претходи вовед, напишан од преведувачот, во кој се укажува на местото што дадената пиеса го зазема во целокупниот драмски корпус на Островски, на препознаените белези на неговата авторска драматургија и на некои од конститутивните елементи на самиот драмски текст. Разгледувајќи ги накратко тематско-содржинските слоеви на пиесите и давајќи основни информации за нивното настанување, овие воведи можат да му помогнат на неупатениот читател да стекне елементарна претстава за драмата, а на упатениот читател да се потсети на потесниот и поширокиот контекст на драмските дијалози и ситуации. Ја задржавме структурата воспоставена со претходното издание: по преведените извадоци, следуваат изворниците, кои служат за споредбено читање и анализа на преводите. Елементите на драмскиот текст се соодветно маркирани и во преведените и во изворните фрагменти, што треба да го олесни читањето. Целината на книгата ја заокружува опширниот поговор на д-р Наталија Лапаева Ристеска под наслов „Александар Островски: театарот како избор“, во кој ни е даден широк преглед на авторовата литературна и театарска судбина, на искажувањата за ликот и делото на Островски од современиците и потомците, на неговото присуство во просторот на светската драматургија, на екранизациите на неговите пиеси, како и на одредени карактеристики на драмските текстови опфатени со нашиот проект. Авторката посветува и должно внимание на сложената задачата на преведувачката работа со која во овој проект беа задолжени студентите.

Оваа мала книга е завршниот резултат на проектот „Островски: 200 години“, реализиран во 2023 година, со кој придонесовме кон обележувањето на 200-годишнината од раѓањето на Островски, јубилеј што слободно можеме да го наречеме најважен патронен празник на рускиот театар во оваа деценија и еден од најважните јубилеи во светскиот театарски календар. Две години подоцна,

книгата им ја предаваме на љубопитните читатели, на љубителите на театарот и на руската литература, надевајќи се дека ќе им биде полезна и интересна со самата своја содржина и структура, дека ќе поттикне подлабоко запознавање, проучување, преведување и сценско поставување на драмското наследство на Островски.

НАШИ СМЕ, ЌЕ СЕ ДОГОВОРИМЕ

ПРЕВОД: ЈОВАН КОВАЧЕВСКИ

ВОВЕД

Пиесата „Наши сме, ќе се договориме“ (*Свои люди — сочтёмся*) претставува комедија во четири чина, напишана од страна на Островски во 1849 година, која го зазема важниот статус на негова прва драма.

Драмата првпат дебитира зимата 1849 година, на трети декември, преку нејзино јавно читање пред строго одбрана публика составена од големците на тогашното московско општество, т.е. пред собир од влијателни личности во руската култура, меѓу кои се нашол и Николај Гогољ, најзначајниот жив книжевен авторитет. Настанот се одржал во домот на познатиот руски историчар, новинар и писател Михаил Погодин, а драмскиот текст за првпат бил објавен една година подоцна во шестото издание на месечното научно-литературно списание „Москвитјанин“.

Пред да биде јавно достапна, таа била изведувана по домовите на московските благородници од страна на најпознатите тогашни глумци и артисти, меѓу кои и Пров Михајлович Садовски, истакнатиот актер на московскиот драмски Мал театар, како и основоположникот на руската актерска школа Михаил Семјонович Щепкин, а драмскиот текст стигнува и до дворјанските одаи на кнезот и тогашен московски генерал-губернатор Арсениј Закревски.

По нејзиното објавување во печат, драмата веднаш доживеала огромен успех, и тоа не само кај обичните читатели, туку и кај високите научни и литературни кружоци, а се здобила и со многу пофалби од страна на познатите и влијателни руски писатели.

Така, на пример, ценетиот писател и литературен критичар Иван Гончаров ја предочил умешноста на писателот во неговото „вешто воведување на драмски елемент во комедијата“ и „длабокото познавање на рускиот јазик и душата на рускиот човек“, додека великанот на рускиот роман Лав Толстој делото го опишал како „чудо“, а самиот Островски како „гениј“. Пофални критики кон пиесата пристигнале и од Гогољ, кој во тоа време важел за мошне важна и влијателна фигура во театарот. Гогољ дури трипати при-

суствувал на читањето на драмата и ја оценил позитивно. Кога за првпат го слушнал текстот на драмата во домот на Погодин, своите пофални зборови ги напишал на лист хартија и подоцна преку домаќинот му ги испратил на младиот драматург. Двајцата официјално ќе се запознаат по третото читање на драмата, во домот на поетесата и грофица Евдокија Ростопчина, од чии записи за оваа средба ги дознаваме следниве зборови на Гогољ, со кои тој го опишува Островски: „Нека му даде Бог успех во сите идни трудови. Најважно е тоа што има талент, а тој насекаде се слуша“.

Оваа пиеса, која неколкупати во текот на своето создавање го менувала своето име (била позната под насловите „Неликвиден должник“ и „Банкрот“), наскоро се нашла под будното око на цензурата и била забранета од страна на императорот Николај I, кој по повод нејзиното печатење ќе изјави: „Не требало да се печати, да се забрани за изведба“. По оваа негова одлука, Островски бил ставен под полициски надзор, кој траел сè до 1855 година.

Претставата двапати успеала да ја заобиколи забраната, првпат во ноември 1857 година, кога била поставена во Иркутскиот театар, и вторпат во април 1860 година, во Воронешкиот театар. Неколку месеци подоцна, во декември 1860 година, официјално е дозволено да се постави во скратена форма, со што првата официјална изведба се одржува во Александринскиот театар во Санкт Петербург, на 16 јануари 1861 година. Сепак, во нејзината оригинална и целосна верзија, пиесата ќе биде одиграна дури неколку децении подоцна, на 30 април 1881 година, кога била поставена во приватниот театар на актерката Ана Бренко, истакнат драматург и театарски претприемач од тоа време.

Островски во драмата „Наши сме, ќе се договориме“ допира до односот меѓу татковците и децата, ги споредува постарите и помладите генерации со сите нивни позитивни и негативни страни. Во комедијата, умешноста на писателот се манифестира првенствено во изградбата на ликовите, во начинот и тонот на нивниот говор и разговор, во создавањето на реалните животни ситуации кои се релевантни во сите времиња. Употребата на народен јазик, притоа, дава можност сè да се опише едноставно, што го прави текстот лесно читлив. Секоја реченица и реплика Островски ја вклучува во жи-

виот тек на дијалогот, а мајсторството во ловењето на живиот јазик на тогашниот руски човек во голема мера придонесува за успехот на оваа прва пиеса.

Според стилските обележја, ова литературно дело спаѓа во литературната тенденција на реализмот, се стреми да го отслика реалниот свет на најверен начин, автентично да ги пренесе мислите на ликовите, да им даде природност на нивните зборови и постапки. Притоа, централните теми околу кои се одвива драмскиот дијалог и дејство се темите кои, отсликувајќи ги општествените интереси на своето време, воедно ја допираат сферата на вечно актуелните општествени и човечки теми: алчноста, итрината, материјализмот, љубовта и други.

Дејствието во драмата се случува во Москва, а како главна тема се зема светот на московските трговци, нивните карактеристики, општествени сфаќања и животни погледи. Во неа се раскажува за животот на богатиот трговец Самсон Силич Бољшов, кој решил да ги надмудри сите, но не успеал да предвиди дека неговиот трговски помошник Лазар Елизарич Подхаљужин е всушност многу поитар од него.

Бољшов е незаинтересиран за мислењето на својата ќерка Олимпијада Самсоновна – Липочка, не го интересира кого таа претпочита или за кого би сакала да се омажи, се обидува да направи измама која на прв поглед изгледа успешна и со која започнува заплетот во драмата. Но, Подхаљужин, со кого Бољшов се обидува да ја омажи својата ќерка, се покажува како негов добар ученик не само во бизнисот, трговијата и пазарењето, туку и во умешноста на мамењето, поради што на крајот Бољшов завршува со празни раце.

Во првиот чин ги среќаваме главните ликови во пиесата, каде што меѓу богатиот трговец Бољшов, неговиот итар трговски помошник Подхаљужин и веќе возрасната ќерка Липочка, подготвена за мажење, фигурираат и второстепените ликови: сопругата на Бољшов и мајка на Липочка, Аграфена Кондратјевна, адвокатот Сисој Псоич Рисположенски и стројницата Устинја Наумовна.

На почетокот од пиесата ја среќаваме Олимпијада Бољшова, нагалено Липочка, која веќе ја достигнала возраста зрела за брак, но по цели денови седи дома, чита, гледа низ прозорецот, постоја-

но мислејќи на балската забава што ѝ недостасува. Оваа желба на Липочка ќе стане основа за конфликтот со нејзината мајка, втората хероина во пиесата, Аграфена Кондратјевна.

Конфликтот и кавгата меѓу нив ќе настане како резултат на тоа што мајка ѝ сè уште не нашла соодветен маж за својата ќерка, поради што Липочка е постојано незадоволна и одбива да се смири со родителите, а незадоволството веќе одамна преминало во нервно растројство.

Не можејќи да ги гледа солзите на ќерка си, Аграфена ја поканува стројницата Устинја Наумовна, која се жали дека не може да се најде младоженец за Липочка зашто сите не знаат што сакаат, вклучувајќи ги и мајката и таткото, кои исто така не можат да одлучат каков сопруг ѝ треба на нивната единствена ќерка.

Додека тече потрагата по младоженец, пристигнува Сисој Псоич Рисположенски, работник од понизок ранг, своевремено избркан од судот поради пијанство. Заедно со него во драмската ситуација се вмешува Бољшов, кој разговара со Сисој Псоич за тоа како богатиот трговец може да ја подобри својата финансиска состојба прогласувајќи банкрот или стапувајќи во брак со неговата драга ќерка Липочка.

Читајќи го преведениот фрагмент од првата драма на Александар Николаевич Островски, ќе имате можност да влезете во светот на основоположникот на рускиот театар, да се запознаете со некои од неговите први ликови и преку разиграноста на јазикот да ја откриете „душата на рускиот човек“ од средината на XIX век.

НАШИ СМЕ, ЌЕ СЕ ДОГОВОРИМЕ

– извадок –

ПРВ ЧИН

Осма сцена

Рисположенски (*влегувајќи*). Јас сум за кај вас, мајко Аграфена Кондратјевна. Кај Самсон Силич појдов, ама зафатен е, гледам, па, си велам, дај ќе наминам кај Аграфена Кондратјевна. Опа, што гледам тука, вотка имало? Ќе пивнам една чашка, Аграфена Кондратјевна. (*Пие.*)

Аграфена Кондратјевна. Земи, златен, на здравје! Седни, те молам. Како ми ви е животот?

Рисположенски. Ех, каков ни е животот! Ете така, безделничиме, Аграфена Кондратјевна! Знаете и сама – семејството е големо, а работичката мала. Ама да не се жалам, Аграфена Кондратјевна, грев е да се жали човек.

Аграфена Кондратјевна. Вистина не треба, златен.

Рисположенски. Кој се жали – тој на Бога му се противи, Аграфена Кондратјевна, така е кажано...

Аграфена Кондратјевна. А како ти беше името, златен? Сè подзаборавам.

Рисположенски. Сисој Псоич, мајко Аграфена Кондратјевна.

Аграфена Кондратјевна. Како така Псович, сребрен мој? На каков јазик е тоа?

Рисположенски. Не знам точно да ви кажам, татко ми го викаа Псој, па излегува дека и јас сум Псоич.

Устинја Наумовна. Штом е Псович, нека е Псович. Ништо страшно, и бетер бидува, брилијантен мој.

Аграфена Кондратјевна. Туку, што сакаше да ни раскажеш, Сисој Псович?

Рисположенски. Сега ќе раскажам, Аграфена Кондратјевна, сега. Не е приказна или поучна скаска, туку вистинска случка. Аграфена Кондратјевна, ќе пивнам една чашка. (*Пие.*)

Аграфена Кондратјевна. Земи, златен, земи.

Рисположенски (*седнува*). Си живеел некој старец, угледен старец... Да ти кажам право, мајче, заборавив каде, ама во некоја земја, таква... ненаселена. Имал старецот, госпоѓо моја, дванаесет ќерки, која од која помала. Немал веќе сили да работи, сопругата исто му била стара-престара, а децата уште мали, да се јаде и пие мора. Сè што имале во староста го потрошиле, за јадење и пиење не останало! А што ќе правиш со мали деца? Мислел вака, мислел онака, а така да мислиш – не бидува, госпоѓо моја, на ништо нема да се досетиш. Ќе одам, си рекол, на раскрсница – може ќе се најде нешто од добронамерниците. Седел еден ден – ќе се смилува Бог, преседел втор – ќе се смилува Бог, и така, мајче, почнал да ропта.

Аграфена Кондратјевна. Ах, Боже мој!

Рисположенски. Господи, вели, поткупувач не сум, среброљубец не сум... подобро, вели, сам ќе си пресудам.

Аграфена Кондратјевна. Ох, Боже мој!

Рисположенски. И го снашол, госпоѓо моја, сон во ноќта...

Влегува Бољшов

Деветта сцена

Истите и Бољшов

Бољшов. А! И ти си бил тука, господине! Што проповедаш?

Рисположенски (*се поклонува*). Сите ли сте ми здрави-живи, Самсон Силич?

Устинја Наумовна. А што си ми ослабнал пак, рубинов мој? Да не си се вљубил во некого?

Бољшов (*седнувајќи*). Сум настајал, изгледа, или хемороидот пак ме фатил.

Аграфена Кондратјевна. Добро, туку, Сисој Псович, што биднало понатаму?

Рисположенски. После, Аграфена Кондратјевна, после ќе ти дораскажам, ќе наминам кога ќе се ослободам, кога ќе стемни, и ќе ти раскажам.

Бољшов. А ти што, да не си се просветлил? Ха, ха, ха! Време е да се вразумиш.

Аграфена Кондратјевна. А, еве го, почна! Не даваш човек искрено да си помуабети!

Бољшов. Искрено?... Ха, ха, ха... Земи прашај го за случајот што му го снемало во судот, таа приказна подобро ќе ти ја раскаже.

Рисположенски. Не е така, не го снемало! Не е вистина, Самсон Силич!

Бољшов. Па зошто тогаш те избркаа од таму?

Рисположенски. Еве зошто, мајче Аграфена Кондратјевна. Зедов еден судски случај дома, и скршнавме со еден пријател по пат... човечка слабост, разбирате... така да речам, во една крчма свративме... таму сум го оставил, сум се поднапил и сум го заборавил. Што да правиш, на секој може да му се случи. Потоа, госпоѓо моја, во судот се фатија баш за тој случај, го бараа, го бараа, и дома одев двапати со извршителот – а случајот никаде го нема! Сакаа на суд да ме дадат, и тогаш се сетив дека изгледа сум го заборавил во крчмата. Појдовме со извршителот – таму си беше.

Аграфена Кондратјевна. Што да правиш! Тоа и со човек што не пие може да биде, не само со тој што пие! Ех, каква неволја!

Бољшов. Ами како не те прогонија на Камчатка?

Рисположенски. Ех, сега на Камчатка! А за што, ако може да прашам, за што на Камчатка да ме прогонат?

Бољшов. За што? За недолично однесување! Да не треба низ прсти да ви прогледаат? Така ќе се запиете до бескрај.

Рисположенски. Па, ете ми простија. Така, мајко Аграфена Кондратјевна, за тоа сакаа да ме дадат на суд. Бев сега кај генералот, кај нашиот, му клекнав пред нозе. Ваша екселенцијо, му вела! Немојте да ме погубувате! Жена имам, му вела, деца мали! Добро, вели тој, Господ нека ти суди, на тој што се кае му се простува, дај си оставка, ми вели, и да те нема оттука. Така и ми прости, ете. Господ здравје нека му дава! Тој и сега не ме заборава. Одвреме-навреме ќе му наминам на празник – о, Сисој Псоич, ми вели. Среќен празник, му вела, ваша екселенцијо, дојдов да ви честитам. Еве на Троица му бев неодамна, просфора му однесов. Ќе пивнам една чашка, Аграфена Кондратјевна. (Пие.)

Аграфена Кондратјевна. Земи, златен, на здравје нека ти е! А јас и ти, Устинја Наумовна, да одиме, самоварот изгледа е готов, а и да ти покажам, имаме по нешто од новиот мираз.

Устинја Наумовна. Ти, брилијантна моја, и онака имаш еден куп работи подготвено.

Аграфена Кондратјевна. Што да правиш! Нови материјали стасаа, а ние за нив пари не даваме.

Устинја Наумовна. Што да ти кажам, бисерна моја! Кога си имаш свој бутик, исто како во градина да ти пораснале.

Заминуваат.

Десетта сцена

Бољшов и Рисположенски

Бољшов. Па што, Сисој Псоич, ти во својот век, ми се чини, многу мастило имаш потрошено со тие твои лукавства.

Рисположенски. Хе, хе... Самсон Силич, материјалот не е скап. А јас наминав да ве видам, да прашам како одат работите.

Бољшов. Наминал тој! Сè мора ти да знаеш! Бреј, што подол народ сте, крвопијци прави. Само нешто да намирисате и одма се моткате со вашето ѓаволско мудрување.

Рисположенски. Што можам јас, Самсон Силич, да мудрувам? Каков учител јас да бидам, кога вие сте десетпати попатен од мене? Што ќе побараат од мене, тоа правам. Па, како да не направам! Би бил свиња ако не направам, зашто јас, може да речам, сум благословен со вас и вашите дечиња. А и не сум толку глупав, па да ве советувам – вие својата работа сами најдобро си ја знаете.

Бољшов. Сами си ја знаете! Па, тука е и маката, што луѓе како мене, трговци, будали, ништо не разбираат, а тоа им годи на таквите пијавици. Сите прагови ќе ми ги излижеш од што се влечкаш натаму-наваму по мене.

Рисположенски. Како да не се влечкам? Да не ве сакав, немаше да се влечкам. Немам ли чувства јас? Да не сум некаков си скот што не знае да збори?

Бољшов. Знам јас дека ме сакаш, сите вие нас нè сакате, само од вас ништо вредно не излегува. А јас еве се преработувам, сум се натрупал со обврски, така сум се изнамачил, ако ми веруваш, од мислава. Побрзо сакам да ја извадам од глава.

Рисположенски. Аман бре, Самсон Силич, не сте ни прв ни последен, не прават ли така и другите?

Бољшов. Прават, како не прават, пријателе. Прават и другите, и тоа без срам, без совест! Со кочии се возат, во куќи на три ката

живеат, некои палати со колонади градат, срам да те фати што со суратите нивни влегуваат внатре, и наеднаш – капут, отишло сè, ништо не можеш да им земеш. Пајтоните ќе се разотидат којзнае каде, куќите сите заложени, а на доверителите прашање е дали ќе им останат два-три пара чизми. Еве ти кратко објаснето. И уште ќе измамат некого, ќе ги пратат сиромавите по кошули да шетаат низ светот. А моите доверители се сите богати луѓе, што може ним да им се случи!

Рисположенски. Јасна работа, Самсон Силич, сè е во наши раце.

Бољшов. Знам дека е во наши раце, туку ќе можеш ли ти таа работа да ја завршиш? Оти и ти си народен човек, добро те знам! На зборови си брз, а и таму кривини фаќаш.

Рисположенски. Што зборувате, Самсон Силич, прв пат ли ќе ми е! До толку ли да не знам! Хе, хе, хе... Какви уште работи немам правено, па ми поминувале. Некој друг за такви нешта одамна скраја би го испратиле.

Бољшов. Така ли? Каква ли умштина ќе се смислиш?

Рисположенски. Ќе видиме, според околностите. Јас, Самсон Силич, ќе пивнам една чашка. (Пие.) Еве, како прво, Самсон Силич, куќата и продавниците треба да се заложат или да се продадат. Тоа е прва работа.

Бољшов. Да, тоа мора однапред да се направи. Само кому да му го натовариме тој товар? На жена ми ли?

Рисположенски. Тоа е против законот, Самсон Силич! Незаконски е! Законот вели дека таквата продажба е неважечка. Не е тешко тоа да се среди, ама да не излезе после проблем. Ако веќе ја вршиме работата, Самсон Силич, посериозно да ја завршиме.

Бољшов. А и работата е да не се крене врева. Рисположенски. Ако пренесеш на некој друг, тогаш нема за што да се фатат. Оди после спори со вистински документи, да те видам.

Бољшов. Само еве што е маката – ќе му ја отстапиш куќата на некој туѓинец, а тој, да ми простите, ќе се залепи за неа како болва.

Рисположенски. Тогаш барајте, Самсон Силич, таков човек што има совест.

Бољшов. А каде ќе го најдеш денес? Денес секој гледа како да ти го свитка вратот, а ти совест бараш.

Рисположенски. А еве јас што мислам, Самсон Силич, сака-те слушајте ме, сакајте – не. Што човек е вашион службеник?

Бољшов. Кој? На Лазар ли мислиш?

Рисположенски. Да, Лазар Елизарич.

Бољшов. Штом велиш на Лазар, нека е на него; му работи главата, а и капитал има.

Рисположенски. Па, како ќе наредите, Самсон Силич, хипотека или нотарски акт?

Бољшов. Тоа што има најмал процент, тоа и ќе биде. Кога ќе завршиш сè како што треба, Сисој Псоич, таков банкет има да ти направам, што ќе збудалиш.

Рисположенски. Бидете спокојни, Самсон Силич, си ја знаеме нашата работа. А вие на Лазар Елизарич му зборувавте ли за работава или не? Јас, Самсон Силич, ќе пивнам една чашка. *(Пие.)*

Бољшов. Уште не. Еве денеска ќе позборуваме. Тој ми е паметен, намигни му само и веднаш разбира. А кога ќе направи нешто, мана не можеш да му најдеш. Добро, ќе ја заложиме куќата, а потоа што?

Рисположенски. А потоа ќе направиме запис, дека, наводно, така и така било, по дваесет и пет копејки за рубља, па одете по доверителите. Ако некој ептен се инаети, може малку и да се додаде, а ако некој ептен се налути, може и сè да му се плати. Вие платете му, а тој нека напише дека според договорот добил по дваесет и пет копејки, колку да им покажеме на другите. Дека божем така и така било, а другите, кога ќе ги видат таквите, ќе се согласат.

Бољшов. Така е, нема зијан од пазарење – ако не земат по дваесет и пет, ќе земат половина; а ако не земат половина, тогаш за седум гривни со двете раце ќе се фатат. Секако сме во полза. Како сакаш кажи, јас имам и ќерка за мажење, од рака в раце, што подалеку да ја оттргнам. Туку, пријателе мој, и мене ми е време за одмор; да подлегнам малку сакам, по ѓаволите со пазарењево. А, еве го и Лазар доаѓа.

Единаесетта сцена

Истите и Подхаљезин (влегува)

Бољшов. Што ќе кажеш, Лазаре? Од град ли доаѓаш? Како е кај вас таму?

Подхаљузин. Фала му на Бога, капе малку по малку, Сисој Псоич! *(Се поклонува.)*

Рисположенски. Дobar ден, драг мој Лазар Елизарич! *(Се поклонува.)*

Бољшов. Штом капе, остави нека капе. *(По пауза.)* Туку еве, ти, Лазаре, кога во слободно време би ми направил баланс, би ги одзел продадените работи од малопродажбата и тоа што останува таму. А ние овде се пазариме ли се пазариме, златен, ама нема никаков ќар. Или продавачите може нешто грешат, носат по роднини и љубовници... треба малку да се опоменат. Како така се опуштиле без стопанот? Или не си ја знаат работата? Време е, ми се чини, да се реагира.

Подхаљузин. Како е можно, Самсон Силич, да не си ја знаат работата? Цело време сум во градот и им објаснувам.

Бољшов. А што им објаснуваш?

Подхаљузин. Па, се знае, се трудам сè да биде во ред и како што треба. Момци, им велама, не туку се прозевајте, ако видиш згоден случај, некој глупав муштерија или некоја шара ѝ се бендисала на некоја младата дама, земи, велама, додади рубља или две по аршин.

Бољшов. Знаеш, братко, како Германците ни ги ограбуваат госпоѓите по продавниците. Да речеме дека ние не сме Германци, туку православни Христијани, ама пак јадеме филувани колачи. Така ли е?

Рисположенски се смее.

Подхаљузин. Јасна работа. И мерете, им велама, поприродно – влечете слободно, немој после, не дај Боже, негде да се скине од што е тесно, зашто нема ние, им велама, да го носиме. А ако се зазеваат, тогаш никој не е виновен, им велама, може еден аршин двапати да се измери.

Бољшов. И онака кројачот на крајот ќе украде нешто, така ли е?

Рисположенски. Ќе украде, Самсон Силич, како нема да украде измамникот. Ги знам јас кројачите.

Бољшов. Е, тоа велама, де, сите мамат, а ние чест ќе бркаме.

Рисположенски. Така е, Самсон Силич, вистина зборуваат.

Б о љ ш о в . Ех, Лазаре, лоши се денес луѓето, не е како на времето. (По пауза.) Што е тоа? Весник ли ми носиш?

П о д х а љ у з и н (вадејќи го од џебот и подавајќи го). Повелете.

Б о љ ш о в . Дај ваму да видиме. (Става очила и разгледува.)

Р и с п о л о ж е н с к и . Јас, Самсон Силич, ќе пивнам една чашка. (Пие, потоа ги става очилата, седнува до Бољшов и гледа во весникот.)

Б о љ ш о в (чита на глас). „Соопштенија од државни и други друштва. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 од Домот за сираци“. Тоа не е од наш ресор, ние не купуваме селани. „7 и 8 од Московскиот универзитет, од провинциските одбори, од управите за социјална грижа“. И тоа не е за нас. „Од Градската дума“. А овде да видиме, да не има нешто! (Чита.) „Од Московската градска шестгласна дума соопштуваат: дали некој има желба да ја земе долунаведената земја под закуп“. Не е за нас, треба да се даде залог. „Управата на Куќата на вдовиците ги поканува сите на...“ Нека си канат, ние не им одиме. „Од Судот за сираци“. Овие немаат ни татко ни мајка. (Гледа понатаму.) Охо! Еве го! Слушај ваму, Лазаре! „Таа и таа година, семптември, тој и тој ден, по решение на Трговскиот суд, трговецот Федот Селиверстович Плешков од првиот еснаф е прогласен за стечаен должник и следствено...“ Што има да се објаснува овде! Се знае што ќе биде „следствено“. Еве ти го Федот Селиверстич! Каков влијателен човек беше, а го снајде банкрот. Лазаре, да не ни е должен нешто?

П о д х а љ у з и н . Малку е должен. Зедоа за дома триесет пуда шеќер, ако не беа и четириест.

Б о љ ш о в . Лоша работа, Лазаре. Ама ќе ми врати сè тој пријателски.

П о д х а љ у з и н . Сомнително ми е.

Б о љ ш о в . Ќе се договориме некако. (Чита.) „Московскиот трговец од првиот еснаф Антип Сисоев Енотов е прогласен за стечаен должник“. Кај овој немаме ништо?

П о д х а љ у з и н . Имаме, растително масло, зедоа три буренца пред Великиот пост.

Б о љ ш о в . Ете ти, сувојадци! Постат! Ем на Бога сакаат да му угодат ем на туѓа сметка! Ти, братко, на љубезните да не им веруваш! Овој народ со една рака се крсти, а со другата џебот ти го празни! Еве уште еден, трет: „Московскиот трговец од вториот еснаф

Ефрем Лукин Полуаршиников е прогласен за стечаен должник“. А со овој како стоиме?

Подхаљужин. Имаме меница!

Бољшов. Доцни со уплата?

Подхаљужин. Доцни, ама се крие некаде.

Бољшов. Ајде! Еве го и четвртиот, Самопалов. Што е работата, да не се договориле сите?

Подхаљужин. Значи, таков подол народ...

Бољшов (*прелистувајќи*). Овие до утре не можеш да ги дочитаеш. Земи, тргни ми го од пред очи!

Подхаљужин (*го зема весникот*). Му штетат на угледот на весникот. Сите трговци имаат ист морал.

Молк.

Рисположенски. Простевајте, Самсон Силич, сега треба дома да одам, имам нешто работа.

Бољшов. Е, да останеше кратко?

Рисположенски. Не, немојте, Самсон Силич, нема време. И така утре порано ќе ви наминам.

Бољшов. Добро, како сакаш!

Рисположенски. Со арно, Лазар Елизарич, останете ми со арно! (*Излегува.*)

Дванаесетта сцена

Бољшов и Подхаљужин

Бољшов. Еве да знаеш, Лазаре, што значи пазарење! Зар мислиш дека е така, си земаш пари за ништо? Парите не се многу, велат, час ги имаш час ги немаш. Еве ти, вели, меница. А што ќе им земеш со меница? Сто илјади имам на меници, еве, и само расте купчето. За половина сребро сè ќе продадам! Само долгиците ни со куќиња нема да ги надушкеш – едни отишле на оној свет, други побегнале, нема кого да уапсиш. А и да уапсиш некого, Лазаре, пак немаш кар – некои така ќе залежат таму, што ни со чад нема да ги истераш. Арно ми е тука, ќе ти речат, а ти – сиктер. Така ли е, Лазаре?

Подхаљужин. Така излегува.

Бољшов. Меници, па меници! А што е меницата? Да ми простите, хартија обична – и ништо друго. И да им ја дадеш на попуст,

ќе ја земат со таква камата, што стомакот ќе ти закрчи, па оди после одговарај сам со својата добрина. *(По пауза.)* Поарно да не се плет-каш со полицајците, сите само бараат и бараат заеми. И ако нешто донесат, ќе биде некое слепо дете или Арапче – ни нозе, ни глава, ни звање. Ама како сакаш! Со денешниве трговци да си немаш работа – ќе влезат во некој амбар, сè ќе надушкаат, сè ќе расчепкаат и ќе си отидат. Со што уште не тргуваат! Една продавница хемиска, друга црвена, трета бакалница – и од ниедна фајде. На аукции поарно да не одиш – ги буткаат цените до немај-каде. Ќе си земеш товар на врат, па и ќе им дадеш пара, ќе ги почестиш, ќе им прогледаш низ прсти што не мерат како што треба. Ете така ти е тоа! Ја разбираш ли работата?

Подхалџин. Мислам дека ја да разбирам.

Бољшов. Ете таква ти е трговијата, па оди после тргувај, да те видам! *(По пауза.)* Па, Лазаре, што мислиш?

Подхалџин. Што да мислам? Како ќе кажете вие, наша работа е да слушаме.

Бољшов. Што да слушате – зборувај искрено. За работа те прашувам.

Подхалџин. Во секој случај, Самсон Силич, како вие ќе кажете.

Бољшов. Се фатил за едно исто – како ќе кажете, па како ќе кажете. А ти како мислиш?

Подхалџин. Не можам јас да знам за тоа.

Бољшов *(по пауза)*. Кажи ми, Лазаре, искрено, ме сакаш ли ти мене? *(Молк.)* Ме сакаш ли? Што молчиш? *(Тишина.)* Сум те напоил, сум те нахранил, човек сум те направил, што се вели.

Подхалџин. Ех, Самсон Силич! Збор не можам да кажам за тоа. Немојте да се сомневате во мене! Еден збор доволно е да ми кажете само.

Бољшов. И што ако ти кажам?

Подхалџин. Што и да ви затреба, ќе ви удоволам, нема да се штедам.

Бољшов. Штом е така, тогаш нема што да се дискутира. Според мене, Лазаре, сега е вистинското време – имаме доволно готовина, а роковите на мениците им истекуваат. Нема што да чекаме.

Ако чекаш, ќе дочекаш, да ми простиш, некој трговец проклет, ист како тебе, да те ограби до гола кожа, а на друга страна ќе се спогоди за гривна по рубља, па ќе плива во милиони и нема да му е гајле за тебе. А ти, чесен трговец, гледај го и мачи се, трепкај со очите. Еве што мислам, Лазаре! Да им се даде на кредиторите ваков предлог: дали ќе земат од мене по дваесет и пет копејки за рубља. Како ти се чини?

Подхаљузин. Според мене, Самсон Силич, ако веќе плаќаш по дваесет и пет копејки за рубља, тогаш попристојно е воопшто и да не плаќаш.

Бољшов. Така велиш? Така е, впрочем. Со храброст никого нема да воодушевиш, подобро е тивко да си ја завршиш работата. После нека суди Севишниот по Второто доаѓање. Ех, грижи еден куп! Да, куќата и продавниците тебе ќе ти ги заложам.

Подхаљузин. Без грижа не ја бидува таа работа. Еве и за мениците треба да се најде некакво решение, стоката да се одвезе некаде подалеку. Да се фатиме за работа!

Бољшов. Така е. Ама стар сум веќе за работа. Ќе ми помагаш ли?

Подхаљузин. Секако, Самсон Силич, и во оган и во вода за вас!

Бољшов. Ете така! За неколку гроша ли ќе се ситничарам, да му се сневиди! Еднаш ќе пресечам и – готово. Само Господ смелост да ми даде. Фала ти, Лазаре. Прав пријател си! (*Станува.*) Ајде на работа! (*Доаѓа до него и го тапка по рамо.*) Ако ја завршиш работата како што треба, ќе ја поделиме добивката! За цел живот ќе те наградам. (*Оди накај вратата.*)

Подхаљузин. Мене, Самсон Силич, освен вашиот мир, ништо не ми треба. Од мали нозе сум со вас и ги гледам сите ваши добрини, така да речам, како чирак што го зеле да ги мете продавниците – така сум благодарен.

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЁМСЯ

— отрывок —

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление восьмое

Рисположенский (входя). А я к вам, матушка Аграфена Кондратьевна. Толконулся было к Самсону Силычу, да занят, вижу; так я думаю: зайду, мол, я к Аграфене Кондратьевне. Что это, водочка у вас? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (Пьет.)

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, на здоровье! Садиться милости просим; как живете-можете?

Рисположенский. Какое уж наше житье! Так, небо коптим, Аграфена Кондратьевна! Сами знаете: семейство большое, делишки маленькие. А не ропщу, роптать грех, Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна. Уж это, батюшка, последнее дело.

Рисположенский. Кто ропщет, значит, тот богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вот какая была история...

Аграфена Кондратьевна. Как тебя звать-то, батюшка? Я все позабываю.

Рисположенский. Сысой Псоич, матушка Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна. Как же это так: Псович, серебряный? По-каковски же это?

Рисположенский. Не умею вам сказать доподлинно; отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоич и выхожу.

Устинья Наумовна. А Псович, так Псович; что ж, это ничего, и хуже бывает, бралиантовый.

Аграфена Кондратьевна. Так какую же ты, Сысой Псович, историю-то хотел рассказать?

Рисположенский. Так вот, матушка Аграфена Кондратьевна, была история: не то чтобы притча али сказка какая, а истинное происшествие. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (Пьет.)

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, кушай.

Рисположенский (садится). Жил старец, маститый старец... Вот уж я, матушка, забыл где, а только в стороне такой...

необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей — мал мала меньше. Сам работать не в силах, жена тоже старуха старая, дети еще малые, а пить-есть надобно. Что было добра, под старость все прожили, поить, кормить некому! Куда деться с малы-ми ребятами? Вот он так думать, эдак думать — нет, сударыня ты моя, ничего уж тут не придумашь. «Пойду, говорит, я на распутие: не будет ли чего от доброхотных дателей». День сидит — бог подаст, другой сидит — бог подаст, вот он, матушка, и возроптал.

Аграфена Кондратьевна. А, батюшки!

Рисположенский. Господи, говорит, не мздоимец я, не лихои-мец я... лучше, говорит, на себя руки наложить.

Аграфена Кондратьевна. Ах, батюшка мой!

Рисположенский. И бысть ему, сударыня ты моя, сон в нощи...

Входит Большой.

Явление девятое

Те же и Большой.

Большой. А! и ты, барин, здесь! Что это ты тут проповедуешь?

Рисположенский (*кланяется*). Всё ли здоровы, Самсон Силыч?

Устинья Наумовна. Что это ты, яхонтовый, похудел слов-но? Аль увечье какое напало?

Большой (*сидясь*). Простудился, должно быть, либо геморой, что ли, расхотился...

Аграфена Кондратьевна. Ну, так, Сысой Псович, что ж ему дальше-то было?

Рисположенский. После, Аграфена Кондратьевна, после доскажу, на свободе как-нибудь забегу в сумеречки и расскажу.

Большой. Что это ты, али за святость взялся! Ха, ха, ха! Пора очувствоваться.

Аграфена Кондратьевна. Ну, уж ты начнешь! Не дашь по душе потолковать.

Большой. По душе!.. Ха, ха, ха... А ты спроси-ка, как у него из суда дело пропало; вот эту историю-то он тебе лучше расскажет.

Рисположенский. Ан нет же, и не пропало! Вот и неправда, Самсон Силыч!

Большов. А за что ж тебя оттудова выгнали?

Рисположенский. А вот за что, матушка Аграфена Кондратьевна. Взял я одно дело из суда домой, да дорогой-то с товарищем и завернули, человек слаб, ну, понимаете... с позволения сказать, хошь бы в погребок... там я его оставил, да хмельной-то, должно быть, и забыл. Что ж, со всяким может случиться. Потом, сударыня моя, в суде и хватились этого дела-то: искали, искали, я и на дом-то ездил два раза с экзекутором — нет как нет! Хотели меня суду предать, а тут я и вспомнил, что, должно быть, мол, я его в погребеке забыл. Поехали с экзекутором — оно там и есть.

Аграфена Кондратьевна. Что ж! Не токма что с пьющим, и с непьющим бывает. Что ж за беда такая!

Большов. Как же тебя в Камчатку не сослали?

Рисположенский. Уж и в Камчатку! А за что, позвольте вас спросить, за что в Камчатку-то сослать?

Большов. За что! За безобразие! Так неужели ж вам потакать? Этак вы с кругу сопьетесь.

Рисположенский. Ан вот простили. Вот, матушка Аграфена Кондратьевна, хотели меня суду предать за это за самое. Я сейчас к генералу к нашему, бух ему в ноги. Ваше, говорю, превосходительство! Не погубите! Жена, говорю, дети маленькие! Ну, говорит, бог с тобой, лежачего не бьют, подавай, говорит, в отставку, чтоб я и не видал тебя здесь. Так и простил. Что ж! Дай бог ему здоровья! Он меня и теперь не забывает; иногда забежишь к нему на празднике: что, говорит, ты, Сысой Псоич? С праздником, мол, ваше превосходительство, поздравить пришел. Вот к Троице ходил недавно, просвирку ему принес. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Аграфена Кондратьевна. Кушай, батюшка, на здоровье! А мы с тобой, Устинья Наумовна, пойдем-ка, чай, уж самовар готов; да покажу я тебе, есть у нас кой-что из приданого новенького.

Устинья Наумовна. У вас, чай, и так вороха наготовлены, бралиянтовая.

Аграфена Кондратьевна. Что делать-то! Материи новые вышли, а нам будто не стать за них деньги платить.

Устинья Наумовна. Что говорить, жемчужная! Свой магазин, все равно что в саду растет.

Уходят.

Явление десятое

Большов и Расположенский.

Большов. А что, Сысой Псоич, чай, ты с этим крючкотворством на своем веку много чернил извел?

Расположенский. Хе, хе... Самсон Силыч, материал не дорогой. А я вот забежал понаведаться, как ваши делишки.

Большов. Забежал ты! А тебе больно знать нужно! То-то вот вы подлый народ такой, кровопийцы какие-то: только б вам пронюхать что-нибудь эдакое, так уж вы и вьетесь тут с вашим дьявольским наущением.

Расположенский. Какое же может произойти, Самсон Силыч, от меня наущение? Да и что я за учитель такой, когда вы сами, может быть, в десять раз меня умнее? Меня что попросят, я сделаю. Что ж не сделать! Я бы свинья был, когда б не сделал, потому что я, можно сказать, благодетельствован вами и с ребятишками. А я еще довольно глуп, чтобы вам советовать: вы свое дело сами лучше всякого знаете.

Большов. Сами знаете! То-то вот и беда, что наш брат, купец, дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и наруку. Ведь вот ты теперь все пороги у меня обобьешь таскамшись-то.

Расположенский. Как же мне не таскаться-то! Кабы я вас не любил, я бы к вам и не таскался. Разве я не чувствую? Что ж я, в самом деле, скот, что ли, какой бессловесный?

Большов. Знаю я, что ты любишь, все вы нас любите; только путного от вас ничего не добьешься. Вот я теперь маюсь, маюсь с делом, так измучился, поверишь ли ты, мнением только этим одним. Уж хоть бы поскорей, что ли, да из головы вон.

Расположенский. Что же, Самсон Силыч, не вы первый, не вы последний; нечто другие-то не делают?

Большов. Как не делать, брат, и другие делают. Да еще как делают-то: без стыда, без совести! На лежачих лесорах ездят, в трехэтажных домах живут; другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему с своей образиной и войти-то туда совестно; а там и капут, и взять с него нечего. Коляски эти разъедутся неизвестно куда, дома все заложены, останется ль, нет ли кредиторам-то старых сапогов пары три. Вот тебе вся недолга. Да еще и обманет-то

кого: так, бедняков каких-нибудь пустит в одной рубашке по миру. А у меня кредиторы все люди богатые, что им сделается!

Рисположенский. Известное дело. Что ж, Самсон Силыч, все это в наших руках.

Большов. Знаю, что в наших руках, да сумеешь ли ты это дело сделать-то? Ведь вы народец тоже! Я уж вас знаю! На словах-то вы притки, а там и пошел блудить.

Рисположенский. Да что вы, Самсон Силыч, помилуйте, нешто мне в первый раз! Уж еще этого-то не знать! Хе, хе, хе... Да такие ли я дела делал, да с рук сходило. Другого-то за такие штуки уж заслали бы давно, куда Макар телят не гонял.

Большов. Ой ли? Так какую ж ты механику подсмолишь?

Рисположенский. А там, глядя по обстоятельствам. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)* Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать. Это уж первое дело.

Большов. Да, это точно надобно сделать заблаговременно. На кого бы только эту обузу свалить? Да вот разве на жену?

Рисположенский. Незаконно, Самсон Силыч! Это незаконно! В законах изображено, что таковые продажи недействительны. Оно ведь сделать-то недолго, да чтоб крючков после не вышло. Уж делать, так надо, Самсон Силыч, прочней.

Большов. И то дело, чтоб оглядок не было.

Рисположенский. Как на чужого-то закрепшишь, так уж и придраться-то не к чему. Спорь после, поди, против подлинных-то бумаг.

Большов. Только вот что беда-то: как закрепшишь на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне.

Рисположенский. Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал.

Большов. А где ты его найдешь нынче? Нынче всякий норovit, как тебя за ворот ухватить, а ты совести захотел.

Рисположенский. А я вот как мекаю, Самсон Силыч, хотите вы меня слушайте, хотите вы — нет: каков человек у вас приказчик?

Большов. Который? Лазарь, что ли?

Рисположенский. Да, Лазарь Елизарыч.

Большов. Ну, а на Лазаря, так и пускай на него; он малый с понятием, да и капиталец есть.

Рисположенский. Что же прикажете, Самсон Силыч, закладную или купчую?

Большов. А с чего процентов меньше, то и варгань. Как сделаешь все в акурате, такой тебе, Сысой Псоич, могарыч поставлю, просто сказать, угоришь.

Рисположенский. Уж будьте покойны, Самсон Силыч, мы свое дело знаем. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили об этом деле или нет? Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет.)*

Большов. Нет еще. Вот нынче потолкуем. Он у меня парень-то дельный, ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь. Ну, заложим мы дом, а потом что?

Рисположенский. А потом напишем реестрик, что вот, мол, так и так, по двадцати пяти копеек за рубль: ну, и ступайте по кредиторам. Коли кто больно заартачится, так можно и прибавить, а другому сердитому и всё заплатить... Вы ему заплатите, а он чтобы писал, что по сделке получил по двадцати пяти копеек, так, для видимости, чтобы другим показать. Вот, мол, так и так, ну, и другие, глядя на них, согласятся.

Большов. Это точно, поторговаться не мешает: не возьмут по двадцати пяти, так полтину возьмут; а если полтины не возьмут, так за семь гривен обеими руками ухватятся. Все-таки барыш. Там что хошь говори, а у меня дочь невеста, хоть сейчас из полы в полу да с двора долой. Да и самому-то, братец ты мой, отдохнуть пора; проклажались бы мы лежа на боку, и торговлю всю эту к чорту. Да вот и Лазарь идет.

Явление одиннадцатое

Те же и Подхалюзин (входит).

Большов. Что скажешь, Лазарь? Ты из городу, что ль? Как у вас там?

Подхалюзин. Слава богу-с, идет помаленьку. Сысою Псоичу! *(Кланяется.)*

Рисположенский. Здравствуйте, батюшка Лазарь Елизарыч! *(Кланяется.)*

Большов. А идет, так и пусть идет. (*Помолчав.*) А вот ты бы, Лазарь, когда на досуге баланц для меня сделал, учел бы розничную по панской-то части, ну и остальное, что там еще. А то торгуем, торгуем, братец, а пользы ни на грош. Али сидельцы, что ли, грешат, таскают родным да любовницам; их бы маленичко усовещевал. Что так, без барыша-то, небо копить? Аль сноровки не знают? Пора бы, кажется.

Подхалюзин. Как же это можно, Самсон Силыч, чтобы сноровки не знать? Кажется, сам завсегда в городе бываю-с, и завсегда толкуешь им-с.

Большов. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзин. Известное дело-с, стараюсь, чтобы все было в порядке и как следует-с. Вы, говорю, ребята, не зевайте: видишь чуть дело подходящее, покупатель, что ли, тумак какой подвернулся, али цвет с узором какой барышне понравился, взял, говорю, да и накинул рубль али два на аршин.

Большов. Чай, брат, знаешь, как немцы в магазинах наших бар обирают. Положим, что мы не немцы, а христиане православные, да тоже пироги-то с начинкой едим. Так ли? А?

Рисположенский смеется.

Подхалюзин. Дело понятное-с. И мерять-то, говорю, надо тоже поестественнее: тyani да потягивай, только, только чтоб, боже сохрани, как не лопнуло, ведь не нам, говорю, после носить. Ну, а зазеваются, так никто виноват, можно, говорю, и просто через руку лишний аршин раз шмыгнуть.

Большов. Все единственно: ведь портной украдет же. А? Украдет ведь?

Рисположенский. Украдет, Самсон Силыч, бесприменно, мошенник, украдет; уж я этих портных знаю.

Большов. То-то вот; все они кругом мошенники, а на нас слава.

Рисположенский. Это точно, Самсон Силыч, это вы правду говорить изволите.

Большов. Эх, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежние времена. (*Помолчав.*) Что, ведомости принес?

Подхалюзин (*вынимая из кармана и подавая*). Извольте получить-с.

Большов. Дава-ко-сь, посмотрим. *(Надевает очки и просматривает.)*

Рисположенский. Я, Самсон Силыч, рюмочку выпью. *(Пьет, потом надевает очки, садится подле Большова и смотрит в газеты.)*

Большов *(читает вслух)*. «Объявления казенные и разных обществ: 1, 2, 3, 4, 5 и 6, от Воспитательного дома». Это не по нашей части, нам крестьян не покупать. «7 и 8 от Московского университета, от Губернских правлений, от Приказов общественного призрения». Ну, и это мимо. «От Городской шестигласной думы». А ну-тко-сь, нет ли чего! *(Читает.)* «От Московской городской шестигласной думы сим объявляется: не пожелают ли кто взять в содержание нижеозначенные оброчные статьи». Не наше дело: залогии надоть представлять. «Контора Вдовьего дома сим приглашает...» Пускай приглашает, а мы не пойдем. «От Сиротского суда». У самих ни отца, ни матери. *(Просматривает дальше.)* Эге! Вон оно куды пошло! Слушай-ка, Лазарь! «Такого-то года, сентября такого-то дня, по определению Коммерческого суда, первой гильдии купец Федот Селиверстов Плешков объявлен несостоятельным должником; вследствие чего...» Что тут толковать! Известно, что вследствие бывает. Вот-те и Федот Селиверстыч! Каков был туз, а в трубу вылетел. А что, Лазарь, не должен ли он нам?

Подхалюзин. Малость должен-с. Сахару для дому брали пудов никак тридцать, не то сорок.

Большов. Плохо дело, Лазарь. Ну, да мне-то он сполна отдаст по-приятельски.

Подхалюзин. Сумнительно-с.

Большов. Сочтемся как-нибудь. *(Читает.)* «Московский первой гильдии купец Антип Сысоев Енотов объявлен несостоятельным должником». За этим ничего нет?

Подхалюзин. За масло постное-с, об великом посту брали бочонка с три-с.

Большов. Вот сухоядцы-то, постники! И богу-то угодить на чужой счет норовят. Ты, брат, степенству-то этому не верь! Этот народ одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет! Вот и третий: «Московский второй гильдии купец Ефрем Лукин Полуаршинников объявлен несостоятельным должником». Ну, а этот как?

Подхалюзин. Вексель есть-с!

Большов. Протестован?

Подхалюзин. Протестован-с. Сам-то скрывается-с.

Большов. Ну! и четвертый тут, Самопалов. Да что они, сговорились, что ли?

Подхалюзин. Уж такой расподлеющий народ-с.

Большов (*ворочая листы*). Да тут их не перечеитаешь до за-втрашнего числа. Возьми прочь!

Подхалюзин (*берет газету*). Газету-то только пакостят. На все купечество мораль эдакая.

Молчание.

Рисположенский. Прощайте, Самсон Силыч, я теперь домой побегу: делишки есть кой-какие.

Большов. Да ты бы посидел немножко.

Рисположенский. Нет, ей-богу, Самсон Силыч, не время. Я уж к вам завтра пораньше зайду.

Большов. Ну, как знаешь!

Рисположенский. Прощайте! Прощайте, Лазарь Елизарыч! (*Уходит.*)

Явление двенадцатое

Большов и Подхалюзин.

Большов. Вот ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь, что! Так вот даром и бери деньги. Как не деньги, скажет, видал, как лягушки прыгают. На-ка, говорит, вексель. А по векселю-то с иных что возьмешь! Вот у меня есть завалящих тысяч на сто, и с протестами; только и дела, что каждый год подкладывай. Хошь за полтину серебра все отдам! Должников-то по ним, чай, и с собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбежались, некого и в яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, так сам не рад: другой так обдержится, что его оттедова куревом не выкуришь. Мне, говорит, и здесь хорошо, а ты проваливай. Так ли, Лазарь?

Подхалюзин. Уж это как и водится.

Большов. Все вексель да вексель! А что такое это вексель? Так, с позволения сказать, бумага, да и все тут. И на дисконту отдашь, так проценты слупят, что в животе забурчит, да еще после своим добром отвечай. (*Помолчав.*) С городовыми лучше не связы-

вайся: всё в долг да в долг; а привезет ли, нет ли, так слепой мелочью да арабчиками, поглядишь — ни ног, ни головы, а на мелочи никакого звания давно уж нет. А вот ты тут, как хошь! Здешним торговцам лучше не показывай: в любой анбар взойдет, только и дела, что нюхает, нюхает, поковыряет, поковыряет, да и прочь пойдет. Уж диви бы товару не было, — каким еще рожном торговать. Одна лавка москательная, другая красная, третья с бакалеей; так нет, ничто не везет. На торги хошь не являйся: сбивают цены пуще чорт знает чего; а наденешь хомут, да еще и вязку подай, да могоарычи, да угощения, да разные там недочеты с провесами. Вон оно что! Чувствуешь ли ты это?

Подхалюзин. Кажется, должен чувствовать-с.

Большов. Вот какова торговля-то, вот тут и торгуй! (*Помолчав.*) Что, Лазарь, как ты думаешь?

Подхалюзин. Да как думать-с! Уж это как вам угодно. Наше дело подначальное.

Большов. Что тут подначальное: ты говори по душе. Я у тебя про дело спрашиваю.

Подхалюзин. Это опять-таки, Самсон Силыч, как вам угодно-с.

Большов. Наладил одно: как вам угодно. Да ты-то как?

Подхалюзин. Это я не могу знать-с.

Большов (*помолчав*). Скажи, Лазарь, по совести, любишь ты меня? (*Молчание.*) Любишь, что ли? Что ж ты молчишь? (*Молчание.*) Поил, кормил, в люди вывел, кажется.

Подхалюзин. Эх, Самсон Силыч! Да что тут разговаривать-то-с. Уж вы во мне-то не сомневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Большов. Да что ж, что ты весь-то?

Подхалюзин. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

Большов. Ну, так и разговаривать нечего. По мне, Лазарь, теперь самое настоящее время: денег наличных у нас довольно, вексям всем сроки подошли. Чего ж ждать-то? Дождешься, пожалуй, что какой-нибудь свой же брат, собачий сын, оберет тебя дочиста, а там, глядишь, сделает сделку по гривне за рубль, да и сидит в

миллионе, и плевать на тебя не хочет. А ты, честный-то торговец, и смотри да казись, хлопай глазами-то. Вот я и думаю, Лазарь, предложить кредиторам-то такую статью: не возьмут ли они у меня копеек по двадцати пяти за рубль. Как ты думаешь?

Подхалюзин. А уж по мне, Самсон Силыч, коли платить по двадцати пяти, так пристойнее совсем не платить.

Большов. А что? Ведь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихим-то манером дельцо обделать. Там после суди владыка на втором пришествии. Хлопот-то только куча. Дом-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзин. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселя надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевести куда подальше. Станем хлопотать-с!

Большов. Оно так. Да старенек уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхалюзин. Помилуйте, Самсон Силыч, в огонь и в воду полезу-с.

Большов. Эдак-то лучше! Чорта ли там по грошам-то наживать! Махнул сразу, да и шабаш. Только напусти бог смелости. Спасибо тебе, Лазарь. Удружил! *(Встает.)* Ну, хлопочи! *(Подходит к нему и треплет по плечу.)* Сделаешь дело аккуратно, так мы с тобой барышами-то поделимся. Награжу на всю жизнь. *(Идет к двери.)*

Подхалюзин. Мне, Самсон Силыч, кроме вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как жимши у вас с малолетства и видимши все ваши благодеяния, можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать.

СЕДИ СИ НА СВОЕ МЕСТО

ПРЕВОД: ФРОСИНА МИЛКОВСКА

ВОВЕД

Истакнатиот руски драматург од XIX век Александар Николаевич Островски важи за пионер на реализмот во рускиот театар. Неговите дела се познати по верните и богати прикази на општеството и по неговата способност да ја отслика реалноста на своето време преку драмските ситуации.

Пиесата „Седи си на свое место“ (*Не в свои сани не садись*), едно од неговите најзначајни дела, претставува социјална критика и претстава на културната дихотомија во тогашното руско општество. „Седи си на свое место“ е напишана во 1852 година, во време на значајни општествени и политички промени во Русија. Драмата го отсликува периодот на укинување на крепосништвото и појавата на средната класа. Островски вешто ги доловува тензиите и конфликтите кои произлегле од судирот на традиционалните вредности и новите стремежи. Со поставувањето на дејството на драмата во трговско семејство од тоа време, Островски ги истакнува борбите и амбициите на новата средна класа.

„Седи си на свое место“ е дел од т.н. „московски циклус“ на социјално-битови драми на Островски, пишувани од 1852 до 1855 година. Во оваа и во други пиеси од тој период, како „Сиромаштијата не е порок“ (*Бедность не порок*) и „Немој да живееш како што сакаш“ (*Не так живи, как хочется*), авторот ја напушта традицијата на остра критика кон руското општество во стилот на Гогољ, во врска со што му пишува на Михаил Погодин: „Подобро е Русинот да се радува кога се гледа себеси на сцената одошто да тагува. И без нас ќе се најдат реформатори.“ Според Островски, театарот е најразбирливата уметничка форма, блиска дури и до неукиот човек. Затоа постојано барал нови форми со кои би ја привлечол широката јавност. Драмите на Островски од овој период се карактеризираат со описи на националниот карактер на рускиот народ и прикажувања на важните особини на традиционалното семејно секојдневие, кои имаат особено значење за моралот и практиките на луѓето.

Ликовите во драмата играат клучни улоги во истакнувањето на социјалната динамика и културните конфликти во рамките на

драмското дејство. Русаков, патријархот на семејството, ги отелотворува традиционалните руски вредности, а неговата ќерка, Авдотја Максимовна, го претставува судирот меѓу традиционалните вредности и примамливоста на аристократскиот начин на живот. Ликот на Вихорев служи како контраст на Русаков, илустрирајќи ги негативните последици од потклекнувањето на коруптивното влијание на аристократијата. Преку интеракциите и конфликтите меѓу овие ликови, Островски ги прикажува моралните дилеми со кои се соочуваат поединците растргнати помеѓу општествените очекувања и личните желби. Преку овие ликови, Островски не само што ги нагласува разликите помеѓу класите, туку и го критикува моралниот распад на аристократијата. Драмата е своевидно предупредување за опасностите од самовозвишувањето и влијанието што тоа го има врз поединците и врз општеството во целина. Преку својот комичен објектив, Островски ја пренесува пораката дека егоцентричноста доведува до деградација на личниот идентитет и ерозија на моралните вредности.

Драмата ги допира и темите на индивидуализмот и борбата за изразување во рамките на хиерархиски подреденото општество. Островски прикажува ликови како Авдотја и Арина Федотовна, кои им пркосат на општествените норми и го оспоруваат воспоставениот поредок. Нивната желба за слободна волја и автономија станува катализатор на промените. Истражувањето на Островски на овие теми го одразува променливиот социјален пејзаж на Русија од XIX век, каде што поединците почнуваат да ги преиспитуваат своите улоги и да бараат лично задоволство надвор од нивните пропишани општествени позиции.

„Седи си на свое место“ предизвикала жива дебата меѓу критичарите. Имало многу спротивставени ставови од гласовите на критиката, како Аненков, анонимниот А.М., Доброљубов и Павлов.

Николај Филипович Павлов во својата статија ја довел во прашање уметничката вредност на пиесата на Островски и тврдел дека на рускиот живот му недостасуваат потребните елементи за создавање дело во склад со вечните уметнички барања. Тој сугерира дека портретирањето на ликовите од трговската класа на Островски, со нивното ограничено образование и национално потекло, ја ограничуваат длабочината на претставата. Според Павлов, таквите

ликови се посоодветни за комично прикажување на општеството одошто за длабоко уметничко дело. Тој тврдел дека Островски е само површен писател на популарна литература, кому му недостига способност за вистинско уметничко изразување.

А.М., во рецензијата објавена во „Драмска збирка“, ја споменува Павловата негација на „божјиот пламен“ во Бородкин, неговата способност да сака, чувствува и сочувствува. А.М. ги брани вистинските морални мотивации на Бородкин, нагласувајќи дека тој избира да се ожени со Дуња со нејзина согласност, наместо да ја третира како обична сопственост. А.М. тврди дека страдањето на Дуња заради нејзините скршени надежи и повредени чувства не е неверојатно. Понатаму, А.М. тврди дека Павлов не успева да ја разбере комплексноста на човечките емоции и односи. Тој пишувал дека љубовта не е статично чувство и дека љубовта на Дуња кон Вихорев слабее поради разочарување, што ја наведува повторно да ја открие својата наклонетост кон Бородкин.

Николај Александрович Доброљубов, во својата статија „Зрак светлина во темното кралство“, ја критикува перцепцијата на Павлов за рускиот живот како неможен да обезбеди материјал погоден за уметничко творештво. Доброљубов верува дека теоријата на Павлов нема основа и бара посериозни докази за неговите аксиоми. Доброљубов го признава значењето на претставата, препознавајќи ја способноста на Островски да прикаже спој на почитта кон длабоката ерудиција, православното разбирање на светот и фолклорниот поглед на реалноста.

Павел Василјевич Аненков во неговата рецензија тврди дека образованието треба да служи за негување и развивање на моралните сили во луѓето, придонесувајќи за напредок и интеграција на општеството. Тој го критикува Павлов за тоа што тој остро ја осудува Дуња, едноставната, наивна и заљубена ќерка на трговецот. Аненков истакнува дека постапките на Дуња се предводени од искрени емоции, особено нејзината љубов кон Бородкин, прекината од страсната средба со кавалеристот. Аненков ја отфрлил идејата на Павлов дека ограниченото образование на Дуња и нејзиниот статус како ќерка на трговец треба да бидат повик за јавно понижување.

Овие критики отвораат различни перспективи кон пиесата, истакнувајќи ги темите на образованието, моралните сили, љубовта, социјалната класа и уметничката вредност на делото на Островски. Секој критичар нуди своја интерпретација и поставува важни прашања за портретирањето на ликовите и севкупната длабочина на драмскиот текст.

Може да резимираме дека пиесата „Седи си на свое место“ од Островски ги истражува комплексноста на социјалната критика и културната дихотомија во Русија во средината на XIX век. Преку истражување на класните поделби, спротивставените вредности и моралните дилеми, дамскиот текст дава длабок опис на општествената динамика во тоа време. Ликовите и темите во делото на Островски нè повикуваат да размислуваме за тензиите меѓу традицијата и современиот начин на живот, потрагата по материјално богатство наспроти моралниот интегритет и трајната моќ на културниот идентитет.

СЕДИ СИ НА СВОЕ МЕСТО

– извадок –

ПРВ ЧИН

Заедничка соба во хотелот; врати на задниот и страничните сидови, маса во левиот агол спроти публиката.

Прва сцена

Степан седи на масата и јаде харинга на сина шеќерна хартија. Келнерот стои покрај него со крпа преку рамо.

Степан. Што гледаш, пријателе? Чудо од јадење, а? Да ми позавидиш на живеачкава! Трет ден како јадам харинги, аир не видов. Само пијам и стомакот ми кркори.

Келнерот. А што ти прави господарот, момоку?

Степан. Отслуживме со господарот цела недела без одина.

Келнерот. Е, оти толку малку?

Степан. Па, кај да служи? Си има човекот други работи на ум, а и гордоста го мачи... (*Тешко голта.*) Кој сум бил, што сум бил! Но, имаше и други престапи и пакости, па ме обвинија за сè и ме избркаа.

Келнерот. А имот имате ли?

Степан. Големо село имаше, ама пожар го голтна. Сè се запусту, сè пропадна! Ти се верува ли, пријателе, кога стигнавме во селото – камен врз камен не беше останат; а кога го видов житото во полето, не им верував на очиве: пустелија беше останата.

Келнерот. А многу души има?

Степан. Татко му имаше сто и педесетина, сега се единаесет, а јас сум дванаесеттиот – слуга. Ете ти.

Келнерот. А зошто е дојден овде вашиот господар?

Степан. Да се жени сака, има високо мислење за себе... Кога ќе се оженам за богата жена, вели, сè ќе си дојде на свое место.

Глас зад сцената: Степан!

Идам! (Ја завиткува харингата во хартијата и ја става в џеб. Заминува.)

Келнерот ја брише масата со крпа. Влегуваат Бородкин и Маломалски.

Втора сцена

Бор одкин. Сега, Селиверст Потапич, ќе уживате кога ќе го пробате виново, врвни сорти.

Маломалски. Одлично! Донесете чај... побрзо... од најдобриот... (*Седнува на масата.*)

Бор одкин. Ако го пробате сега, секогаш ќе земате од мене. И јас, Селиверст Потапич, секогаш можам да ви помогнам со оваа работа.

Келнерот носи чај и го става на масата. Бор одкин почнува да мије чаши и да сипува чај.

Бор одкин. Дозволете ми да ве почестам со шише лисабонско.

Маломалски. Јас, братко, не сум против... ќе се напијам.

Бор одкин. Момче! Еј, момче!

Момчето влегува.

Бор одкин. Тркни до продавница, кажи му на продавачот да ти даде шише од најдоброто лисабонско.

Момчето заминува. Бор одкин сипува чај.

А тој, Селиверст Потапич, лаже. Нема да му успее да ме оцрни.

Маломалски. Ако си ја работиш работата како што треба и, што се вели, внимателно... никој не може да те оцрни.

Бор одкин. Вистина, Селиверст Потапич, фала му на Бога! Кога останав без родителите на седумнаесет години, трпев секакви притисоци од роднините. А сега, со капиталот што ми го остави мојот драг татко, лесно можев сè да прокоцкам. Бев рамнодушен кон сето ова, и кога пораснав, не само што не се расфрлав и не живеев безгрижно, како што можеби знаете, го дуплирав капиталот, си живеам сам, со својот ум и немам намера да веднам глава пред никого.

Маломалски. Така е... правиш како што треба.

Бор одкин (*тропа по чајникот со капакот*). Вода!

Приоѓа келнерот и го зема чајникот.

Маломалски. Ти... имаш свои... правила...

Бор одкин. Повторно, Селиверст Потапич, зошто ме навредува?

Маломалски. Не треба да го прави тоа...

Бор одкин. Шири гласини, наводно, дека сум се зафатил со оваа малодушност, со пиенењето. Но, тоа е лага. Кој ме видел пијан!...

Повторно, дури и ако навистина пијам, на крајот на краиштата, пијам на своја сметка, не на негова. А главната причина за сето ова е само зависта.

Келнерот носи вода. Бородкин сипува.

А можеби и не знае дека не ми е грижа.

Маломаски. Слушај! Остави го... не му обрнувај внимание! Како што си имаш свои работи и како постапуваш, отприлика, во тој круг... така и треба да постапиш, и никој нема да може да те попрачи.

Бородкин. Сепак, ова е навредливо. Има една поговорка: добрата слава лега, а лошата бега. Зошто сега да зборувам лошо за тој човек? Подобро да кажам нешто добро.

Маломалиски. Во право си.

Бородкин. Секој суди според туѓите зборови. И од каде знае, можеби со тоа ќе ми наштети. Сакам да се женам, а кому ќе сум му потребен кога вакви работи за мене се зборуваат.

Маломалиски. Слушај! Ако се ожениш... кој па може да му поверува... бидејќи тој е празен човек и, ако можам така да кажам, сите негови муабети се безвредни... Никому не му прави штета... туку на себе.

Бородкин. Се разбира, Селиверст Потапич, сите знаат дека сето тоа се празни зборови, но која е поентата на ова? Што му направив? Јас дури и не мислам на него, затоа што е неук и навредува.

Келнерот (*принесува шише*). Да го отворам?

Бородкин. Отвори и дај чаши.

Келнерот. Веднаш. (*Го отвора шишето, носи две чаши на послужавникот и ги полни.*)

Бородкин. Повелете. (*Ги земаат чашите и пијат.*) Како се чувствуваш?

Маломалиски. Ништо посебно... прифатливо... Еј, ти! Собери го чајот.

Бородкин. Ќе ви го давам за по педесет копејки. (*Тишина. Пијат.*) А јас... вистина... не оти сум пијан или нешто друго, се трудам да ги натерам луѓето да зборуваат добри работи за мене. Како што живеам пет години со мајка ми, знаете и вие, чесно и

благородно... Еве уште малку... напијте се. (*Сипува.*) Никој не задевам, што значи дека никој не се грижи за мене. Се разбира, поради мојата младост, јас сум должен да ги почитувам постарите, но не секој. Другиов не е ни достоин за внимание за да му се покаже почит. И ве молам, Селиверст Потапич, ве молам да му се помолите на Бога за мене. (*Станува и се поклонува.*)

Маломалски. Каква молба имате?

Бородкин. Се однесува на Максим Федотич... Ќе ве замолам да кажете неколку зборови во моја корист.

Маломалски. Па, за што точно... станува збор?

Бородкин. За Авдотја Максимовна! Ова е моја желба и желба на мајка ми.

Маломалски. Ништо не е тоа... може...

Бородкин. Немој да мислите, Селиверст Потапич, дека ќе ме заведат пари или мираз, ништо од тоа. Што ќе ми е мираз, Господ да чува, имам доволно. Јас, всушност, сум многу вљубен во Авдотја Максимовна. Се трудам да не мислам на тоа, но невозможно е. Верувајте ми, Селиверст Потапич, кога навечер ќе седнете дома на прозорецот, ќе земете гитара да се развеселите, и таква мака ви надоаѓа, што дури и ќе се расплачате.

Маломалски. Можно е... да го доживеам тоа...

Бородкин. И ми се чини дека ништо друго не ми треба во животот освен Максим Федотич да ми ја даде Авдотја Максимовна, дури и без никаков чеиз.

Маломалски. Сè е во наши раце.

Бородкин. Биди татко и добротвор! Денеска ќе дојде кај вас Максим Федотич, па кажете му, а јас ќе ви бидам должен до гроб. Вака кажете му: Иван, направи го тоа, од сè срце. Дали сакате да испратам по уште едно шише?

Маломалски. Па, прати...

Бородкин (*кон келнерот*). Испрати го момчето да донесе друго шише.

Келнерот. Веднаш. (*Заминува.*)

Влегува Русаков. Бородкин брзо станува и се поклонува. Станува и Маломалски.

Трета сцена

Истите и Русаков.

Бородкин (*покажувајќи кон диванот*). Повелете, Максим Федотович! Со сета почит.

Русаков. Еве, свате, дојдов кај тебе, ќе ме почестиш ли нешто?

Маломалски. Кинески билки... прва класа... донесете.

Русаков. Аман со тие билки!...

Бородкин. Како се домашните, Авдотја Максимовна, Арина Федотовна? Здрави се?

Русаков. Добро се, полека си живеат. Иванушка, зошто толку ретко нè посетуваш?...

Бородкин. Ќе ве посетам, Максим Федотич, некој ден. Цело време имам обврски. Нема ли да нарачате чаша лисабонско вино?

Русаков. Не, братко, не пијам тоа. После пат и ти, свате, би нарачал чашка вотка.

Маломаски. Секако! Донесете вотка... побрзо, од домашната... и мезе. Слушај, кажи ѝ на жена ми дека сватот е дојден.

Келнерот заминува.

Русаков. За што зборувате, пријатели?

Маломалски. За нешто... важно, бара размислување.

Русаков. Добро е што одиш по совет кај постарите, Иване. Два ума се подобри од еден... Иако си паметно момче, послушај го стариот... Стариот нема да ти даде лош совет. Дали сум во право?

Маломалски. Така е, во право си.

Келнерот носи вотка и ја става на масата.

Русаков (*пие*). А ти, свате, би сакал да се напиеш?

Маломалски. Јас, сватче... ќе се напијам... Малку се опуштив денеска. (*Пие со сериозен израз.*) Но, имам нешто да ти кажам, свате...

Русаков. Што да ми кажеш?

Маломалски (*покажува на Бородкин со сериозен израз на лицето*). Еве, овој човек... хм!.. на пример... (*намигнува*) т.е. отприлика, доаѓа кај мене... и сè така...

Русаков. Ти и така си неразбирлив! И онака не си вешт во зборувањето, а кога веќе се трудиш да бидеш сериозен, тогаш барем целосно престани.

Маломалски. Времето... Зборувам за тоа. Хм!.. Ајде да се напиеме најпрвин.

Русаков. Пиј, јас не сакам.

Маломалски (*пие и се мурти*). Но, еве, тој доаѓа кај мене... гледаш... вели така и така... дека е, може да се рече, вљубен.....

Бородкин станува.

Добро, значи... ме замолува да раководам... во целава оваа работа.

Русаков. И?..

Маломалски. Стрпи се! Сега кога е имашлив... то ест... со сиот свој капитал... хм... заради брак, на пример, доаѓа кај мене...

Русаков. Веќе слушнавме.

Маломалски. Јас, свате... не умеам да зборувам, а ти, на пример, имаш мома за мажење, ние момче за женење...

Русаков. Невозможно е да се разбере од тебе, свате, дали така се шегуваш или зборуваш за нешто важно.

Маломалски. За нешто важно, свате.

Русаков. Па, тогаш за оваа важна работа треба да се зборува на вистински начин, а не вака. Зарем не сфаќаш дека не е шега? Тоа е засекогаш.

Маломалски. Слушај свате... сега ти нешто, на пример, барем од околу...

Русаков. Што да ти кажам? Знаеш, Дуња ми е една... Единствена утеха што ја имам. Не ми треба ниту благородник, ниту богат, само сакам да биде добар човек и да ја сака Дуња, а јас да им се восхитувам на животот... навистина. Затоа морам разумно да ја направам таа работа, бидејќи за неа ќе одговарам пред Бога.

Бородкин. Секако, Максим Федотич, главната причина е колку Авдотја Масимовна сама ќе го бендиса човекот.

Маломалски. Така е, така е.

Русаков. И двајцата лажете! Доволно ли е да ѝ веруваш на девојка кој ќе ѝ се бендиса!... Знаеме дека моминските работи се... глупости... Долго можеш да лажеш девојка!.. Секаков бадијалција, прости ми, Боже, може да се појави, да ѝ ласка, и ете, девојката ќе го засака. Да ја дадам без размислување?... Не, тоа не е во ред. Нема да ја дадам за некој што го сака, туку за некој што јас го сакам. Да,

за кого сакам за тој ќе ја дадам. Да, ќе го набљудувам тој човек една година, ќе го согледам од сите страни. А како да се верува на девојка? Што видела таа? Кого знае?... А јас, свате, шеесет години џабе не сум на светов, луѓе сум видел. Мене не можеш да ме измамиш толку лесно.

Маломалски. Слушај, свате, за кого е татко... за тој оди... оти е подобар... кај е девојката?... Дај им слобода... после нема да можеш да излезеш на крај, така ли е... а?..

Русаков. Па, што! За тебе сето ова нема смисла! Ќерка ми не е таква... Дуњушка моја, истата покојна мајка... Се секаваш ли, свате?... Но, ајде! Грев е да се жали човек. *(Бришејќи ги солзите.)* Проживеав триесет години! И за тоа треба да му благодарам на Бога. А и како живееш! Триесет години не сме си кажале лош збор! Таа, гулабица, каде и да оди, носи радост. И Дуња е иста – пушти ја меѓу дивите ѕверови, нема ни да ја допрат. Погледни ја, само љубов и кроткост има во очите. Ќе го сака секој маж, само треба да ѝ се најде некој што ќе ја сака и разбира. Каква душа има таа... руска душа.

Бородкин. Јас, Максим Федотович, го разбираам ова многу добро.

Русаков. Па, Иванушка, нема да те лажам. Ми се допаѓаш, добар човек си, во нашиот град подобар од тебе нема. Помини подоцна и кажи ѝ на мајка ти да дојде, ќе зборувам со неа.

Момчето принесува шише вино.

Бородкин. Првата должност ти е да ѝ пренесеш на мајка ти.

Маломалски. Тогаш, дајте си рака... а?... А сега, свате, ајде... да се напиеме сите. *(Пијат.)*

Русаков *(станува)*. Па, до гледање, свате.

Маломалски. Почекај!

Русаков. Немам време! Дома ме чекаат за ручек.

Маломалски. Не, чекај... да ти раскажам една приказна... Слушај... стоевме кај мене на преминот... малку, речиси, пијани... и каков маскенбал направивме!

Русаков. Аман со маскенбалот! До гледање!

Бородкин. Ќе скокнам до продавница, ќе наминам до дома, и кај вас.

Заминуваат.

Петта сцена

Кленерот, Баранчевски и Вихорев.

Вихорев. Еве како се случи: слушнав дека Русаков има многу пари, па намерно дојдов од селото. Мислев да ја искористам шансата! Или е господин или пропаднал... Му се претставив, се запознавме, а со неа се запознав преку домаќинката, Ана Антоновна. Авдотја Максимовна понекогаш доаѓа кај неа. Па, знаете, малку по малку почнавме да разговараме, а потоа не ни требаше многу време за да се вљубиме.

Баранчевски. Што ќе ми објаснуваш!

Вихорев. Работата е, Баранчевски, ми требаат пари. Богатството што некогаш го имав одамна го нема, имотот е уништен. Пријателе мој! Немам од што да живеам, немам со што да дојдам во Москва, а и таму многу должам. Морам да се омажам за богатата жена по секоја цена, само тоа ќе ме спаси.

Баранчевски. Омажи се за Русакова. Зарем има подобра? Освен тоа, таа е вљубена во тебе.

Вихорев. За вљубена – вљубена е, но што ќе каже татко ѝ? И кажи ми, Баранчевски, многу ли пари има?

Баранчевски. Веројатно половина милион.

Вихорев. Не, се шегуваш?

Баранчевски. Каква шега! Сигурно има половина милион, ако не и повеќе. *(Погледнува на часовникот.)* Не се брзам, ајде да испиеме по една.

Вихорев. Секако.

Баранчевски *(на келнерот)*. Едно шише шампањ! *(Седнуваат.)*

Вихорев. Не, слушај сега, Баранчевски, вистина ли Максим Федотич има половина милион?

Баранчевски. Ништо чудно! Имаме многу богати трговци. Јас самиот земав сто и педесет илјади.

Вихорев. Ти?.. Не, брат, се мајтапиш!.. Не ми се верува.

Баранчевски. Верувај, те молам. Си купив имот, седум врсти од градот, со двесте души, многу убаво ја уредив куќата.

Вихорев. Баранчевски! Ти си голем човек! Среќлија! Јас немам таква среќа. Се плеткав со една во Москва – добар улов. Лудо

се вљуби, страшно, но јас едноставно немам средства, а туку така не ја даваа. Се обидов да ја земам, но не можеш да излезеш на крај со неа. Страшна глупачка! Глупачка а la lettre, mon cher, таква несреќа!

Баранчевски. Само брат, непријатно, се забележува дека сме трговци.

Вихорев. Е што е важно тоа? Вреди да се поразговара! Слушај, Баранчевски, биди пријател, помогни ми!

Баранчевски. Секако дека ќе ти помогнам!

Вихорев. На крајот на краишата, овие луѓе и не ја разбираат најосновната вистина... Што се пари? Ништо повеќе и ништо помалку од средство за пристојно живеење, за сопствено задоволство. И тие се обидуваат да насоберат што е можно повеќе и да живеат што е можно помалку. А науката докажува дека тоа е штетно... за трговијата... и за целото општество.

Баранчевски. Да, да, мил мој, точно!

Вихорев. Види, да немав пари, немаше да побарам ни шише шампањ, а со тоа се поддржува развојот на трговијата.

Баранчевски кимнува со главата во знак на согласност.

Па ако ние, образованите, луѓе со вкус, но без средства, се ожениме со богатите и на тој начин, знаеш, обезбедиме некакво раздвижување... може ли да бидеме виновни за тоа?

Баранчевски. Воопшто не!

Вихорев. Но, има филозофи кои го осудуваат тоа!..

Баранчевски. Нека осудуваат, ако сакаат!..

Вихорев. Сега земи го во предвид мојот меланхоличен карактер: мене и така сè ми изгледа црно, а во ваква безнадежност... не можеш ни да замислиш... Кога имам пари, јас сум сосема друг човек: станувам весел, опуштен, можам да ѝ се посветам на работата... Не, Андруша, навистина!... Особено во последно време, околностите беа многу лоши, таква тага, брат, ме обзеде, почнав да очајувам. Сериозно ти зборувам, помогни ми, Баранчевски.

Баранчевски. Секако, секако!..

Вихорев. Имаш ли добра кочија?

Баранчевски. Најдобрата во градот.

Вихорев. Позајми ми ја за да одам кај нив.

Баранчевски. Со задоволство, пријателе! (*Стануваат и шетаат по бината.*) Зошто не ни носат вино?...

Вихорев (*фаќајќи го за половината*). Така е, Андруша!.. Готово е работата!.. Господ сакал да се сретнеме! Ама, гледам си се здебелил.

Келнерот носи шише и две чаши, ги става чашите на масата и го отвора шампањот.

Вихорев. Не го пукај, братче, не го пукај. Не поднесувам.

Седат на масата. Келнерот ги полни чашите и оди настрана.

Пијат молчејќи.

Што беше таа врева?

Келнерот. Газдата се развесели.

Вихорев. Често ли се случува тоа?

Келнерот. Одвреме-навреме. Седеше со пријателите, со Максим Федотич, Бородкин.

Вихорев. И Максим Федотич дојде?

Келнерот. Дојде. Ја сврши ќерка му.

Вихорев. Каква глупост!.. Ти, братче, лажеш! За кого?

Келнерот. За Бородкин.

Вихорев. Не е можно, бабини деветини! Слушај, пријателе, е ова е несреќа!... Еве што се вика несреќа!... (*Скокнува.*) Што е ова, Ѓавол знае... Разбираш ли дека јас за ова дојдов тука? Ќе се согласиш, Баранчевски, ова е страшно разочарување!... Кој е тој Бородкин?

Келнерот. Тукашен трговец.

Вихорев. Богат ли е, убав, образован?

Келнерот. Колку што можат да бидат Русите.

Вихорев. Од богата фамилија ли е?

Келнерот. Каква богата фамилија! Втор братучед му е на браварот!

Вихорев. Тогаш таа нема да отиде за него! Ти велам, Баранчевски, вљубена е во мене, не те лажам. Или можеби тука имате обичај принудно да ги мажите... Кој ве знае... Во каква пустелија дојдов!.. Ѓавол знае колку е досадно!

Келнерот. Простотилак. Од простотилакот е тоа.

Баранчевски. Па, добро, зошто се возбудуваш толку?

Вихорев. Да, ти си се намести тука, добро ти е тебе тука со богата жена, а јас што сум крив?! Стави се на мое место... (*Оди по собата.*) И сега што да правам?

Баранчевски. Еве што ќе правиш: ќе одиме кај мене на ручек, ќе те запознаам со жена ми, па вечерва земи ми ги коњите и оди кај Русаков, поразговарај со него убаво, можеби сево ова се само бесмислици.

Вихорев. Тогаш, ајде да одиме. Допивај.

ВТОР ЧИН

Петта сцена

Авдотја Максимовна, Бородкин, Русаков и Арина Федотовна.

Русаков *(се соблекува со помош на ќерката и сестрата)*. Што значи старост! Уморен сум! Не дојдов од далеку, а уморен сум... Навистина, така е. Што е, Иванушка, не си среќен?

Бородкин. Некако сум тажен.

Русаков. Што има да бидеш тажен, момче, момче! Не лути го Господ! Дуња, дојди овде. *(Ја гали по главата и ја бакнува.)* Еве каква ќерка имам! Невеста! Време ѝ е за мажачка. Но, за жал, Иванушка, радост имам само една. Што има подобро на светот од тоа сите да живеат заедно во радост! Нема поголема среќа на Земјата од тоа да живеете со семејството во мир и благочестие – и ти ќе бидеш весел, и луѓето ќе бидат среќни за тебе. А тоа е голема тага за непријателот на човекот, ќе те искушува со секое искушение, со секоја соблазна. Ако му се предадеш, тогаш во семејството ќе има кавги и непријателства, а може да се случат и уште полоши работи. Ако не му се предадеш, тогаш тој бега далеку, бидејќи за него е смрт да гледа чесен живот. Какви сè работи се случуваат, Иванушка! Сè ќе се изнагледаш во животот! Дал децата не си ги почитуваат родителите, дал жените не живеат со мажите како што треба – сето тоа е ѓаволска работа. Секогаш пазете се од него! Ехе-хе! Не за џабе поговорот вели: не плаши се од смртта, плаши се од гревот. *(Тишина.)* Сега имам само една грижа – како да ја дадам Дуња. Среќен би бил да те гледам, дете мое, внуци да чувам, ако даде Господ... Па, и што друго и ми останува, спокојно би умрел. Барем би знаел дека има кој по добро да ме памети, да ме спомне. Ајде, Иванушка, треба да позборувам со тебе.

Заминуваат.

Шеста сцена

Авдотја Максимовна, Бородкин, Русаков и Арина Федотовна.

Авдотја Максимовна. Што да правам, тето?

Арина Федотовна. Зар за Бородкин да одиш? Што зборувааш? На крајот на краиштата, Виктор Аркадјевич сепак е човек... А овој? Ништожник!

Авдотија Максимовна. Знаеш, тето, некако се плашам од Виктор Аркадјевич.

Арина Федотовна. Оф, мори мајко, што ти значи село! Живееш во овој мал град и луѓе не си видела.

Авдотија Максимовна. Неодамна ми рече дека ако тато не се согласи, скришум ќе ме грабне. Тето, толку се исплашив што едвај стигнав дома.

Арина Федотовна. Од што се исплаши, те молам? Ах, Дуњушка, колку е интересно, да знаеш! Ако мажот сака да те грабне, значи дека те сака, сфати го тоа.

Авдотија Максимовна. А тато... Тогаш со стариот што ќе правам?

Арина Федотовна. Што татко ти? Татко ти треба да му биде благодарен. Каде ќе ти најде таков маж? Од мори мајко, ептен си проста. Не, јас поербап бев во младоста.

Авдотја Максимовна (*гледа низ прозорецот*). Тето, мила моја, доаѓа! Трчај кај татко и кажи му, а јас ќе одам во мојата соба. Еве ја мојата смрт! (*Заминува.*)

Арина Федотовна (*приближувајќи се до вратата*). Брате! Брате! Дојди овде, гостин ви доаѓа.

Русаков (*од зад сцената*). Кој уште? Веднаш.

Влегува Вихорев.

Седма сцена

Арина Федотовна и Вихорев.

Вихорев. Добар ден, Арина Федотовна! Максим Федотич дома е?

Арина Федотовна. Дома е, сега ќе излезе. (*Заминува.*)

Осма сцена

Вихорев (сам). Па, старче, сега ќе разговараме јас и ти! Како да му пријдам?.. Овие луѓе се навистина лукави! Навистина не знам... Ќе ѝ се препуштам на судбината, па што биде – нека биде. Нема ништо полошо од разговор со мажи. Уште и ќе ме искара, само гледај. Но, што друго да правам, привремено ќе ја оставам амбицијата настрана. Ете до кое дереќе сум дошол!

Влегуваат Русаков и Бородкин.

Деветта сцена

Вихорев, Русаков и Бородкин.

Русаков. Збогум Иванушка, помини понекогаш, јас немам време.

Бородкин. Збогум, Максим Федотич, ви посакувам добро здравје. (Заминува.)

Вихорев (се приближува до Максим Федотич). Добар ден, почитуван Максим Федотич, како сте?

Русаков. Фала му на Бога, живееме додека Бог трпи гревови. Ве молам седнете...

Вихорев. Ве молам, не беспокојте се. (Седнува.)

Русаков. Сестро, нареди да ни донесат чај.

Вихорев. За мене ли сте загрижени, Максим Федотич? Испив веќе, ве уверувам.

Русаков. Не може без тоа, пријателе.

Вихорев. Сепак, забележав дека тоа е обичај на рускиот народ да ги почестува гостите. Знаете, јас сум Русин и, признавам, сакам и почитувам сè што е руско. Особено ми се допаѓа тоа гостопримство, срдечност...

Русаков. Не знам како да кажам, пријателе. Па, нема ништо лошо во тоа.

Влегува девојка со послужавник со чај.

Русаков. Послужете се, ве молам. (Пијат во тишина.)

Вихорев. Кажете ми, ве молам, Максим Федотич, дали сте биле во главниот град?

Русаков. Сум бил, пријателе, како не! Одев во Москва по работа.

Вихорев. Вистина ли е дека животот таму е сосема поинаков – поголема образованост, повеќе разонода. Мислам дека откако човек ќе го види животот во главниот град, би му било многу здодевно да живее во провинциски град.

Русаков. Не секој е предодреден да живее во главниот град, некој треба да живее и во провинциите.

Вихорев. Се согласувам со вас. Но, всушност, Максим Федотич, вие не сте таков трговец како другите провинциски трговци. На некој начин сте исклучок. Но, што зборувам! И самиот тоа многу добро го знаеете. Мислам дека со вашиот капитал би биле еден од првите во Москва.

Русаков. Од кај да знам за туѓ капитал!.. Не, мене и тука ми е добро.

Вихорев. Разбирам дека ви е добро овде. Сте се родиле тука, сте се навикнале, го знаете целиот град. Се разбира, навиката значи многу. Но имате и ќерка.

Русаков. И што со ќерка ми?

Вихорев. Веројатно ќе сакате да ѝ дадете некакво образование, да ја покажете на луѓето... па на крај и да ѝ најдете добар маж. А каде ќе го најдете овде?

Русаков. А овде животни ли живеат?... И тука се луѓе.

Вихорев. Но, како можат да ве ценат овде, Максим Федотович, како можат? Што зборувате?

Русаков. Зошто да нè ценат? Не ни треба тоа. Нека ги и нив, и нивната почит! Јас да си бидам добар за себе, па нека зборуваат што сакаат.

Вихорев. Па, кажете ми, има ли овде кандидати за Авдотја Максимовна? Зарем има? Каде се? Покажете ми ги! Кој овде се осмелува да ѝ се додворува? Ви недостига самопочит, Максим Федотович, но кај човек со такви доблести и со такви средства е оправдано... Ова ви го кажувам без никакво ласкање, горд сум на нашето познанство... Сум патувал многу низ Русија, но семејство како вашето никаде не сум сретнал.

Русаков. Длабоко ви благодарам.

Вишорев. Не, навистина. Има многу трговци, но го немаат она што го гледам во вас – оваа патријархалност... Знаете ли што,

Максим Федотич? Вашата добрина, вашата искреност и, секако, вашиот ум ми даваат храброст да ви зборувам отворено... Се надевам дека нема да ми се налутите?

Русаков. Што сакате, пријателе?

Вихорев. О, Максим Федотич, страшно е! Но, во секој случај, како и да е, се надевам дека ќе останеме пријатели. (*Му подава рака, Русаков се поклонува. Вихорев му приоѓа.*) Вљубен сум, Максим Федотич, вљубен... Вљубен сум во Авдотја Максимовна. Би ја однел во Москва, би ѝ покажал свет, разни задоволства... Имам имот недалеку одовде. Мислам дека воопшто нема да се понижи со тоа што ќе се омажи за мене... И, што е најважно, сакам да се ородам со вас, Максим Федотович... Па, јас имам и чин...

Русаков. Благодарам, почитуван, но ние сме прости луѓе, не-уки. На крајот на краиштата, само заради ќесето нè почитуваат.

Вихорев. Ама ајде, Максим Федотич! Што зборувате?

Русаков. Точно, така е. А зошто нè сакаат?

Вихорев. Поради добрата душа.

Русаков. А така ли?

Вихорев. Не разбирам, Максим Федотич. Водиме некој чуден разговор.

Русаков. Не е така како што зборувате. Вие сте благороден човек, барајте благородни дами... воспитани, а нашите прости оставете ги, ќе им најдеме некои поевтини додворувачи.

Вихорев. Но, зарем не ѝ посакувате добро на својата ќерка, зарем не сакате да ја дадете за благороден човек и, згора на тоа, за некој што ја сака?

Русаков. Затоа и нема да ја дадам, баш зашто ѝ посакувам добро. А вие што мислевте? Дека лошо ѝ посакувам? Па каква дама е таа, пресудите сами, пријателе – живеела овде меѓу четири зида, светот не го видела. Таа ќе биде добра сопруга на некој трговец, домаќинка, ќе се грижи за децата.

Вихорев. Но, Максим Федотич, јас ја сакам.

Русаков. Ех! (*Замавнува со раката, се трга.*)

Вихорев. Ве уверувам дека лудо ја сакам Авдотја Максимовна.

Русаков. Не ви верувам.

Вихорев. Како не ми верувате?

Русаков. Значи, не ви верувам, тоа е тоа.

Вихорев. Но како не верувате, кога ви давам чесен збор на благороден човек?

Русаков. Нема причина да ја сакате! Таа е обична девојка, невоспитана и потполно неподобна за вас. Имате свои роднини, познаници, сите ќе ѝ се смеат како на луда, а и вам ќе ви се стори пелин... Нема да ја дадам ќерка ми на таква мака!... Господ ќе ме казни!...

Вихорев. Ви кажувам дека ќе биде среќна со мене, ви ветувам.

Русаков. Нема потреба да се зборува за тоа – таа работа не ја бидува. Побарајте си друга, мојава не ја давам.

Вихорев. Можам да ви кажам само едно, дека ме правите несреќен човек. (*Станува.*) Се извинувам што ве вознемирав. Веројатно имате некој друг на ум, затоа што не можам да претставам дека, сакајќи ја својата ќерка и посакувајќи ѝ среќа, ме одбивте. И ми се чини дека ако ме запознаете малку подобро... но очигледно таков е Русинот – само себеси се става на прво место, од инает ја жртвува среќата на ќерка си...

Русаков. Ѓавол да те земе! Ништо не би зел од тебе по овие зборови! Ваква навреда не сум доживеал никогаш! (*Се врти.*) Ќе дојде непоканет, неповикан, па уште ќе те навредува! (*Излегува.*) Губи се засекогаш!

НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ

– отрывок –

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общая комната в гостинице; на задней и по боковым стенам по двери, в левом углу от зрителей стол.

Явление первое

Степан сидит за столом и ест селедку на синей сахарной бумаге. Половой стоит подле него с полотенцем на плече.

Степан. Что ты, братец, смотришь? Незавидное кушанье! Тонкое житье! Третий день вот селедками пробавляюсь, а что в них проку-то, только пьешь да в животе бурчит.

Половой. Что ваш барин-то, служащий?

Степан. Да, служили мы с барином-то без году неделю.

Половой. Что ж так мало-с?

Степан. Гм! где ему служить! Не то у него на уме, и притом же горд... *(Глодает с трудом.)* Кто я, да что я! Да другие провинности да шалушки водились, так все к одному пригнали, да и машир на хаус.

Половой. А имение-то есть у вас?

Степан. Было большое село, да от жару в кучу свело. Все-то разорено, все-то промотано! То есть поверишь ли ты, друг мой, приехали мы это в деревню – ни кола, ни двора; а хлеб-то на поле, так не глядели б глаза мои: колос от колоса – не слышать девичьего голоса.

Половой. А много ль душ-то?

Степан. У тятеньки-то было полтора ста, а у нас только одиннадцать, да я двенадцатый – дворовый. Вот и все.

Половой. Зачем же ваш барин сюда приехал?

Степан. Жениться хочет, из себя очень красив... Как женюсь, говорит, на богатой, все дела поправлю.

Голос за сценой: „Степан!“

Иду-с. (Завертывает селедку в бумагу и кладет в карман. Уходит.)

Половой стирает со стола полотенцем. Бородкин и Маломальский входят.

Явление второе

Бородкин и Маломальский.

Б о р о д к и н . Теперича которые я вина получил, Селиверст Потапыч, так останетесь довольны, первейшие сорта.

М а л о м а л ь с к и й . Молодцы! Соберите чайку... поскорей... лучшего... (*Садится за стол.*)

Б о р о д к и н . Если вы теперича попробуете, так вы завсегда будете предпочитать брать у меня. А я вам, Селиверст Потапыч, завсегда могу этим делом услужить.

Половой приносит чай и ставит на стол. Бородкин начинает мыть чашки и разливать.

Позвольте вас попотчевать бутылочку лисабончику.

М а л о м а л ь с к и й . Я, брат, ничего... я выпью.

Б о р о д к и н . Мальчик! Паренек!

Входит мальчик.

Сбегай в лавку, скажи приказчику, чтоб отпустил бутылку лисабону лучшего.

Мальчик уходит. Бородкин разливает чай.

А ему, Селиверст Потапыч, нет, врет, – не удастся ему замарать меня.

М а л о м а л ь с к и й . Теперича, если ты ведешь свой дела правильно и, значит, аккуратно... ну, и никто тебя не может замарать.

Б о р о д к и н . Я, истинно, Селиверст Потапыч, благодарю бога! Как остался я после родителя семнадцати лет, всякое притеснение терпел от родных, и теперича, который капитал от тятеньки остался, я даже мог решиться всего капиталу: все это я перенес равнодушно, и когда я пришел в возраст, как должно – не токма чтобы я промотал, или там как прожил, а сами знаете, имею, может быть, вдвое-с, живу сам по себе, своим умом, и никому уважать не намерен.

М а л о м а л ь с к и й . Это ты в правиле... действуюешь.

Б о р о д к и н (*стучит крышкой чайника*). Кипяточку!

Половой подходит и берет чайник.

Маломальский. Ты... имеешь свою... правило...

Бородкин. Опять, Селиверст Потапыч, за что он меня обижает?

Маломальский. Он не должен этого...

Бородкин. Теперича он пускает слух, якобы, то есть, я занимаюсь этим малодушеством – пить. Так это он врет: кто меня видел пьяным!.. Опять хоша б я доподлинно пил, все-таки, стало быть, на свои: что ли, я на его счет буду пить? А все это, главная причина – одна зависть.

Половой приносит воды. Бородкин разливает.

А может, он того не знает, что я плевать хотел на все это.

Маломальский. Слушай, ты! Оставь втуне... пренебреги! Как ты свой круг имеешь дела, и действуешь ты, примерно, в этом круге... так ты и должен действовать, и тебе ничего не может препятствовать никто.

Бородкин. Все-таки обидно. Говорится пословица: добрая слава лежит, а худая бежит. Зачем я теперь скажу, про человека худо? Лучше я должен сказать про человека хорошо.

Маломальский. Это ты правильно говоришь.

Бородкин. Всякий по чужим словам судит. А почему он знает: может, он мне этим вред делает. Я жениться хочу, так кому же это нужно, когда про человека такая слава идет.

Маломальский. Слушай! Коли ты женишься... кто же может ему поверить... потому как он пустой человек и, с позволения сказать, ничтожный его весь разговор... Никому вреда... окромя себе.

Бородкин. Конечно, Селиверст Потапыч, всякий знает, что все это наносные слова, да к чему же это-с? Что я ему сделал? Я об нем и думать-то забыл, потому как он есть невежа и ругатель.

Половой (приносит бутылку). Прикажете откупорить?

Бородкин. Откупори да бокальчиков дай.

Половой. Сейчас. (Откупоривает, подает на подносе два бокала и наливает.)

Бородкин. Пожалуйте-с. *(Берут бокалы и пьют.)* Как на ваш вкус?

Маломальский. Ничего... живет... Эй ты! Прибери чай.

Бородкин. Я вам это самое по полтинничку поставлю. *(Молчание. Пьют.)* А я вам вот... перед истинным... то есть не то чтобы

пьянство или там что другое, а больше того стараюсь, чтобы люди про меня хорошее говорили. Как живу я при матушке теперича пятый год, сами знаете, честно и благородно... Пожалуйте еще... выкушайте. *(Наливает.)* Никого я не трогаю, значит никому до меня дела нет. Конечно, я по молодости своей обязан уважать старшим, да не всякому же: другой не стоит того и внимания, чтоб ему уважать-то. А я к вам с просьбою, Селиверст Потапыч, заставьте за себя богу молить. *(Встает и кланяется в пояс.)*

Маломальский. Какая же может быть твоя просьба?

Бородкин. Это дело будет касаться Максима Федотыча... Я теперича буду вас просить замолвить за меня словечко.

Маломальский. То есть насчет чего же... это... касающее?..

Бородкин. Насчет Авдотьи Максимовны-с! Есть на то мое желание и маменькино-с.

Маломальский. Это ничего... это можно...

Бородкин. Вы не думайте, Селиверст Потапыч, чтобы я польстился на деньги, или там на приданое, ничего этого нет; мне что приданое, бог с ним, потому у меня и своего довольно; а как собственно я очень влюблен в Авдотью Максимовну. Стараюсь об ней, примерно, не думать – никак невозможно, потому это сверх моих чувств. Поверите ли, Селиверст Потапыч, сядешь это вечером дома к окну, возьмешь гитару собственно как для увеселения себя, – такая найдет на тебя тоска, что даже до слез.

Маломальский. Это я могу... орудовать...

Бородкин. И мне, кажется, ничего в жизни не надо, кроме как если бы Максим Федотыч отдали за меня Авдотью Максимовну, хотя бы даже безо всякого награждения.

Маломальский. Это все в наших руках.

Бородкин. Будьте отец и благодетель! Нынче Максим Федотыч зайдут к вам, так уж вы ему поговорите, а уж я вам по гроб жизни буду обязан, то есть вот как-с – скажите: Иван, сделай то, я всей душой-с. Прикажете еще бутылочку послать?

Маломальский. Что ж... посылай...

Бородкин *(половому)*. Пошли мальчика-то, чтоб еще бутылочку принес.

Половой. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Входит Русаков. Бородкин быстро встает и раскланивается. Маломальский тоже встает.

Явление третье

Те же и Русаков.

Бородкин (*показывая на диван*). Пожалуйте-с, Максим Федотыч! Наше вам почтение.

Русаков. Ну, вот, сват, я к тебе пришел, чем-то ты меня станешь потчевать.

Маломальский. Китайских трав... первых сортов... велим подать.

Русаков. Ну тебя с травами!..

Бородкин. Домашние ваши здоровы ли, Авдотья Максимовна, Арина Федотовна?

Русаков. Ничего, живут помаленьку. Ты, Иванушка, что к нам редко заглядываешь?..

Бородкин. Побываю, Максим Федотыч, как-нибудь-с. Это время всё делишки были. Не прикажете ли рюмочку лисабончику?

Русаков. Нет, я этого, брат, не пью. А вот с дорожки-то ты бы, сват, велел подать рюмочку ерофеичу.

Маломальский. Молодцы! Ерофеичу подайте... поскорей, домашнего... да закусочки... Слышь ты, скажи жене, что сват, мол, пришел.

Половой уходит.

Русаков. Об чем вы тут, дружки, толкуете?

Маломальский. Такое дело примерно... важное, рассудку требует.

Русаков. Это ты хорошо, Иванушка, делаешь, что к старшим за советом ходишь. Ум хорошо, а два лучше... Хоть ты парень и умный, а старика послушай... старик тебе худа не посоветует. Так ли я говорю, а?

Маломальский. Это ты правильно.

Половой приносит водку и ставит на стол.

Русаков (*пьет*). А ты, сват, выпьешь?

Маломальский. Я, сват... я выпью... я нынче загулял. (*Пьет; делает серьезную физиономию.*) А у меня есть слово к тебе, сват...

Русаков. Какое же это слово?

Маломальский (*с важною физиономиею показывает на Бородкина.*) Теперича этот молодец... гм!.. к примеру... (*мигает глазом*) то есть, примерно, приходит он ко мне... и все этакое...

Русаков. Да ты полно ломаться-то!.. Ты и так-то разговаривать не мастер, а как уж важность-то на себя напустишь, так хоть вовсе брось.

Маломальский. Погода... дело говорю. Гм!.. Выпьем сперва-наперва.

Русаков. Пей, я не хочу.

Маломальский (*пьет и морщится*). Только вот приходит он ко мне... видишь... так и так, говорит... что он, примерно оказать, влюблен...

Бородкин встает.

Ну, и значит... он просит меня, чтобы я руководствовал его... всему этому делу.

Русаков. Ну?..

Маломальский. Ты погоди!.. Как он теперь в состоянии... то есть... при всем своем полном капитале... ну, и должен законным браком... Гм... приходит это, примерно, ко мне...

Русаков. Уж слышали.

Маломальский. Я, сват... я говорить не умею, а то есть у тебя, примерно, товар, а у нас купец...

Русаков. У тебя, сват, не разберешь – так ли ты городишь, зря, или ты про дело толкуешь.

Маломальский. Про дело, сват.

Русаков. Так про дело делом и толковать надо, а не так. Ведь это не шутка, ты сам посуди! Это навек.

Маломальский. Послушай, сват... ты нам теперь-то что-нибудь, примерно, хоть обиняком...

Русаков. Да что вам сказать-то? Ты знаешь, Дуня у меня одна... Одно утешение только и есть. Мне не надо ни знатного, ни богатого, а чтобы был добрый человек да любил Дунюшку, а мне бы любоваться на их житье... право, так. Я, значит, должен это дело сделать с разумом, потому мне придется за нее богу отвечать.

Бородкин. Конечно, Максим Федотыч, главная причина, как сами Авдотья Максимовна, как им человек понравится.

Маломальский. Это он... так точно.

Русаков. Врете вы оба! Статочное ли дело, чтоб поверить девке, кто ей понравится!.. Известно, дело девичье – глупое... Дев-

ку долго ли обмануть!.. Ветрогон какой-нибудь, прости господи, подвернется, подластится, ну, девка и полюбит; так ее и отдавать бестолку?.. Нет, это не порядок: пусть мне человек понравится. Я не за того отдам, кого она полюбит, а за того, кого я люблю. Да, кого я люблю, за того и отдам. Да я год буду смотреть на человека, со всех сторон его огляжу. А то как девке поверить?, .Что она видела? Кого она знает?.. А я, сват, недаром шестьдесят лет на свете живу, видал-таки людей-то: меня на кривой-то не объедешь.

Маломальский. Ты слушай, сват: значит, за кого отец... за того и ступай... потому он лучше... как можно... девке где?.. Дай им волю-то... после и не расчерпаешь, так ли... а?..

Русаков. Да ты что!.. Все ты не дело толкуешь!.. Моя дочь не такая... Моя Дунюшка вылитая жена покойница... Помнишь, сват?.. Ну что! Роптать грех. (*Утирая слезы.*) Годков тридцать пожил! и за то должен бога благодарить. Да как пожил! Тридцать лет слова неласкового друг от друга не слышали! Она, голубка, бывало, куда придет, там и радость. Вот и Дуня такая же: пусти ее к лютым зверям, и те ее не тронут. Ты на нее посмотри: у нее в глазах-то только любовь да кротость. Она будет любить всякого мужа, надо найти ей такого, чтоб ее-то любил да мог бы понять, что это за душа... душа у ней русская.

Бородкин. Я, Максим Федотыч, это очень могу понимать-с.

Русаков. Что ж, Иванушка, я тебя обманывать не стану: ты мне нравишься, ты парень хороший; лучше тебя у нас в городе нет. Заходи ужотка, да скажи матери, чтоб побывала, я с ней поговорю.

Мальчик приносит бутылку вина.

Бородкин. Первым долгом почту передать это своей родительнице-с.

Маломальский. Ну, так по рукам... что ль... а?.. А вот теперь, сват, давайте... вобщем... все выпьем. (*Пьют.*)

Русаков (*встает*). Ну, прощай, сват.

Маломальский. Погоди!

Русаков. Некогда! Дома обедать ждут.

Маломальский. Нет, постой... я тебе расскажу историю... Слышь ты... остановились у меня проезжие... только, примерно, напились... и какой же маскарад сделали!

Русаков. Ну тебя с маскарадом! Прощай!

Бородкин. Я вот сбегаю в лавку, заверну домой-с. Да и к вам-с. Уходят.

Явление пятое

Половой, Баранчевский и Вихорев.

Вихорев. Вот как это случилось. Я услышал, что у Русакова много денег; ну, и приехал сюда из деревни нарочно; думаю, рискну! Уж либо пан, либо пропал... Отрекомендовался ему, познакомились; а с ней-то я познакомился через хозяйку здешнюю, Анну Антоновну. Авдотья Максимовна к ней ходит иногда. Ну, знаешь, поразговорились, то да се, а тут уж долго ли влюбиться.

Баранчевский. Что толковать!..

Вихорев. Дело в том, Баранчевский, что мне нужны деньги. Состояние, которое у меня было когда-то, давно прожито, имение расстроено. Мой друг! мне жить нечем, мне не с чем в Москву приехать, а я там много должен. Мне нужно жениться на богатой во что бы то ни стало; это единственное средство.

Баранчевский. Женись на Русаковой. Чего ж тебе лучше? К тому же она в тебя влюблена.

Вихорев. Влюблена-то она влюблена, да что скажет отец. А что, Баранчевский, много у него денег?..

Баранчевский. Полмиллиона, наверно.

Вихорев. Нет, ты не шутишь?

Баранчевский. Что за шутки! Непременно есть полмиллиона, если не больше. *(Смотрит на часы.)* Торопиться-то мне некуда; давай выпьем маленькую.

Вихорев. Изволь.

Баранчевский *(половому)*. Бутылку шампанского! *(Садятся.)*

Вихорев. Нет, послушай, Баранчевский, неужели в самом деле у Максима Федотыча полмиллиона?

Баранчевский. Что ж тут мудреного! У нас много богатых купцов. Я сам взял за женой полтора ста тысяч.

Вихорев. Ты?.. Нет, уж это, брат, шутки!.. Я этому не поверю.

Баранчевский. Не верь, пожалуй; а я вот имение купил, премиленькое, верстах в семи от города, душ 200, дом отделал великолепным образом.

Вихорев. Баранчевский! Да ты великий человек! Счастливчик просто! А мне так вот нет счастья. Я было в Москве тоже присва-тался за одну – куш порядочный; влюбилась, сдуру, ужас как, прос-то средств нет никаких, да не отдают ни за какие благополучия. Я так, сяк, увезти хотел, да с ней-то не столкнешь – дура ужаснейшая! Дура a la lettre, mon cher, {Буквально, мой милый.} такое несчастье!

Баранчевский. Одно, брат, неприятно, уж сейчас заметно, что из купчих.

Вихорев. Что за важность! Стоит об этом разговаривать! Пос-лушай, Баранчевский, будь друг, ты мне помоги!

Баранчевский. Еще бы не помочь!

Вихорев. Ведь этот народ не понимает самой простой истины... Что такое деньги?.. Ни больше ни меньше как средство жить порядочно, в свое удовольствие. А они стараются как можно бо-льше копить и как можно меньше проживать; а уж доказано всеми науками, что это вредно... для торговли... и для целого общества.

Баранчевский. Так, так, душа моя, так!

Вихорев. Вот видишь, если бы у тебя не было денег, ты бы не спросил бутылки шампанского, а этим поддерживается торговля.

Баранчевский утвердительно кивает головой.

Следовательно, если мы, люди образованные и со вкусом, но без средств, женимся на богатых и таким образом даем, знаешь, не-которое движение... можно ли нас за это упрекнуть?

Баранчевский. Никоим образом!

Вихорев. А ведь есть такие философы, которые осуждают это!..

Баранчевский. Осуждай, пожалуй!..

Вихорев. Теперь ты возьми в расчет мой меланхолический характер: мне и так все кажется в черном цвете, а во время безде-нежья... ты себе и вообразить не можешь... При деньгах я совсем другой человек: я делаюсь весел, развязен, могу заняться делом... Нет, Андрюша, в самом деле!.. Особенно в последнее время, обстоя-тельства были очень плохи, такая, братец, тоска нашла, хандрить начал. Seriously я говорю, помоги, Баранчевский.

Баранчевский. Изволь, изволь!..

Вихорев. А вот, во-первых, есть у тебя экипаж хороший?

Баранчевский. Лучший в городе.

Вихорев. Ты мне одолжи его к ним съездить.

Баранчевский. С удовольствием, мой друг! *(Встают и ходят по сцене.)* Что ж вина не дают?..

Вихорев *(ухватывая его за талию)*. Так-то, Андрюша!.. вот дела-то!.. Привел бог свидеться!.. Однако ты потолстел.

Половой приносит бутылку и два стакана, ставит стаканы на стол и откупоривает.

Вихорев. Без грому, братец, без грому; я этого терпеть не могу.

Садятся к столу. Половой наливает им стаканы и отходит к стороне. Пьют молча.

Что это у вас за шум был?..

Половой. Хозяин загулял-с.

Вихорев. Что ж, это с ним часто бывает?

Половой. Со временем бывает-с. С знакомыми сидели; Максимыч Федотыч был-с, Бородин.

Вихорев. И Максим Федотыч был?

Половой. Был-с. Они дочку просватали-с.

Вихорев. Что за вздор!.. Ты, братец, врешь! За кого?

Половой. За Бородину-с.

Вихорев. Это пустяки, этого быть не может. Послушай, мой друг, вот это несчастье!.. вот что называется несчастье!.. *(Вскакивает.)* Это, наконец, чорт знает что такое... Понимаешь ли ты, я за этим ехал сюда!.. Согласись, Баранчевский, что ведь это ужасно досадно!.. Кто этот Бородин?..

Половой. Здешний купец-с.

Вихорев. Что, он богат, хорош собою, образован?..

Половой. Как есть из русских-с.

Вихорев. Родство, что ли, у него богатое?

Половой. Какое родство-с! Нашему слесарю двоюродный кузнец!

Вихорев. Так она за него не пойдет ни за что! Я говорю тебе, Баранчевский, что она влюблена в меня; не стану же я тебя обманывать. Или, может быть, у вас тут обычай выдавать насильно. Ведь кто вас знает. Заедешь в такую глушь!.. Это чорт знает как досадно.

Половой. Одна необразованность; по необразованию все делается.

Баранчевский. Ну, из чего ты так горячишься?

Вихорев. Да, вот ты тут устроился, так тебе и хорошо: тебе тепло здесь с богатой-то женой, а я чем виноват! Ты представь мое-то положение... *(Ходит по комнате.)* Однако, что ж мне теперь делать?

Баранчевский. Вот что делать: поедем ко мне обедать, я тебя с женой познакомлю, а вечером возьми моих лошадей да и поезжай к Русакову, объяснись с ним поумнее, может быть, еще это все вздор.

Вихорев. Ну, так едем. Допивай.

Анна Антоновна входит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление пятое

Те же, Русаков и Арина Федотовна.

Русаков *(раздевается, ему помогают дочь и сестра)*. Старость-то что значит! Устал! Вот далеко ли сходил, устал... Право, так. Что, Иванушка, не весел?..

Бородкин. Маленько сгрустнулось что-то.

Русаков. Об чем тебе грустить-то, паренек, паренек!.. Что бога-то гневить! Дунюшка, поди-ка сюда. *(Гладит по голове и целует.)* Вот какова у меня дочка-то! Невеста! Замуж пора отдавать. А и жаль: радость-то, Иванушка, у меня только одна. Что есть, детушки, лучше того на свете, как жить всем вместе да в радости! Нет больше счастья на земле, как жить своей семьей в мире да в благочестии – и самому весело, и люди на тебя будут радоваться. А врагу рода человеческого это досада немалая; он тебя будет всяким соблазном соблазнять, всяким прельщением. Поддался ты ему, ну и пошла брань да нелюбовь в семье, и еще того хуже бывает. Не поддался, ну и он бежит далеко, потому ему смерть смотреть на честное житье. Какие бывают дела, Иванушка! Поживешь-то, всего насмотришься. Дети ли не почитают родителей, жены ли живут с мужьями неладно – все это дело вражье. Всякий час от него берегись! Эхе-хе! Недаром пословица говорится: не бойся смерти, а бойся греха. *(Молчание.)* Одна у меня теперь забота, как бы мне Дунюшку

пристроить. Полюбовался б на тебя, мое дитятко, внучат бы понянчил, коли бог приведет... Ну, а там уж что, чего мне ждать, умер бы покойно; по крайности бы знал, что есть кому душу помянуть, добрым словом вспомнить. Пойдем-ка, Иванушка, мне с тобой поговорить нужно.

Уходят.

Явление шестое

Авдотья Максимовна и Арина Федотовна.

Авдотья Максимовна. Что мне делать, тетенька?

Арина Федотовна. Неужели ж за Бородкина итти! Что ты говоришь!.. Виктор Аркадьич все-таки человек... а это что? мразь какая-то!

Авдотья Максимовна. А знаете, тетенька, я как-то боюсь Виктора Аркадьича.

Арина Федотовна. То-то вот, матушка, деревня-то что значит! Жила ты все в этом городишке и людей-то не видывала.

Авдотья Максимовна. Он давеча мне говорит, что коли тятенька не согласится, так он меня потихоньку увезет. Я, тетенька, так испугалась, насилу до дому добежала.

Арина Федотовна. Есть чего пугаться, скажите, пожалуйста! Ах, Дунюшка, как это интересно, кабы ты знала! Коли мужчина хочет увезти, уж значит, что любит, пойми ты это.

Авдотья Максимовна. А тятенька-то?.. Что я тогда с ним, с стариком, сделаю!

Арина Федотовна. Что тятенька-то! Тятенька твой еще ему должен быть благодарен. Где он тебе такого жениха найдет! Чтой-то ты, матушка, совсем деревенская. Нет, я смолоду поудалей была.

Авдотья Максимовна (*смотрит в окно*). Тетенька, голубушка, едет! Бегите к тятеньке, скажите ему, а я пойду посижу у себя в комнате. Вот когда смерть-то моя! (*Уходит.*)

Арина Федотовна (*подходя к двери*). Братец! братец! пожалуйста сюда; к вам гость приехал.

Русаков за сценой: «Кто там еще? Сейчас». Вихорев входит.

Явление седьмое

Арина Федотовна и Вихорев.

Вихорев. Здравствуйте, Арина Федотовна! Максим Федотыч дома?

Арина Федотовна. Дома-с, сейчас выйдет. *(Уходит.)*

Явление восьмое

Вихорев *(один)*. Ну, борода, поговорим теперь с тобой! С которой бы стороны к нему подъехать?.. Мудрен ведь этот народ! Решительно не знаю... ну, да уж пущусь на счастье, куда кривая не вынесет. Нет ничего хуже, как с мужиками разговаривать. Еще обругает, того гляди. Ну, да уж нечего делать, амбицию-то пока в сторону отложим. Вот крайность-то до чего доводит нашего брата!..

Входят Русаков и Бородкин.

Явление девятое

Вихорев, Русаков и Бородкин.

Русаков. Прощай, Иванушка, заходи ужо, теперь мне некогда.

Бородкин. Прощайте, Максим Федотыч, желаю вам быть здоровым. *(Уходит.)*

Вихорев *(подходит к Максиму Федотычу)*. Здравствуйте, почтеннейший Максим Федотыч, как вы поживаете?

Русаков. Слава богу, живем, пока бог грехам терпит. Просим милости садиться...

Вихорев. Сделайте одолжение, не беспокойтесь. *(Садится.)*

Русаков. Сестрица, велите нам чайку подать.

Вихорев. Не для меня ли вы это, Максим Федотыч, беспокоитесь? Я уже пил, уверяю вас.

Русаков. Нельзя же, батюшка, без этого.

Вихорев. Впрочем, сколько я заметил, уж такой обычай у русского народа – потчевать. Я, знаете ли, сам человек русский и, признаться сказать, люблю и уважаю все русское; особенно мне нравится это гостеприимство, радушие...

Русаков. Не знаю, батюшка, как сказать. Что ж, худого тут нет ничего.

Входит девка с подносом чаю.

Русаков. Просим покорно. *(Берут и пьют молча.)*

Вихорев. Скажите, сделайте одолжение, Максим Федотыч, бывали вы в столицах?

Русаков. Как, батюшка, не бывать, в Москву по делам езжал.

Вихорев. Не правда ли, там жизнь совсем другая: больше образованности, больше развлечения. Я думаю, посмотревши на столичную жизнь, довольно скучно жить в уездном городе.

Русаков. Не всем же жить в столицах, надобно кому-нибудь жить и в уездном городе.

Вихорев. Я с вами согласен; но, впрочем, Максим Федотыч, вы ведь не такой купец, как прочие уездные купцы: вы составляете некоторым образом исключение. Но что же я говорю! Вы сами это очень хорошо знаете. Я думаю, вы с вашим капиталом были бы и в Москве одним из первых.

Русаков. Как знать чужой капитал!.. Нет, мне и здесь хорошо.

Вихорев. Я понимаю, что вам здесь хорошо: вы здесь родились, привыкли, вам весь город знаком – конечно, привычка много значит; но у вас есть дочь.

Русаков. Так что ж что дочь?

Вихорев. Вы, вероятно, захотите ей дать некоторое образование, показать ей людей... наконец, найти хорошую партию. А где вы это здесь найдете?

Русаков. Да что ж, разве здесь звери живут?... чай, тоже люди.

Вихорев. Да разве здесь вас могут оценить, Максим Федотыч, разве могут! что вы говорите!

Русаков. Да что нас ценить-то! Нам этого не нужно. Ну их совсем и с оценкой-то! Был бы сам по себе хорош, а то про меня что хошь говори.

Вихорев. Нет, скажите: разве есть здесь женихи для Авдотьи Максимовны? Разве есть? Где это? Покажите мне их! Кто посмеет за нее посвататься из здешних? В вас мало самолюбия – и это напрасно, Максим Федотыч: в человеке с такими достоинствами и с такими средствами оно весьма извинительно... Я вам говорю безо всякой лести, я горжусь вашим знакомством... Я много ездил по России, но такого семейства, как ваше, я не встречал нигде до сих пор.

Русаков. Благодарим покорно.

Вихорев. Нет, в самом деле. Много есть купцов, да все в них нет того, что я вижу в вас – этой патриархальности... Знаете ли что, Максим Федотыч?.. Ваша доброта, ваше простодушие, наконец ваш ум дают мне смелость говорить с вами откровенно... Я надеюсь, что вы на меня не обидитесь?

Русаков. Что вам, батюшка, угодно?..

Вихорев. Ох, Максим Федотыч, страшно! Но, во всяком случае, так ли, не так ли, я надеюсь, что мы останемся друзьями. (Подает ему руку, тот кланяется. Вихорев подвигается к нему.) Влюблен, Максим Федотыч, влюблен... в Авдотью Максимовну влюблен. Я бы свозил ее в Москву, показал бы ей общество, разные удовольствия... у меня есть имение не очень далеко отсюда. Я думаю, что, выйдя за меня, она нисколько себя не уронит... А главное, мне хочется породниться с вами, Максим Федотыч... Ну, и чин у меня...

Русаков. Полноте, ваше благородие, мы люди простые, едим пряники неписанные, где нам! Ведь нас только за карман и уважают.

Вихорев. Полноте, Максим Федотыч! Что за идея!

Русаков. Право, так. А то за что нас любить-то?

Вихорев. За добрую душу.

Русаков. Так ли, полно?

Вихорев. Я не понимаю, Максим Федотыч: у нас какой-то странный разговор происходит.

Русаков. Не дело вы говорите. Вы люди благородные, ищите себе барышень... воспитанных, а уж наших-то дур оставьте нам, мы своим-то найдем женихов каких-нибудь дешевеньких.

Вихорев. Однако неужели же вы своей дочери не желаете добра, что не хотите отдать ее за человека благородного и притом такого, который ее любит?

Русаков. Оттого-то и не отдам, что желаю добра; а вы как думали? Я худа, что ль, ей желаю? Ну какая она барыня, посудите, отец: жила здесь в четырех стенах, свету не видала. А купцу-то она будет жена хорошая, будет хозяйничать да детей нянчить.

Вихорев. Но, Максим Федотыч, я ее люблю.

Русаков. Эх! *(Махнув рукой, отворачивается.)*

Вихорев. Я вас уверяю, что я люблю Авдотью Максимовну до безумия.

Русаков. Не поверю я вам.

Вихорев. Как не поверите?

Русаков. Так, не поверю, да и все тут.

Вихорев. Да как же вы не поверите, когда я вам даю честное слово благородного человека?

Русаков. Не за что вам ее любить! Она девушка простая, невоспитанная и совсем вам не пара. У вас есть родные, знакомые, все будут смеяться над ней, как над дурой, да и вам-то она опротивеет хуже горькой полыни... так отдам я свою дочь на такую каторгу!.. Да накажи меня бог!..

Вихорев. Я вам говорю, что со мной она будет счастлива, я за это ручаюсь.

Русаков. Нечего нам об этом разговаривать – это дело несбыточное. Поищите себе другую, я свою не отдам.

Вихорев. Я вам только одно могу на это сказать, что вы меня делаете несчастным человеком. *(Встает.)* Извините, что я вас обеспокоил. У вас, вероятно, есть кто-нибудь на примете, иначе я не могу предположить, чтобы вы, любя свою дочь и желая ей счастья, отказали мне. И мне кажется, если б вы меня покороче узнали... но таков уж, видно, русский человек – ему только бы поставить на своем; из одного упрямства он не подорожит счастьем дочери...

Русаков. Тьфу ты, прах побери! Да я б с тебя ничего не взял слушать-то такие речи! Этакой обиды я родясь не слыхивал! *(Отворачивается.)* Приедет, незванный, непрошенный, да еще и наругается над тобой! *(Идет.)* Провались ты совсем!

НЕВЕСТА БЕЗ МИРАЗ

ПРЕВОД: БРАНКО СТАВРОВСКИ

ВОВЕД

За вистинско ремек-дело на руската драматургија се смета пиесата на Александар Николаевич Островски „Невеста без мираз“. Тука се вкрстуваат длабокиот психологизам, живописните слики и острината на социјалните и личните прашања. Важно место зазема психолошкиот судир, кој се манифестира во противречноста меѓу материјалните вредности на капиталистичкиот свет и желбата за искрени чувства, за чисти човечки односи.

Во една белешка кон драмскиот текст, Островски запишал: „Замислено на 4 ноември 1874 година“. Дамата била завршена дури во октомври 1878 година, т.е. врз ова дело големиот драматург работел долго. Во текот на тие четири години не ја оставал работата врз „Невеста без мираз“, ги осмислувал сценаријата на одделните чинови, ги запишувал дијалозите и сцените, ги прецизирал карактерите на ликовите и нивните заемни односи.

Во 70-те години на XIX век Островски заземал должност на мировен судија во Кинешемската околија. Во текот на работата тој учествувал во заседанијата на судот, каде што меѓусебно се тужеле блиски луѓе, благодарейќи на што бил добро запознаен со тогашната криминална хроника. Сето тоа на Островски, како на писател, му давало богат литературен материјал, којшто тој често го користел во своите дела. Се претпоставува дека сижето за „Невеста без мираз“ било засновано врз вистински настан, кој ја потресол целата Кинешемска околија, кога месниот жител Иван Коновалов ја убил својата млада и убава сопруга. До завршувањето на оваа пиеса, Островски паралелно работи и врз други дела. Успешно поминувајќи ја цензурата, „Невеста без мираз“ била отпечатена во 1879 година во литературното списание „Татковински белешки“.

Првите изведби биле неуспешни и предизвикале остри критики на негова адреса. Таквото отфрлање се должи на фактот што авторот успеал да ги изнесе на виделина болните чирови на општеството. Таквата храброст не им била по вкус на многумина и била дочекана на нож и од театарска критика и од обичните читатели. Дури во 90-ите години на XIX век, речиси десет години по смртта на писателот, пиесата го добила заслужениот успех.

Суштината на драмата на Островски во потполност ја изразува смислата на насловот „Невеста без мираз“. Порано така ги нарекувале сиромашните девојки кои немале буквално ни грош. Нивната положба било многу тешка и понижувачка – ретко кој сакал да создава семејство со некој кого ќе треба да го издржува цел живот. Единствено убавината, воспитувањето, внатрешните квалитети можеле да го привлечат вниманието на некој достоин младозеенец, подготвен да замижи пред фактот дека невестата е без мираз. На таков начин, авторот ни отсликува еден сериозен проблем на општеството, каде што човекот претставува „стока“ што може да се купи или продаде. Малкумина ги интересира личноста на човекот, неговите душевни пориви и слично, затоа што секој се води според само една цел – да се продаде што поскапо.

Лариса Огудалова е чувствителна, љубезна и ранлива девојка, вистинска убавица, која сепак има еден битен недостаток – нема мираз. Смислата на својот живот го гледа во потрагата по вистинска љубов, која набрзо ја наоѓа во ликот на Сергеј Сергеевич Паратов. Таа го гледа неговиот лик во некаков ореол, обдарувајќи го со доблести што тој не ги поседува. Сепак, набрзо романтичниот велпаѓа од очите на нашата хероина и таа разумно ја оценува настанатата ситуација. Луѓето околу неа, вклучувајќи ја нејзината мајка, во неа гледаат само раскошна забава, скапа играчка со која можат да се пофалат пред општеството. Дури и луѓето од нејзиното најблиско опкружување не се обидуваат да погледнат во нејзината душа, да покажат искрено сочувство. Лариса доаѓа до тажен заклучок, дека е „предмет“ што треба што поскоро да се продаде. Судирот на чистата душа со порочниот материјален свет води до трагична резрешница – смртта на главниот лик. Сепак, во својата смрт Лариса наоѓа утеха, бидејќи тоа ѝ ја подарува долгоочекуваната слобода.

Сите настани се случуваат во текот на едно деноноќие, што уште повеќе ја засилува драматичноста на приказната. Пиесата „Невеста без мираз“ во потполност му припаѓа на жанрот драма, претставувајќи ја сложената судбина на главната хероина, принудена да живее во судирот на својата душа со општеството. Целта на социопсихолошката драма од овој тип е на читателот да му ги открие сите тешкотии со кои човек треба се соочи во средината што

им е туѓа на неговите пориви. Како по правило, главните ликови на драмата ги исполнуваат внатрешни противречности, духовни страдања и трагична судбина. Но, во исто време, драмата ја отсликува реалноста на животот што ги опкружува и со тоа ве тера да размислите за многу важни проблеми кои преовладуваат во секое општество.

Работата врз преводот на едно од ремек-делата на Островски, „Невеста без мираз“, за мене претставуваше ново искуство и големо задоволство. Јазикот и стилот на кој е пишувано ова дело во XIX век беа голем предизвик за мене, не беше едноставно да се обидам му го доловам за читателот – според моите скромни можности – овој текст, кој е тешко прифатлив во нашево време, макар и на нашиот богат македонски јазик.

Сакам да изразам искрена благодарност на сите кои на свој начин помогнаа во моја работа, со укажувања на соодветни реченици и помошни материјали – лекторот Ирен Алчевска, професорите Биљана Мирчевска-Бошева и Лидија Танушевска, демонстраторот Андреј Јованчевски и колешките Андреа Костова и Фросина Милковска, а секако и библиотекарот Климент Ристески, кој ми помогна во пронаоѓањето на потребната литература.

НЕВЕСТА БЕЗ МИРАЗ

– извадок –

ПРВ ЧИН

Втора сцена

Кнуров, Вожеватов, Гаврило, Иван.

Вожеватов (*поклонувајќи се со почит*). Мокиј Парменич, чест ми е да ве поздравам!

Кнуров. О, Василиј Данилич! (*Му подава рака.*) Од каде идете?

Вожеватов. Од пристаништето. (*Седнува.*)

Гаврило се приближува.

Кнуров. Пречекувавте некого?

Вожеватов. Чекав, ама не дочекав. Вчера ми стигна телеграма од Сергеј Сергеич Паратов. Купувам пароброд од него.

Гаврило. „Ластовичката“ да не ја купувате, Василиј Данилич?

Вожеватов. Неа, да, „Ластовичката“. Оти?

Гаврило. Брзо плови, силен пароброд.

Вожеватов. Ама, ете, ме излага Сергеј Сергеич, не дојде.

Гаврило. Вие на „Летало“ сте го чекале, а тој може баш на неговата „Ластовичка“ ќе дојде.

Иван. Василиј Данилич, ене уште еден пароброд иде озгора.

Вожеватов. Еден брод ли плови по Волга?

Иван. Сергеј Сергеич е она.

Вожеватов. Мислиш?

Иван. Да, на него личи... Не можеш да ги помешаш капаците на „Ластовичка“ со други.

Вожеватов. Аха, ги виде ти капаците на седум врсти!

Иван. Овие и на десет се распознаваат... И лесно некако плови сега, се гледа дека газдата е на него.

Вожеватов. А далеку ли е?

Иван. Само што се појави од зад островон. Брзо плови.

Гаврило. Брзо плови, велиш, а?

Иван. Брзо, брзо. Каква страст! И од „Летало“ побрзо јури, што се вели, лета.

Гаврило. Тој е, нема кој друг.

Вожеватов (на Иван). Кажи ми кога ќе се закотви.

Иван. Јасно... Ќе стрела од топ штом ќе фрли котва, мислам.

Гаврило. Сигурно.

Вожеватов. Од каков топ?

Гаврило. Други баржи му се закотвени среде Волга.

Вожеватов. Знам.

Гаврило. Па, на баржата има топ. Секогаш стрелаат кога го дочекуваат или го испраќаат Сергеј Сергеич. (*Погледнува накај кафеаната.*) Ене и пајтонџијата Чирков е тргнат со пајтонот по него. Очигледно, го известил Чирков дека иде. По него е појден.

Вожеватов. Од каде па ти знаеш дека е по него појден?

Гаврило. Четири коњи штом впрегнал, ви се молам, мора да е тој. Кого друг ќе пречекува Чирков со четири коња?! Страв да ти е да ги гледаш... како лавови да впрегнал, а не коњи! И узди какви... Не, нема кој друг да е!

Иван. И циган до Чирков седнал, во параден кафтан козачки, со ремен се притегнал, мислиш ќе се преполови.

Гаврило. По него е појден, по него. Нема кој друг со таква четворка да се вози. Тој е.

Кнуров. Знае да живее Паратов.

Вожеватов. Што сакаш речи, ама тоа знае.

Кнуров. Евтино му го земате парабродот?

Вожеватов. Евтино, Мокиј Парменич.

Кнуров. Па, се разбира, плански се купува. А зошто го продава?

Вожеватов. Излегда нема ќар.

Кнуров. Секако, кај е тоа за него! Не е тоа господска работа. А вие ќе имате полза, особено штом евтино го купувате.

Вожеватов. Баш навреме, кај нас низводно има многу стока.

Кнуров. Да не му притребале пари? Знаете, тој е трошаџија.

Вожеватов. Негова работа. Мене парите ми се подготвени.

Кнуров. Да, со пари може многу нешта да се направат, многу може. (*Се насмевнува.*) Добро му е на тој, Василиј Данилич, што има многу пари.

Вожеватов. Таман работа! Па, вие, Мокиј Парменич, најдобро од сите тоа го знаете.

К н у р о в . Знам, Василиј Данилич, знам.

Вожеватов . Да пивнеме ли по нешто ладничко, Мокиј Парменич?

К н у р о в . Што ви е, уште изутрина! Јас уште не сум појадувал.

Вожеватов . Ништо, де. Мене еден Англичанец, директор на фабрика, ми велеше против настинки добро е на гладно да се пие шампањ. А јас вчера малку настинав.

К н у р о в . А како тоа? Толку е топло.

Вожеватов . Ете, така, баш од тоа ладното што ми го сервираа.

К н у р о в . Не е на арно, луѓето ќе видат и ќе речат: ни ден ни ноќ не знаат – шампањ пијат.

Вожеватов . Е, па, за да не речат нешто лошо луѓето, ние, тогаш, чај ќе се напиеме.

К н у р о в . Е, чај е друга работа.

Вожеватов (на Гаврило). Гаврило, дај ми од моето чајче, знаеш?.. Од моето!

Гаврило . Разбирам. (Оди.)

К н у р о в . Вие некој специјален чај ли пиете?

Вожеватов . Ма, истот шампањ е тоа, само што ќе ни налее во шолја, со тацна ќе ни сервира.

К н у р о в . Паметно, паметно.

Вожеватов . Нуждата на сè ќе го научи човек, Мокиј Парменич.

К н у р о в . Ќе одите ли во Париз на изложбата?

Вожеватов . Еве сега ќе купам пароброд, ќе го пратам надолу по реката по стока и потоа ќе одам.

К н у р о в . И јас ќе одам деновиве, веќе ме чекаат.

Гаврило принесува на послужавник два чајника со шампањ и две шолји.

Вожеватов (налево). Ја слушнавте ли веста, Мокиј Парменич? Лариса Дмитриевна се мажи.

К н у р о в . Како се мажи? Што зборувате! За кого?

Вожеватов . За Карандишев.

К н у р о в . Каква будалаштина е тоа! Што уште нема да смислат! Како тоа Карандишев? Тој не е пар за неа, нели Василиј Данилович?

Вожеватов . Ма, каков пар! Ама што да се прави, од кај да се најдат младоженци? Знаете, таа е девојка без мираз.

К н у р о в . Па, и без мираз девојки наоѓаат добри младоженци.

В о ж е в а т о в . Не е веќе тоа време. Порано имаше многу младоженци, дури и за девојките без мираз. А сега е кнап со младоженци, колку миразџики – толку и младоженци, нема вишок. А за девојките без мираз не остануваат младоженци. Зарем Харита Игнатјевна би ја дала за Карандишев да беа во подобра ситуација?

К н у р о в . Снаодлива жена.

В о ж е в а т о в . Како да не е Русинка.

К н у р о в . Оти?

В о ж е в а т о в . Оти вистина многу е умешна, вешта.

К н у р о в . Таа ли вака да не се снајде? Огудалови сепак се пристојна фамилија, и наеднаш за некаков си Карандишев!.. Од нејзината вештина домот секогаш им е полн со ергени!

В о ж е в а т о в . Доаѓаат кај неа, сите доаѓаат, оти им е многу весело, госпоѓицата е убавка, свира на разни инструменти, пее, слободно комуницира, тоа и ги привлекува. А кога се жениш, треба да размислиш.

К н у р о в . Нели има таа две омажено?

В о ж е в а т о в . За мажење, има омажено, ама треба да се праша убаво ли живеат. Постарата ја одведе некој планинец, кавкаско кнезче. Каква веселба беше тоа! Кога виде овој, се стресе, заплака дури и две недели така стоеше покрај неа. Ножот не го пушташе од раце, светкаше со очите, никој не смееше да припари. Се ожени и замина, ама велат не ја довел до Кавказ, ја заклал по пат од љубомора. Другата исто за некој странец се омажи, а потоа излезе дека не бил странец, туку измамник.

К н у р о в . Огудалова паметно пресметала: малку имот има, нема од каде да дава мираз, така што си живее отворено, сите ги прима.

В о ж е в а т о в . И самата сака да си живее весело. А нема големи средства, дури и за таков живот не ѝ стигнуваат...

К н у р о в . Па, од кај наоѓа?

В о ж е в а т о в . Младоженците плаќаат. Како кому ќе му се допадне ќерката, така и се расфрлаат со пари. Ќе му земе мираз на младоженцот, и неа за мираз не ја прашувај.

К н у р о в . Ама, мислам дека не плаќаат само младоженците. Еве, на пример, и вие со вашите чести посети на тоа семејство не си поминувате евтино.

Вожеватов. Нема да пропаднам, Мокиј Парменич. Што да се прави! За задоволствата треба се плаќа, не ги даваат џабе, а да се биде кај нив дома – е големо задоволство!

Кнуров. Вистинско задоволство, точно е тоа што го велите.

Вожеватов. А вас речиси никогаш ве нема.

Кнуров. Не ми е пријатно некако, секаков џган се собира кај нив, се запознаваат, се поклонуваат, се мешаат во разговорот. Еве, на пример, Карандишев – какво е тоа познанство за мене!

Вожеватов. Да, кај нив дома е како на пазар.

Кнуров. Каков аир има од сето тоа! Еден ѝ се пика на Лариса со комплименти, друг со нежности, зујат од сите страни, не ѝ даваат збор да каже. Со неа е мерак да се гледаш насамо, без пречки.

Вожеватов. Женачка му треба на човек.

Кнуров. Женачка! Не може секој да се жени, а и не сакаат сите. Еве, на пример, јас сум женет човек.

Вожеватов. Што да правиш! Убаво грозје, ама зелено, Мокиј Парменич.

Кнуров. Мислите?

Вожеватов. Од далеку се гледа. Нема такви принципиелни луѓе. Малку ли случаи имало да се полакомат, па и за такви како Карандишев да се мажат.

Кнуров. А што убаво би било со таква госпоѓица во Париз да се провозиме на изложба.

Вожеватов. Да, не би било здодевно, фина прошетка би излегла. Какви ви се плановите, Мокиј Парменич?

Кнуров. Па, немавте ли и вие некакви планови?

Вожеватов. Од каде пак јас! Малку сум прстичок за вакви работи. Немам смелост со жените, така сум воспитан, знаете, патријархално.

Кнуров. Како сакате! Вие имате повеќе шанси од мене. Младоста е голема работа. А и пари нема да потрошите, евтино го земате паробродот, од кáрот што ќе ви остане можете. А немаше ли „Ластовичката“ поевтино да ви излезе?

Вожеватов. Секоја стока си има своја цена, Мокиј Парменич. Иако сум млад, нема да заглавам, вишок не давам.

Кнуров. Не бидете сигурни! Не треба многу време за да се заљуби човек во вашите години, а дури тогаш ќе видите што се трошоци!

Вожеватов. Ма, не, Мокиј Парменич, јас тоа некако воопшто не го забележувам во себе.

Кнуров. Што тоа?

Вожеватов. Ете тоа – што го нарекуваат љубов.

Кнуров. За пофалба сте, ќе бидете добар трговец. Ама сепак вие сте далеку поблизок со неа одошто другите.

Вожеватов. А во што е мојата блискост? Понекогаш скришум од мајка ѝ знам да налевам чашка повеќе шампањ, песничка знам да научам, им носам романи што им бранат на девојките да ги читаат.

Кнуров. Значи, малку од малку и вие ги развратувате.

Вожеватов. Немам врска јас! Со сила не ги терам, што има јас да се грижам за нејзината моралност, не сум ѝ старател.

Кнуров. Сè се чудам, зарем Лариса Дмитриевна немаше и други младоженци освен Карандишев?

Вожеватов. Имаше, ама малку е протичка.

Кнуров. Како протичка? Глупава?

Вожеватов. Не е глупава, туку не е итра, не е на мајка ѝ метната. Мајка ѝ е полна со итроштини, а оваа од нигде-никаде ќе каже нешто што не треба.

Кнуров. Сакате да кажете – вистината?

Вожеватов. Да, вистината, а девојките без мираз така не смеат. Наклонетоста кон некого воопшто не ја крие. Ете, Сергеј Сергеич Паратов првпат се појави минатата година – не можеше да му се изнагледа. А тој поседе два месеца, сите кандидати ги оддалечи и после трага му се изгуби, којзнае каде исчезна.

Кнуров. Што стана со него?

Вожеватов. Кој да го знае, чуден е некако, нејасен. А таа колку го сакаше, за малку од таа не умре. Колку е чувствителна! *(Се смее.)* Летна по него да го стигне, мајка ѝ едвај ја врати од втората станица.

Кнуров. А по Паратов имаше младоженци?

Вожеватов. Налетаа двајца: едно старче болно од гихт и еден управник што се збогатил кај некој кнез, вечно пијан. Не ѝ е до такви на Лариса, ама мораше да се однесува љубезно, мајка ѝ така ѝ нареди.

Кнуров. Значи, не ѝ е баш завидна положбата.

Вожеватов. Да, дури и смешна е. Понекогаш солзи ќе ѝ наврат во очите, само што не заплакала, а мајка ѝ ѝ вели да се смешка. По-

тоа наеднаш се појави оној благајникон... се расфрлаше со пари, ја описипуваше Харита Игнатјевна. Сите други ги отфрли, ама кратка му беше забавата – баш кај нив дома го уапсија. Страшно скандалиште! (Се смее.) Цел месец Огудалови не смееја да се појават пред народ. И тука Лариса решително да ѝ соопшти на мајка ѝ: „Доста е“, вели „доста се срамевање. Ќе појдам за првиот што ќе ме запроси, богат или сиромав – нема да бирам“. И Карандишев тука ѝ ја побара раката.

К н у р о в . Од кај се појави тој Карандишев?

Вожеватов . Одамна тој се вртка кај нив дома, три години. Да го бркаат – не го бркаа, ама ни голема почест не му искажуваа. Кога бидна оној случај, не остана никој од богатите младоженци, па него го држеа кај себе, дури и го канеа малку, колку да не биде празно дома. А кога ќе налеташе некое богаташиште, просто жално беше да се гледа Карандишев – ни зборуваа со него ни го гледаа. А тој ќе седнеше на кош и играше разни улоги, те фрлаше сверски погледи те се правеше дека е очаен. Еднаш сакаше да се застрела, ама ништо не излезе, само ги изнасмеа сите. А не една забава, уште кога беше тука Паратов, на еден маскенбал тогаш, се беше облекол како разбојник, па со секирата в раце кон сите фрлаше сверски погледи, а особено кон Сергеј Сергеич.

К н у р о в . И што бидна?

Вожеватов . Му ја зеdoa секирата од раце, му рекоа да се преслече или, што се вели, да си го фати патот под нозе!

К н у р о в . Значи, го наградиле за истрајноста. Мора да е радосен, тогаш.

Вожеватов . И тоа како е радосен, блеска како портокал. Смеа! Ама чуден си е човекот. Поскоро нека гледа да се ожени и да си отиде на своето имотче, додека да стивнат озборувањата – и Огудалови така сакаа – а тој ја влечка Лариса по улиците, оди со неа под рака, ја кренал главата високо, чиниш само што не налетал на некој. Па уште и очила си ставил – кој знае зошто му се, порано никогаш не носел. Се поклонува еднај само со главата, почнал со некаков тон да зборува, порано и глас не можеше да му чуеш, а сега цело време: „јас па јас, сакам вака, сакам онака“.

К н у р о в . Како руски селанец прав – малку му е радост што е пијан, треба уште сè да искрши за да видат сите. Ќе искрши, ќе го изнатепаат два пати, и тогаш задоволен ќе си легне.

Вожеватов. Да, изгледа и на Карандишев не му бега тоа.

Кнуров. Кутрата девојка! Колку ли страда гледајќи го него, си мислам.

Вожеватов. Решил станот да си го доправи, се занесува. Во кабинетот заковал на сид евтин килим, изнаобесил ками, тулски пиштоли. Ловец да беше барем, а тој оружје во рака не фатил. Вика луѓе кај себе, се покажува, се фали, а го навредиш ли – глуми горд, завидлив. Од селото зел под наем некое старо шарено коњче, некое кочијашче мало нашол во голем кафтан облечено, па ја развезува Лариса Дмитриевна како на камила. Седнал гордо горе, чиниш илјада коњи го влечат. Кога ќе слезе од булеварот, му вика на полицаецот: „Нареди пајтонот да ми го спремаат!“ И доаѓа пајтонот, со музика доаѓа – сите завртки и навртки му свечкаат во разни гласови, а амортизерите му се тресат како да се живи.

Кнуров. Жално, кутрата Лариса Дмитриевна! Жално!

Вожеватов. Што сте станале па вие толку жалостив?

Кнуров. Па, зарем не гледате дека таа жена е создадена за раскош? Скап дијамант си бара и скап прстен.

Вожеватов. И скап кујунџија.

Кнуров. Чиста вистина кажавте. Кујунџијата не е обичен мајстор, треба да биде уметник. Во сиромаштија, па уште и мажена за будала, таа или ќе пропадне или ќе огруби.

Вожеватов. А јас, пак, мислам дека тоа брзо ќе го остави. Сега е уште очајна, а кога ќе се среди и ќе си го погледне мажот повнимателно каков е... (Тивко.) Еве ги – ние за волкот, а волкот на врата.

Влегуваат Карандишев, Огудалова, Лариса. Вожеватов станува и се поклонува. Кнуров го вади весникот.

ВТОР ЧИН

Осма сцена

Паратов и Лариса

П а р а т о в. Не очекувавте?

Л а р и с а. Не, сега не очекував. Долго ве чекав, но веќе одамна престанав да чекам.

П а р а т о в. А зошто престанавте да чекате?

Лариса. Не се надевав дека ќе дочекам. Исчезнавте така неочекувано, ниту едно писмо...

Паратов. Не пишував затоа што не можев ништо пријатно да ви соопштам.

Лариса. Така и си мислев.

Паратов. Ќе се мажите?

Лариса. Да, се мажам.

Паратов. Дозволете да ве прашам, долго ли ме чекавте?

Лариса. Што ќе ви е да го знаете тоа?

Паратов. Не е поради љубопитство, Лариса Дмитриевна, ме интересира чисто од теоретска гледна точка. Сакам да разберам дали жената брзо го заборава човекот кого страшно го сака, следниот ден штом ќе се раздели од него, или поминува недела, или месец... да видам дали имал право Хамлет да ѝ каже на мајка си дека уште „чевлите не ги износила“ и така натаму.

Лариса. Нема да ви одговорам на прашањето, Сергеј Сергеич. Можете да мислите за мене како што сакате.

Паратов. За вас секогаш ќе мислам со почит, но жените општо земено, по вашата постапка, изгубија многу во моите очи.

Лариса. Каква моја постапка? Ништо вие не знаете.

Паратов. Тие „кротки, нежни погледи“, тој сладок љубовен шепот – кога секој изговорен збор го следи длабока воздишка – тие заклетви... И сето тоа по еден месец се повторува со друг, како научена лекција. Ех, жени!

Лариса. Што „жени“?

Паратов. Ништожност ви е името!

Лариса. Ах, како смеете така да ме навредувате? Како знаете дали сум засакала некого после вас? Сигурен ли сте во тоа?

Паратов. Не сум сигурен, но претпоставувам.

Лариса. За така сурово да прекорувате треба да знаете, а не да претпоставувате.

Паратов. Ќе се мажите?

Лариса. Но, што ме натера на тоа... Ако дома е невозможно да се живее, ако додека страшно, до смрт тагувате ве тераат да се однесувате љубезно, да се смешкате, ви наметнуваат младоженци што не можете ни да ги погледнете без гнасење, ако дома има само скандали, ако треба да се бега од дома, па дури и од градов?

П а р а т о в . Лариса, значи вие?..

Л а р и с а . Што „јас“? Што сакавте да кажете?

П а р а т о в . Извинете! Виновен сум пред вас. Значи, вие не ме заборавивте, вие сè уште... ме сакате?

Лариса молчи.

Кажете, бидете отворени!

Л а р и с а . Секако ве сакам. Непотребно е да се прашува.

П а р а т о в (*нежно ја бакнува раката на Лариса*). Ви благодарам. Ви благодарам.

Л а р и с а . Вам само тоа и ви беше неопходно, вие сте горд човек.

П а р а т о в . Можам да се откажам од вас заради околностите, но тешко би се откажал од вашата љубов.

Л а р и с а . Зарем?

П а р а т о в . Ако вие му давате предност некому пред мене, длабоко ќе ме навредите и не би ви го простил тоа лесно.

Л а р и с а . А сега?

П а р а т о в . А сега за цел живот ќе зачувам најпријатен спомен за вас и ќе се поделиме како најдобри другари.

Л а р и с а . Значи, жената нека плаче, нека страда, само да ве сака вас?

П а р а т о в . Што да се прави, Лариса Дмитриевна? Во љубовта нема еднаквост, не сум го смислил јас тоа така. Во љубовта некогаш мора и да се плаче.

Л а р и с а . И секогаш мора жената?

П а р а т о в . Се разбира, не мажот.

Л а р и с а . А зошто?

П а р а т о в . Многу едноставно – затоа што ако мажот заплаче, ќе го наречат жена, а тој прекор за мажот е полош од сè што може да смисли човекот.

Л а р и с а . Кога љубовта би била еднаква од двете страни, тогаш и солзи би немало. Бидува ли некогаш така?

П а р а т о в . Ретко се случува. Само што тогаш од тоа излегува некаква торта, некаков шлаг.

Л а р и с а . Сергеј Сергеич, ви кажав нешто што не требаше да ви го кажам, се надевам нема да ја злоупотребите мојата отвореност.

П а р а т о в . Ви се молам! За каков ме сметате? Ако е жената слободна, тогаш е друг разговор... Јас, Лариса Дмитриевна, сум

човек со принципи, бракот за мене е света работа. Јас таква слободоумност не поднесувал. Дозволете ми да прашам, вашиот иден сопруг има многу доблести?

Лариса. Не, само со една.

Паратов. Малку.

Лариса. Ама вредна.

Паратов. Што имено?

Лариса. Ме сака.

Паратов. Навистина вредно, за домашен живот – многу добро.

Влегуваат Огудалова и Карандишев.

ЧЕТВРТИ ЧИН

Шеста сцена

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Вожеватов. И, милорде? Што виде на сон?

Робинзон. Богати будали, истиве што ги гледам и најаве.

Вожеватов. Кажи како, кутар сезнајко, го минуваш времето овде?

Робинзон. Одлично. Си живеам со мерак, па уште и на вересија, на твоја сметка. Има ли нешто поубаво?

Вожеватов. Човек да ти позавидуви. И долго мислиш да си го тераш меракот?

Робинзон. Чудак си, те гледам. Ај размисли, каква сметка би имал да се откажам од убавиниве?

Вожеватов. Нешто не се сеќавам дека сум ти дал отворена сметка?

Робинзон. Па, ми вети дека ќе одиме во Париз. Не е ли тоа исто?

Вожеватов. Не, не е исто! Што сум ветил – ќе исполнам. За мене дадениот збор е закон, кажаното е свето. Слободно прашај дали неког сум измамил.

Робинзон. А додека се подготвиш за Париз, воздух ли да јадам?

Вожеватов. За тоа не се договаравме. А во Париз ако сакаш можеме уште веднаш.

Робинзон. Сега е доцна, утре да одиме, Васја.

Вожеватов. Штом велиш утре, нека биде утре. Слушни ме, вака, појди ти сам, ќе ти дадам пари, ќе ти го платам патот и натаму и наваму.

Робинзон. Како сам? Не го знам патот.

Вожеватов. Ќе те довезат.

Робинзон. Слушај, Васја, не сум баш најдобар со францускиот... Сакам да научам, ама сè некако се нема време.

Вожеватов. Што ќе ти е француски?

Робинзон. Како што ќе ми е? Во Париз ли да не зборувам француски?

Вожеватов. Па, и нема да ти треба, таму никој не ни зборува на француски.

Робинзон. Престолнина на Франција, а никој не зборувал на француски! Ти мене за будала да не ме сметаш?

Вожеватов. Ама каква престолнина! Ти точен ли си? На кој Париз мислиш ти? Меаната не плоштадот кај нас се вика „Париз“, таму сакав да те однесам.

Робинзон. Браво, Bravo!

Вожеватов. А ти мислеше во вистинскиот? Чукни си ја малку главата! А ваму уште ми се правиш паметен. И зошто да те земам таму, зошто па сум должен? Да те ставам во кафез и да те покажувам?

Робинзон. Добра школа си, Васја, добра! Саглам трговец ќе излезе од тебе.

Вожеватов. Знам, знам, слушам наоколу ме фалат.

Кнуров. Баталете го, Василиј Данилич! Треба да позборуваме.

Вожеватов (*приоѓајќи*). Што ви треба?

Кнуров. Цело време ја мислам Лариса Дмитриевна. Ми се чини дека сега е во таква положба, што нам, како на блиски луѓе, не само што ни е дозволено, туку имаме и обврска да се вмешаме во нејзината судбина.

Робинзон наслушнува.

Вожеватов. То ест сакате да кажете дека ни се укажува добра прилика да ја земеме со нас во Париз?

К н у р о в . Да, баш така, ако сакате. Тоа е исто.

Вожеватов . Па, зошто застана работата? Кој пречи?

К н у р о в . Вие мене ми пречите, а јас вам. Не се плашите од соперништво? Ни јас не се плашам многу, само некако ми е непријатно, неспокојно. Многу подобро е кога имаш чист терен.

Вожеватов . Не мислам да се повлечам, Мокиј Парменич.

К н у р о в . Зошто да се повлечете? Може и поинаку.

Вожеватов . Еве, најдобро вака. (*Вади од џебот монета и ја става во раката.*) Петка или глава?

К н у р о в (*размислува*). Ако кажам глава, ќе изгубам, главата секако сте вие. (*Решително.*) Петка!

Вожеватов (*кревајќи ја раката*). Вашето. Значи, сам ќе патувам во Париз. Не сум во загуба, помалку трошоци ќе имам.

К н у р о в . Само знаете, Василиј Данилич, дадениот збор треба да си го одржите. Трговец човек сте, треба да знаете што значи дадениот збор.

Вожеватов . Ме навредувате. Знам што значи кога трговец ќе даде збор. Оти сега со вас си имам работа, а не со Робинзон.

К н у р о в . Ене го Сергеј Сергеич, доаѓа со Лариса Дмитриевна! Да влеземе во кафеаната, да не им пречиме.

Кнуров и Вожеватов одат во кафеаната. Влегуваат Паратов и Лариса.

Седма сцена

Паратов, Лариса и Робинзон.

Л а р и с а . Ох, колку сум уморна. Немам веќе сила, сосила се искачив по ридот. (*Седнува на клупа до оградата во длабочината на сцената.*)

П а р а т о в . О, Робинзон! Што бидна? Одиш ли наскоро во Париз?

Р о б и н з о н . Со кого? Со тебе, Ла-Серж, кај сакаш, а со трговци не одам. Не, со трговци – никако.

П а р а т о в . А зошто така?

Р о б и н з о н . Грубијани!

П а р а т о в . Така ли? Одамна ли ти текна?

Р о б и н з о н . Отсекогаш знаев. Јас сум секогаш за дворјаните.

Паратов. Тоа ти служи на честа, Робинзон. Ама не е време за гордеене. Приспособувај се на околностите, кутар мој пријателе! Времето на просветените покровители, времето на мецените помина, сега владее буржоазијата, сега уметноста злато вреди, во буквална смисла настапува златниот век. Ама не барај преку леб погача, оти може и со црнило да те напојат, па да те истркалаат во буре за личен мерак – ако на некој Медичи налеташ. Немој да одиш далеку, ќе ми требаш!

Робинзон. За тебе и во оган и во вода! *(Влегува во кафеаната.)*

Паратов *(на Лариса)*. Дозволете ми сега да ви се заблагодарам за задоволството... не, малку е – за среќата што ми ја причинивте.

Лариса. Не, не, Сергеј Сергеич, не ми кажувајте мене фрази! Само кажете ми што сум јас – ваша жена или не?

Паратов. Сега прво, Лариса Дмитриевна, треба да си појдете дома. Ќе стигнеме утре повеќе да позборуваме.

Лариса. Јас не си одам дома.

Паратов. Ама и овде не смеете да останете. Да се повозите со нас по Волга дење – тоа може некако да се разбере, но да лумпувате цела ноќ во меана, во центарот на градот, со луѓе што имаат лош углед! Каков материјал за озборување ќе им дадете со тоа?

Лариса. Гајле ми е за озборувањата! Со вас можам да бидам секаде. Вие ме зедевате од дома, вие треба и да ме вратите.

Паратов. Ќе ве однесат со моите коњи, зарем не е тоа исто?

Лариса. Не, не е исто. Ме одведовте од младоженецот, мајка ми виде кога заминувавме – нема да се вознемири колку и доцна да се вратиме... Спокојна е, ви верува, само ќе нè чека, ќе нè чека... за да ни даде благослов. Морам или да се вратам со вас или воопшто да не се појавам дома.

Паратов. Што значи тоа? Што значи да не се појавувате дома? Па, каде да одите?

Лариса. За несреќните луѓе има многу место на божјиов свет – еве ја градинава, ене ја Волга. Овде на секоја гранка можеш да се обесиш, а на Волга – бирај каде сакаш. Секаде е лесно да се удавиш ако имаш желба и доволно сила.

Паратов. Каков занес! Вие можете и морате да живеете. Кој може вас да не ве сака и почитува! А и вашиот свршеник, среќен ќе биде ако повторно го прегрнете.

Лариса. Што зборувате вие? Својот маж ако не го сакам, должна сум барем да го почитувам. А како можам да почитувам човек кој рамнодушно поднесува потсмеви и секакви понижувања! Тоа е завршена работа, тој за мене не постои. Јас имам еден свршеник, тоа сте вие.

Паратов. Извинете, нека не ве навредуваат моите зборови! Но тешко дека вие имате право тоа да го барате од мене.

Лариса. Што зборувате? Зарем заборавивте? Тогаш, ќе ви повторам пак, од почеток. Цела година страдав, цела година не можев да ве заборавам, животот ми се испусте, најпосле се решив да се омажам за Карандишев, за малку не појдов за првиот што ќе го сретнев, мислев дека семејните обврски ќе ми го исполнат животот и дека ќе ме помират со него. Се појавивте и велите: „Остави сè, твој сум“. Зарем не беше така? Мислев дека вашиот збор е искрен, дека го заслужив со моите страдања.

Паратов. Сето тоа е прекрасно и за сè ќе поразговараме со вас утре.

Лариса. Не, денес ќе поразговараме, сега.

Паратов. Инсистирате?

Лариса. Да.

На вратата од кафеаната се гледаат Кнуров и Вожеватов.

Паратов. Добро, тогаш. Слушнете, Лариса Дмитриевна! Вие допуштате дека човек може да има моментален занес?

Лариса. Допуштам. И јас самата можам да се занесам.

Паратов. Не, не се изразив правилно. Дали допуштате дека човек на кого и рацете и нозете му се оковани со синџири може така да се занесе, што ќе заборава на сè на светот, ќе заборава на стварноста што го дави, ќе заборава дури и на своите синџири?

Лариса. И што? И добро е да заборава.

Паратов. Таа душевна состојба е многу добра, не спорам со вас, но краткотрајна е. Опиеноста од страсниот занес брзо поминува, а остануваат синџирите и здравиот разум, кој кажува дека синџирите не може да се раскинат, дека се нераскинливи.

Лариса (замислено). Нераскинливи синџири! (Брзо.) Женет ли сте?

Паратов. Не.

Лариса. Сите други синџири не се пречка. Ќе ги носиме заедно, ќе си го поделиме бремето, поголемиот дел од товарот ќе го земам јас.

Паратов. Свршен сум.

Лариса. Ах!

Паратов (*покажувајќи ја бурмата*). Еве го златниот синџир со кој сум окован за цел живот.

Лариса. А зошто молчевте? Безбожно, безбожно! (*Седнува на стол.*)

Паратов. Зарем бев во состојба на што било да се сетам? Кога ве видов вас, сè друго престана да постои за мене!

Лариса. Погледнете ме!

Паратов ја гледа.

„Во очите – светлина како на небото...“ Ха, ха, ха! (*Хистерично се смее.*) Оставете ме! Доста е! Самата ќе размислам за сè. (*Ја потпира главата врз рацете.*)

Кнуров, Вожеватов и Робинзон излегуваат на тремот од кафеаната.

Осма сцена

Паратов, Лариса, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Паратов (*приоѓајќи до кафеаната*). Робинзон, оди побарај го мојот пајтон! Тука е некаде на булеварот. Ќе ја одвезеш Лариса Дмитриевна дома.

Робинзон. Ла-Серж! Тој е тука, носи пиштол.

Паратов. Кој „тој“?

Робинзон. Карандишев.

Паратов. Па, што имам јас со тоа?

Робинзон. Ќе ме убие!

Паратов. Ајде, де, голема работа! Исполнувај што ти е наредено! Без многу мислење! Не го сакам тоа јас, Робинзон!

Робинзон. Слушај кога ти велам – штом ме види со неа заедно, ќе ме убие.

П а р а т о в . Дали ќе те убие или не, сè уште е неизвесно. А ако сега не го исполниш тоа што ти го наредив, јас сигурно ќе те убијам. *(Влегува во кафеаната.)*

Р о б и н з о н *(мавтајќи со тупаница)*. О, варвари! О, разбојници! Со „убаво“ друштво си фатив работа! *(Заминува.)*

Вожеватов ѝ приоѓа на Лариса.

Л а р и с а *(погледнувајќи го Вожеватов)*. Васја, пропаѓам!

Во ж е в а т о в . Лариса Дмитриевна, гулабице моја! Што да се прави? Ништо не може да се стори.

Л а р и с а . Васја, од деца се знаеме, како роднини сме, подучи ме што да правам!

Во ж е в а т о в . Лариса Дмитриевна, јас ве почитувам и баш би сакал... Ама ништо не можам. Верувајте ми на зборот!

Л а р и с а . Ама ништо и не барам од тебе, само те молам да се сожалиш на мене. Ајде, барем поплачи со мене заедно!

Во ж е в а т о в . Не можам, ништо не можам.

Л а р и с а . И ти ли си врзан со синџири?

Во ж е в а т о в . Со пранги, Лариса Дмитриевна.

Л а р и с а . Со какви пранги?

Во ж е в а т о в . Со чесен трговски збор. *(Заминува во кафеаната.)*

К н у р о в *(ѝ приоѓа на Лариса)*. Лариса Дмитриевна, ислушајте ме и не замерувајте! Јас не ни помислувам да ве навредам. Ви посакувам само добрина и среќа, тоа што вие потполно го заслужувате. Дали би сакале да појдете со мене на изложба во Париз?

Лариса одречно ниша со главата

И потполна материјална обезбеденост за цел живот?

Лариса молчи.

Не плашете се од срам, никој нема да ви суди. Има граници што осудите не ги преминуваат. Јас можам да ви предложам таква голема издршка, што дури и најзлобните критичари на туѓиот морал ќе мораат да замолчат и ќе зинат од чудење.

Лариса ја врти главата на друга страна.

Ни за миг не би се двоумел да ви ја предложам раката, ама жетет сум.

Лариса молчи.

Растроена сте и јас нема да ве брзам со одговорот. Размислете! Ако посакате благонаклоно да го прифатите мојот предлог, известете ме, и од тој час ќе ви станам ваш најпредан слуга и најверен исполнител на сите ваши желби, па дури и каприци, колку и да се чудни и скапи. За мене нема нешто невозможно. *(Се поклонува со почит и влегува во кафеаната.)*

Деветта сцена

Лариса сама.

Л а р и с а . Некни ледав низ оградата, ми се заврте во главата, за малку ќе паднев. А ако паднеш, велат... смртта е сигурна. *(Размислува.)* Да скокнам? Не, зошто да скокнам!.. Ако стоиш до оградата и гледаш надолу ќе ти се заврти во главата и ќе паднеш... Да, подобро така... во бесознание, без болка... ништо да не почувствуваши! *(Приоѓа до оградата и гледа надолу. Се наведнува, цврсто се држи за оградата, потоа исплашена бега.)* Ај, ај, колку страшно! *(За малку не паѓа, се фаќа за сеницата.)* Како ми се врти во главата! Паѓам, паѓам, ај! *(Седнува на масата покрај сеницата.)* О, не.. *(Низ солзи.)* Не е толку лесно да се поделиш од животот како што си замислував. Немам сили! Ете колку сум несреќна! А има луѓе на кои им е лесно. Очигледно, не можат веќе да живеат, ништо не им останало да ги восхити, ништо не им е мило, за ништо не им е жал. Ах, што зборувам!... Нели и мене ништо не ми е мило, и јас не можам да живеам, и јас немам зошто да живеам! Зошто не се решавам? Што ме држи над бездната? Што ме спречува? *(Се замислува.)* Ах, не, не... Не Кнуров... раскош, блесок... не, не... далечна ми е таа суета... *(Затрепериува.)* Разврат... ох, не... Едноставно, не сум решителна. Жална слабост: да се живее некако, како било, само да се живее... кога не може и не треба да се живее. Колку сум жална, несреќна. Да се најдеше некој сега да ме убие... Колку е добро да се умре... тогаш нема и за што да се кори себеси човек. Или да се разболи човек и да умре... Мислам дека ќе се разболам. Колку ми е лошо!.. Да се разболам долго, да се успокојам, да се помирам со сè, на сите да им простам и да умрам... Ак, колку ми е лошо, како ми се врти во главата. *(Ја потпира главата на рака и задремува.)*

Влегуваат Робинзон и Карандишев.

Десетта сцена

Лариса, Робинзон и Карандишев.

Карандишев. Велите дека ви е наредено да ја одвезете дома?

Робинзон. Да, така ми е наредено.

Карандишев. И велите дека ја навредиле?

Робинзон. Многу!

Карандишев. Самата е виновна, нејзината постапка заслужува казна. Јас ѝ кажував какви луѓе се тие, а и таа самата можеше, имаше време да ја види разликата меѓу мене и нив. Да, таа е виновна, но никој освен мене нема право да ѝ суди, а уште помалку да ја навредува. Тоа е веќе моја работа, дали ќе ѝ простам или не. Но, морам да ја заштитам. Таа нема ни браќа ни блиски, само мене ме има, само јас сум обврзан да се заземам за неа и да ги казнам тие што ја навредиле! Каде е таа?

Робинзон. Тука беше. Еве ја!

Карандишев. Не ни требаат туѓи сведоци на нашето објаснување. Оставете нè!

Робинзон. Со најголемо задоволство. Ќе кажам дека сум ви ја предал. Лариса Дмитриевна, чест ми е да ви се поклонам! (*Заминува во кафеаната.*)

Карандишев приоѓа до масата и седнува спроти Лариса.

Единаесетта сцена

Лариса и Карандишев.

Лариса. Колку сте ми одвратен, да знаете само! Зошто сте тука?

Карандишев. А каде да бидам?

Лариса. Не знам. Каде сакате, само не каде што сум јас.

Карандишев. Грешите, јас секогаш треба да бидам до вас за да ве заштитувам. И сега сум овде за да се одмаздам за навредите кон вас.

Лариса. Најтешка навреда за мене е вашето покровителство. Никој друго со ништо не ме навредил.

К а р а н д и ш е в . Навистина сте прескромна. Кнуров и Вожеватов фрлаат ждрепка кој ќе ве добие, играат петка-глава – и тоа не е навреда? Добри пријатели имате! Каква почит кон вас! Тие не ве гледаат како жена, како човек – човекот сам располага со својата судбина. Тие ве гледаат како предмет. А ако сте предмет – тоа е друга работа. Предметот секако му припаѓа на тој што ќе го добие, предметот не може да се навреди.

Л а р и с а (*длабоко навредена*). Предмет... да, предмет! Тие се во право, јас сум предмет, а не човек. Сега се убедив во тоа, се проверив... Јас сум предмет. (*Со жестина.*) Најпосле се најде збор за мене, вие го најдовте. Одете си! Ве молам, оставете ме!

К а р а н д и ш е в . Да ве оставам? Како да ве оставам, на кого да ве оставам?

Л а р и с а . Секој предмет треба да си има сопственик, ќе си отидам кај сопственикот.

К а р а н д и ш е в (*со жар*). Јас ве земам, јас сум ваш сопственик. (*Ја фаќа за рака.*)

Л а р и с а (*го оттурнува*). А, не! Секој предмет си има своја цена... Ха, ха, ха... Прескапа сум за вас.

К а р а н д и ш е в . Што зборувате! Зарем можев од вас да очекувам такви бесрамни зборови?

Л а р и с а (*низ солзи*). Ако веќе сум предмет, единствена утеша е да сум скап, многу скап предмет. Направете ми последна услуга: одете и испратете го кај мене Кнуров.

К а р а н д и ш е в . Што ви вам, вразумете се!

Л а р и с а . Е, па, тогаш, сама ќе одам.

К а р а н д и ш е в . Лариса Дмитриевна! Застанете! Ви простувам, сè ви простувам!

Л а р и с а (*со горчлива насмевка*). Вие ми простувате? Ви благодарам. Само што јас самата не можам да си простам себеси што намислив да си ја сврзам судбината со таков ништожник како вас.

К а р а н д и ш е в . Да заминеме, да заминеме веднаш од овој град, на сè сум согласен.

Л а р и с а . Доцна е. Јас ве молев што поскоро да ме земете од циганскиот табор, а вие не го сторивте тоа. Изгледа ми било пишано да живеам и да умрам во цигански табор.

К а р а н д и ш е в . Ајде, ве молам, изградувајте ме.

Л а р и с а . Доцна е. Сега пред очи ми заблеска злато, ми засветкаа дијаманти.

К а р а н д и ш е в . На секаква жртва сум подготвен, готов сум секако понижување да трпам за вас.

Л а р и с а (*со гнасење*). Одете си, премногу сте ситен, премногу сте ништожен за мене.

К а р а н д и ш е в . Кажете, тогаш, со што да ја заслужам вашата љубов? (*Паѓа на колена.*) Ве сакам, ве сакам.

Л а р и с а . Лажете. Јас барав љубов и не ја најдов. На мене гледаа и гледаат како на забава. Никогаш никој не се потруди да ми сирне во душата, од никого не видов сочувство, не слушнав топол, срдечен збор. А студено е така да се живее. Јас не сум виновна, барав љубов и не ја најдов... ја нема на светов... нема што да се бара. Не најдов љубов, затоа ќе барам злато. Оставете ме, не можам да бидам ваша.

К а р а н д и ш е в (*станувајќи*). О, не, покајте се! (*Ја става раката на страната од платото.*) Мора да бидете моја!

Л а р и с а . Било чија, но не ваша.

К а р а н д и ш е в (*бесно*). Не моја?

Л а р и с а . Никогаш!

К а р а н д и ш е в . Тогаш ничија нема да бидеш! (*Стрела во неа од пиштолот.*)

Л а р и с а (*фаќајќи се за гради*). Ах! Ви благодарам! (*Паѓа на столот.*)

К а р а н д и ш е в . Што направив, што направив... ах, будала! (*Го испушта пиштолот.*)

Л а р и с а (*нежно*). Мил мој, какво добро дело ми направивте! Пиштолот овде, овде, на масата! Јас самата... самата. Ах, какво добро дело... (*Го крева пиштолот и го става на масата.*)

Од кафеаната излегуваат Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило и Иван.

БЕСПРИДАННИЦА

– фрагмент –

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление второе

Кнуров, Вожеватов, Гаврило, Иван.

Вожеватов (*почтительно кланяясь*). Мокий Парменыч, честь имею кланяться!

Кнуров. А! Василий Данилыч! (*Подает руку.*) Откуда?

Вожеватов. С пристани. (*Садится.*)

Гаврило подходит ближе.

Кнуров. Встречали кого-нибудь?

Вожеватов. Встречал, да не встретил. Я вчера от Сергея Сергеича Паратова телеграмму получил. Я у него пароход покупаю.

Гаврило. Не «Ласточку» ли, Василий Данилыч?

Вожеватов. Да, «Ласточку». А что?

Гаврило. Резво бегают, сильный пароход.

Вожеватов. Да вот обманул Сергей Сергеич, не приехал.

Гаврило. Вы их с «Самолетом» ждали, а они, может, на своем приедут, на «Ласточке».

Иван. Василий Данилыч, да вон еще пароход бежит сверху.

Вожеватов. Мало ль их по Волге бегают.

Иван. Это Сергей Сергеич едут.

Вожеватов. Ты думаешь?

Иван. Да похоже, что они-с... Кожухи-то на «Ласточке» больно приметны.

Вожеватов. Разберешь ты кожухи за семь верст!

Иван. За десять разобрать можно-с... Да и ходко идет, сейчас видно, что с хозяином.

Вожеватов. А далеко?

Иван. Из-за острова вышел. Так и выстilaет, так и выстilaет.

Гаврило. Ты говоришь, выстilaет?

Иван. Выстilaет. Страсть! Шибче «Самолета» бежит, так и меряет.

Гаврило. Они едут-с.

Вожеватов (Ивану). Так ты скажи, как приставать станут.

Иван. Слушаю-с... Чай, из пушки выпалят.

Гаврило. Беспреренно.

Вожеватов. Из какой пушки?

Гаврило. У них тут свои баржи серёд Волги на якоре.

Вожеватов. Знаю.

Гаврило. Так на барже пушка есть. Когда Сергея Сергеича встречают или провожают, так всегда палят. (*Взглянув в сторону за кофейную.*) Вон и коляска за ними едет-с, извозчицкая, Чиркова-с! Видно, дали знать Чиркову, что приедут. Сам хозяин, Чирков, на козлах. — Это за ними-с.

Вожеватов. Да почем ты знаешь, что за ними?

Гаврило. Четыре иноходца в ряд, помилуйте, за ними. Для кого же Чирков такую четверню сберет! Ведь это ужаси смотреть... как львы... все четыре на трензелях! А сбруя-то, сбруя-то! — За ними-с.

Иван. И цыган с Чирковым на козлах сидит, в парад-ком казакине, ремнем перетянут так, что, того и гляди, переломится.

Гаврило. Это за ними-с. Некому больше на такой четверке ездить. Они-с.

Кнуров. С шиком живет Паратов.

Вожеватов. Уж чего другого, а шик у довольного.

Кнуров. Дешево пароход-то покупаете?

Вожеватов. Дешево, Мокий Парменыч.

Кнуров. Да, разумеется; а то, что за расчет покупать. Зачем он продает?

Вожеватов. Знать, выгоды не находит.

Кнуров. Конечно, где ж ему! Не барское это дело. Вот вы выгоду найдете, особенно коли дешево-то купите.

Вожеватов. Нам кстати: у нас на низу груза много.

Кнуров. Не деньги ль понадобились? Он ведь мотоват.

Вожеватов. Его дело. Деньги у нас готовы.

Кнуров. Да, с деньгами можно дела делать, можно. (*С улыбкой.*) Хорошо тому, Василий Данилыч, у кого денег-то много.

Вожеватов. Дурное ли дело! Вы сами, Мокий Парменыч, это лучше всякого знаете.

К н у р о в . Знаю, Василий Данилыч, знаю.

Вожеватов . Не выпьем ли холодненького, Мокий Парменыч?

К н у р о в . Что вы, утром-то! Я еще не завтракал.

Вожеватов . Ничего-с. Мне один англичанин — он директор на фабрике — говорил, что от насморка хорошо шампанское нато- щак пить. А я вчера простудился немного.

К н у р о в . Каким образом? Такое тепло стоит.

Вожеватов . Да все им же и простудился-то: холодно очень подали.

К н у р о в . Нет, что хорошего; люди посмотрят, скажут: ни свет ни заря — шампанское пьют.

Вожеватов . А чтоб люди чего дурного не сказали, так мы станем чай пить.

К н у р о в . Ну, чай — другое дело.

Вожеватов (*Гаврило*). Гаврило, дай-ка нам чайку моего, понимаешь?.. Моего!

Гаврило . Слушаю-с. (*Уходит.*)

К н у р о в . Вы разве особенный какой пьете?

Вожеватов . Да все то же шампанское, только в чайники он разольет и стаканы с блюдечками подаст.

К н у р о в . Остроумно.

Вожеватов . Нужда-то всему научит, Мокий Парменыч.

К н у р о в . Едете в Париж-то на выставку?

Вожеватов . Вот куплю пароход да отправлю его вниз за грузом и поеду.

К н у р о в . И я на-днях, уж меня ждут.

Гаврило приносит на подносе два чайника с шампанским и два стакана.

Вожеватов (*наливая*). Слышали новость, Мокий Парменыч? Лариса Дмитриевна замуж выходит.

К н у р о в . Как замуж? Что вы! За кого?

Вожеватов . За Карандышева.

К н у р о в . Что за вздор такой! Вот фантазия! Ну что такое Карандышев! Не пара ведь он ей, Василий Данилыч.

Вожеватов . Какая уж пара! Да что ж делать-то, где взять женихов-то? Ведь она бесприданница.

К н у р о в . Бесприданницы-то и находят женихов хороших.

Вожеватов . Не то время. Прежде женихов-то много было, так и на бесприданниц хватало; а теперь женихов-то в самый об-рез: сколько приданных, столько и женихов, лишних нет — бесприданницам-то и недостает. Разве бы Харита Игнатьевна отдала за Карандышева, кабы лучше были?

К н у р о в . Бойкая женщина.

Вожеватов . Она, должно быть, не русская.

К н у р о в . Отчего?

Вожеватов . Уж очень проворна.

К н у р о в . Как это она оплошала? Огудаловы все-таки фамилия порядочная; и вдруг за какого-то Карандышева!.. Да с ее-то ловкостью... всегда полон дом холостых!..

Вожеватов . Ездить-то к ней все ездят, потому что весело очень: барышня хорошенькая, играет на разных инструментах, поет, обращение свободное, оно и тянет. Ну, а жениться-то надо по-думавши.

К н у р о в . Ведь выдала же она двух.

Вожеватов . Выдать-то выдала, да надо их спросить, сладко ли им жить-то. Старшую увез какой-то горец, кавказский князек. Вот потеха-то была! Как увидал, затрясся, заплакал даже — так две недели и стоял подле нее, за кинжал держался да глазами сверкал, чтоб не подходил никто. Женился и уехал, да, говорят, не довез до Кавказа-то, зарезал на дороге от ревности. Другая тоже за како-го-то иностранца вышла, а он после оказался совсем не иностранец, а шулер.

К н у р о в . Огудалова разочла не глупо: состояние небольшое, давать приданое не из чего, так она живет открыто, всех принимает.

Вожеватов . Любит и сама пожить весело. А средства у нее так невелики, что даже и на такую жизнь недостает...

К н у р о в . Где ж она берет?

Вожеватов . Женихи платятся. Как кому понравилась дочка, так и раскошеливайся. Потом на приданое возьмет с жениха, а приданого не спрашивай.

К н у р о в . Ну, думаю, не одни женихи платятся, а и вам, например, частое посещение этого семейства недешево обходится.

Вожеватов. Не разорюсь, Мокий Парменыч. Что ж делать! За удовольствия платить надо, они даром не достаются, а бывать у них в доме — большое удовольствие.

Кнуров. Действительно удовольствие — это вы правду говорите.

Вожеватов. А сами почти никогда не бываете.

Кнуров. Да неловко; много у них всякого сброду бывает; потом встречаются, кланяются, разговаривать лезут. Вот, например, Карандышев, — ну что за знакомство для меня!

Вожеватов. Да, у них в доме на базар похоже.

Кнуров. Ну, что хорошего! Тот лезет к Ларисе Дмитриевне с комплиментами, другой с нежностями, так и жужжат, не дают с ней слово сказать. Приятно с ней одной почаше видется, без помехи.

Вожеватов. Жениться надо.

Кнуров. Жениться! Не всякому можно, да не всякий и захочет; вот я, например, женатый.

Вожеватов. Так уж нечего делать. Хорош виноград, да зелен, Мокий Парменыч.

Кнуров. Вы думаете?

Вожеватов. Видимое дело. Не таких правил люди: мало ль случаев-то было, да вот не польстились, хоть за Карандышева, да замуж.

Кнуров. А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку.

Вожеватов. Да, не скучно будет, прогулка приятная. Какие у вас планы-то, Мокий Парменыч!

Кнуров. Да и у вас этих планов-то не было ли тоже?

Вожеватов. Где мне! Я простоват на такие дела. Смелости у меня с женщинами нет: воспитание, знаете, такое, уж очень нравственное, патриархальное получил.

Кнуров. Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость — великое дело. Да и денег не пожалеете; дешево пароход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле «Ласточки» обошлось бы?

Вожеватов. Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч. Я хоть молод, а не зарвусь, лишнего не передам.

К н у р о в . Не ручайтесь! Долго ли с вашими летами влюбиться; а уж тогда какие расчеты!

Вожеватов . Нет, как-то я, Мокий Парменыч, в себе этого совсем не замечаю.

К н у р о в . Чего?

Вожеватов . А вот, что любовью-то называют.

К н у р о в . Похвально, хорошим купцом будете. А все-таки вы с ней гораздо ближе, чем другие.

Вожеватов . Да в чем моя близость? Лишний стаканчик шампанского потихоньку от матери иногда налью, песенку выучу, романы вожу, которых девушкам читать не дают.

К н у р о в . Развращаете, значит, понемножку.

Вожеватов . Да мне что! Я ведь насильно не навязываю. Что ж мне об ее нравственности заботиться: я ей не опекун.

К н у р о в . Я все удивляюсь, неужели у Ларисы Дмитриевны, кроме Карандышева, совсем женихов не было?

Вожеватов . Были, да ведь она простовата.

К н у р о в . Как простовата? То есть глупа?

Вожеватов . Не глупа, а хитрости нет, не в матушку. У той все хитрость да лесь, а эта вдруг, ни с того ни с сего, и скажет, что не надо.

К н у р о в . То есть правду?

Вожеватов . Да, правду; а бесприданницам так нельзя. К кому расположена, нисколько этого не скрывает. Вот Сергей Сергеич Паратов в прошлом году появился, наглядеться на него не могла; а он месяца два поездил, женихов всех отбил, да и след его простыл, исчез, неизвестно куда.

К н у р о в . Что ж с ним случилось?

Вожеватов . Кто его знает; ведь он мудреный какой-то. А уж как она его любила, чуть не умерла с горя. Какая чувствительная! (Смеется.) Бросилась за ним догонять, уж мать со второй станции воротила.

К н у р о в . А после Паратова были женихи?

Вожеватов . Набегали двое: старик какой-то с подагрой да разбогатевший управляющий какого-то князя, вечно пьяный. Уж Ларисе и не до них, а любезничать надо было, маменька приказывает.

К н у р о в . Однако положение ее незавидное.

В о ж е в а т о в . Да, смешно даже. У ней иногда слезёнки на глазах, видно, поплакать задумала, а маменька улыбаться велит. Потом вдруг проявился этот кассир... Вот бросал деньгами-то, так и засыпал Хариту Игнатьевну. Отбил всех, да недолго покуражился: у них в доме его и арестовали. Скандалище здоровый! (Смеется.) С месяц Огудаловым куда глаз показать было нельзя. Тут уж Лариса наотрез матери объявила: «Довольно, — говорит, — с нас сраму-то: за первого пойду, кто посватается, богат ли, беден ли — разбирать не буду». А Карандышев и тут как тут с предложением.

К н у р о в . Откуда взялся этот Карандышев?

В о ж е в а т о в . Он давно у них в доме вертится, года три. Гнать не гнали, а и почету большого не было. Когда переमेжка случалась, никого из богатых женихов в виду не было, так и его придерживали, слегка приглашивали, чтоб не совсем пусто было в доме. А как, бывало, набежит какой-нибудь богатенький, так просто жалость было смотреть на Карандышева: и не говорят с ним, и не смотрят на него. А он-то, в углу сидя, разные роли разыгрывает, дикие взгляды бросает, отчаянным прикидывается. Раз застрелиться хотел, да не вышло ничего, только насмешил всех. А то вот потеха-то: был у них как-то, еще при Паратове, костюмированный вечер; так Карандышев оделся разбойником, взял в руки топор и бросал на всех зверские взгляды, особенно на Сергея Сергеича.

К н у р о в . И что же?

В о ж е в а т о в . Топор отняли и переодеться велели; а то, мол, пошел вон!

К н у р о в . Значит, он за постоянство награжден. Рад, я думаю.

В о ж е в а т о в . Еще как рад-то, сияет, как апельсин. Что смеху-то! Ведь он у нас чудак. Ему бы жениться поскорей да уехать в свое именишко, пока разговоры утихнут, — так и Огудаловым хотелось, — а он таскает Ларису на бульвар, ходит с ней под руку, голову так высоко поднял, что, того и гляди, наткнется на кого-нибудь. Да еще очки надел зачем-то, а никогда их не носил. Кланяется — едва кивает; тон какой взял: прежде и не слышать его было, а теперь все «я да я, я хочу, я желаю».

К н у р о в . Как мужик русский: мало радости, что пьян, надо поломаться, чтоб все видели; поломается, поколотят его раза два, ну, он и доволен, и идет спать.

Вожеватов. Да, кажется, и Карандышеву не миновать.

Кнуров. Бедная девушка! как она страдает, на него глядя, я думаю.

Вожеватов. Квартиру свою вздумал отделявать, — вот чудит-то. В кабинете ковер грошевый на стену прибил, кинжалов, пистолетов тульских навешал: уж диви бы охотник, а то и ружья-то никогда в руки не брал. Тащит к себе, показывает; надо хвалить, а то обидишь: человек самолюбивый, завистливый. Лошадь из деревни выписал, клячу какую-то разношерстную, кучер маленький, а кафтан на нем с большого. И возит на этом верблюде-то Ларису Дмитриевну; сидит так гордо, будто на тысячных рысках едет. С бульвара выходит, так кричит городовому: «Прикажи подавать мой экипаж!» Ну, и подъезжает этот экипаж с музыкой: все винты, все гайки дребезжат на разные голоса, а рессоры-то трепещутся, как живые.

Кнуров. Жаль бедную Ларису Дмитриевну! Жаль.

Вожеватов. Что вы очень жалостливы стали?

Кнуров. Да разве вы не видите, что эта женщина создана для роскоши? Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует.

Вожеватов. И хорошего ювелира.

Кнуров. Совершенную правду вы сказали. Ювелир — не простой мастеровой: он должен быть художником. В нищенской обстановке, да еще за дураком мужем, она или погибнет, или ополшится.

Вожеватов. А я так думаю, что бросит она его скорехонько. Теперь еще она, как убитая; а вот оправится да поглядит на мужа попристальнее, каков он... (Тихо.) Вот они, легки на помине-то.

Входят Карандышев, Огудалова, Лариса. Вожеватов встает и кланяется. Кнуров вынимает газету.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление восьмое

Паратов и Лариса.

Паратов. Не ожидали?

Лариса. Нет, теперь не ожидала. Я ждала вас долго, но уж давно перестала ждать.

П а р а т о в . Отчего же перестали ждать?

Л а р и с а . Не надеялась дожждаться. Вы скрылись так неожиданно, и ни одного письма...

П а р а т о в . Я не писал потому, что не мог сообщить вам ничего приятного.

Л а р и с а . Я так и думала.

П а р а т о в . И замуж выходите?

Л а р и с а . Да, замуж.

П а р а т о в . А позвольте вас спросить: долго вы меня ждали?

Л а р и с а . Зачем вам знать это?

П а р а т о в . Мне не для любопытства, Лариса Дмитриевна; меня интересуют чисто теоретические соображения. Мне хочется знать, скоро ли женщина забывает страстно любимого человека: на другой день после разлуки с ним, через неделю или через месяц... имел ли право Гамлет сказать матери, что она «башмаков еще не износила» и так далее.

Л а р и с а . На ваш вопрос я вам не отвечу, Сергей Сергеич; можете думать обо мне, что вам угодно.

П а р а т о в . Об вас я всегда буду думать с уважением; но женщины вообще, после вашего поступка, много теряют в глазах моих.

Л а р и с а . Да какой мой поступок? Вы ничего не знаете.

П а р а т о в . Эти «кроткие, нежные взгляды», этот сладкий любовный шопот, — когда каждое слово чередуется с глубоким вздохом, — эти клятвы... И все это через месяц повторяется другому, как выученный урок. О, женщины!

Л а р и с а . Что «женщины»?

П а р а т о в . Ничтожество вам имя!

Л а р и с а . Ах, как вы смеее так обижать меня? Разве вы знаете, что я после вас полюбила кого-нибудь? Вы уверены в этом?

П а р а т о в . Я не уверен, но полагаю.

Л а р и с а . Чтобы так жестоко упрекать, надо знать, а не полагать.

П а р а т о в . Вы выходите замуж?

Л а р и с а . Но что меня заставило... Если дома жить нельзя, если во время страшной, смертельной тоски заставляют любезничать, улыбаться, навязывают женихов, на которых без отвращения

нельзя смотреть, если в доме скандалы, если надо бежать и из дому и даже из городу?

П а р а т о в . Лариса, так вы?..

Л а р и с а . Что «я»? Ну, что вы хотели сказать?

П а р а т о в . Извините! Я виноват перед вами. Так вы не забыли меня, вы еще... меня любите?

Лариса молчит.

Ну, скажите, будьте откровенны!

Л а р и с а . Конечно, да. Нечего и спрашивать.

П а р а т о в (*нежно целует руку Ларисы*). Благодарю вас, благодарю.

Л а р и с а . Вам только и нужно было: вы — человек гордый.

П а р а т о в . Уступить вас я могу, я должен по обстоятельствам; но любовь вашу уступить было бы тяжело.

Л а р и с а . Неужели?

П а р а т о в . Если бы вы предпочли мне кого-нибудь, вы оскорбили бы меня глубоко, и я нелегко бы простил вам это.

Л а р и с а . А теперь?

П а р а т о в . А теперь я во всю жизнь сохраню самое приятное воспоминание о вас, и мы расстанемся, как лучшие друзья.

Л а р и с а . Значит, пусть женщина плачет, страдает, только бы любила вас?

П а р а т о в . Что делать, Лариса Дмитриевна! В любви равенства нет, это уж не мной заведено. В любви приходится иногда и плакать.

Л а р и с а . И непременно женщине?

П а р а т о в . Уж, разумеется, не мужчине.

Л а р и с а . Да почему?

П а р а т о в . Очень просто; потому что если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобрести ум человеческий.

Л а р и с а . Кабы любовь-то была равная с обеих сторон, так слез-то бы не было. Бывает это когда-нибудь?

П а р а т о в . Изредка случается. Только уж это какое-то кондитерское пирожное выходит, какое-то безз.

Л а р и с а . Сергей Сергеич, я сказала вам то, чего не должна была говорить; я надеюсь, что вы ж употребите во зло моей откровенности.

Паратов. Помилуйте, за кого же вы меня принимаете! Если женщина свободна, ну, тогда другой разговор... Я, Лариса Дмитриевна, человек с правилами, брак для меня дело священное. Я этого вольнодумства терпеть не могу. Позвольте узнать: ваш будущий супруг, конечно, обладает многими достоинствами?

Лариса. Нет, одним только.

Паратов. Немного.

Лариса. Зато дорогим.

Паратов. А именно?

Лариса. Он любит меня.

Паратов. Действительно дорогим; это для домашнего обихода очень хорошо.

Входят Огудалова и Карандышев.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление шестое

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Вожеватов. А, милорд! Что во сне видел?

Робинзон. Богатых дураков; то же, что и наяву вижу.

Вожеватов. Ну, как же ты, бедный умник, здесь время проводишь?

Робинзон. Превосходно. Живу в свое удовольствие и при том в долг, на твой счет. Что может быть лучше!

Вожеватов. Позавидуешь тебе. И долго ты намерен наслаждаться такой приятной жизнью?

Робинзон. Да ты чудак, я вижу. Ты подумай: какой же мне расчет отказываться от таких прелестей!

Вожеватов. Что-то я кг помню: как будто я тебе открытого листа не давал?

Робинзон. Так ты в Париж обещал со мной ехать — разве это не все равно?

Вожеватов. Нет, не все равно! Что я обещал, то исполню; для меня слово — закон, что сказано, то свято. Ты спроси: обманывал ли я кого-нибудь?

Робинзон. А куда ты собираешься в Париж, не воздухом же мне питаться?

Вожеватов. Об этом уговору не было. В Париж хоть сейчас.

Робинзон. Теперь поздно; поедем, Вася, завтра.

Вожеватов. Ну, завтра, так завтра. Послушай, вот что: поезжай лучше ты один, я тебе прогоны выдам взад и вперед.

Робинзон. Как один? Я дороги не найду.

Вожеватов. Довезут.

Робинзон. Послушай, Вася, я по-французски не совсем свободно... Хочу выучиться, да все времени нет.

Вожеватов. Да зачем тебе французский язык?

Робинзон. Как же, в Париже да по-французски не говорить?

Вожеватов. Да и не надо совсем, и никто там не говорит по-французски.

Робинзон. Столица Франции, да чтоб там по-французски не говорили! Что ты меня за дурака, что ли, считаешь?

Вожеватов. Да какая столица! Что ты, в уме ли? О каком Париже ты думаешь? Трактир у нас на площади есть «Париж», вот я куда хотел с тобой ехать.

Робинзон. Браво, браво!

Вожеватов. А ты полагал, в настоящий? Хоть бы ты немножко подумал. А еще умным человеком считаешь себя! Ну, зачем я тебя туда возьму, с какой стати? Клетку, что ли, сделать да показывать тебя?

Робинзон. Хорошей ты школы, Вася, хорошей; серьезный из тебя негодник выйдет.

Вожеватов. Да ничего; я стороной слышал, одобряют.

Кнуров. Василий Данилыч, оставьте его! Мне нужно вам сказать кой-что.

Вожеватов (*подходя*). Что вам угодно?

Кнуров. Я все думал о Ларисе Дмитриевне. Мне кажется, она теперь находится в таком положении, что нам, близким людям, не только позволительно, но мы даже обязаны принять участие в ее судьбе.

Робинзон прислушивается.

Вожеватов. То есть вы хотите сказать, что теперь представляется удобный случай взять ее с собой в Париж?

Кнуров. Да, пожалуй, если угодно: это одно и то же.

Вожеватов. Так за чем же дело стало? Кто мешает?

Кнуров. Вы мне мешаете, а я вам. Может быть, вы не боитесь соперничества? Я тоже не очень опасаясь; а все-таки неловко, беспокойно; гораздо лучше, когда поле чисто.

Вожеватов. Отступного я не возьму, Мокий Парменыч.

Кнуров. Зачем отступное? Можно иначе как-нибудь.

Вожеватов. Да вот, лучше всего. *(Вынимает из кармана монету и кладет под руку.)* Орел или решетка?

Кнуров *(в раздумье)*. Если скажу: орел, так проиграю; орел, конечно, вы. *(Решительно.)* Решетка.

Вожеватов *(поднимая руку)*. Ваше. Значит, мне одному в Париж ехать. Я не в убытке; расходов меньше.

Кнуров. Только, Василий Данилыч, давши слово, держись; а не давши, крепись! Вы купец, вы должны понимать, что значит слово.

Вожеватов. Вы меня обижаете. Я сам знаю, что такое купеческое слово. Ведь я с вами дело имею, а не с Робинзоном.

Кнуров. Вон Сергей Сергеич идет с Ларисой Дмитриевной! Войдите в кофейную, не будем им мешать.

Кнуров и Вожеватов уходят в кофейную. Входят Паратов и Лариса.

Явление седьмое

Паратов, Лариса и Робинзон.

Лариса. Ах, как я устала. Я теряю силы, я насилу взошла на гору. *(Садится в глубине сцены на скамейку у решетки.)*

Паратов. А, Робинзон! Ну, что ж ты, скоро в Париж едешь?

Робинзон. С кем это? С тобой, ля-Серж, куда хочешь, а уж с купцом я не поеду. Нет, с купцами кончено.

Паратов. Что так?

Робинзон. Невежи!

Паратов. Будто? Давно ли ты догадался?

Робинзон. Всегда знал. Я всегда за дворян.

Паратов. Это делает тебе честь, Робинзон. Но ты не по времени горд. Применяйся к обстоятельствам, бедный друг мой! Время просвещенных покровителей, время меценатов прошло; теперь

торжество буржуазии, теперь искусство на вес золота ценится, в полном смысле наступает золотой век. Но, уж не взыщи, подчас и ваксой напоят, и в бочке с горы, для собственного удовольствия, прокатят — на какого Медичиса нападешь. Не отлучайся, ты мне будешь нужен!

Робинзон. Для тебя в огонь и в воду. *(Уходит в кофейную.)*

Паратов *(Ларисе)*. Позвольте теперь поблагодарить вас за удовольствие — нет, этого мало, — за счастье, которое вы нам доставили.

Лариса. Нет, нет, Сергей Сергеич, вы мне фраз не говорите! Вы мне скажите только: что я — жена ваша или нет?

Паратов. Прежде всего, Лариса Дмитриевна, вам нужно ехать домой. Поговорить обстоятельно мы еще успеем завтра.

Лариса. Я не поеду домой.

Паратов. Но и здесь оставаться вам нельзя. Прокатиться с нами по Волге днем — это еще можно допустить; но кутить всю ночь в трактире, в центре города, с людьми, известными дурным поведением! Какую пищу вы дадите для разговоров.

Лариса. Что мне за дело до разговоров! С вами я могу быть везде. Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой.

Паратов. Вы поедете на моих лошадях — разве это не все равно?

Лариса. Нет, не все равно. Вы меня увезли от жениха, маменька видела, как мы уехали — она не будет беспокоиться, как бы поздно мы ни возвратились... Она покойна, она уверена в вас, она только будет ждать нас, ждать... чтоб благословить. Я должна или приехать с вами, или совсем не являться домой.

Паратов. Что такое? Что значит: «совсем не являться»? Куда деться вам?

Лариса. Для несчастных людей много простора в божьем мире: вот сад, вот Волга. Здесь на каждом сучке удавиться можно, на Волге — выбирай любое место. Везде утопиться легко, если есть желание да сил достанет.

Паратов. Какая экзальтация! Вам можно жить и должно. Кто откажет вам в любви, в уважении! Да тот же ваш жених: он будет радехонек, если вы опять его приласкаете.

Лариса. Что вы говорите! Я мужа своего если уж не любить, так хоть уважать должна; а как я могу уважать человека, который равнодушно сносит насмешки и всевозможные оскорбления! Это дело кончено: он для меня не существует. У меня один жених: это вы.

Паратов. Извините, не обижайтесь на мои слова! Но едва ли вы имеете право быть так требовательными ко мне.

Лариса. Что вы говорите! Разве вы забыли? Так я вам опять повторю все с начала. Я год страдала, год не могла забыть вас, жизнь стала для меня пуста; я решилась, наконец, выйти замуж за Карандышева, чуть не за первого встречного. Я думала, что семейные обязанности наполнят мою жизнь и помирят меня с ней. Явились вы и говорите: «Брось все, я твой». Разве это не право? Я думала, что ваше слово искренне, что я его выстрадала.

Паратов. Все это прекрасно, и обо всем мы с вами потолкуем завтра.

Лариса. Нет, сегодня, сейчас.

Паратов. Вы требуете?

Лариса. Требую.

В дверях кофейной видны Кнуров и Вожеватов.

Паратов. Извольте. Послушайте, Лариса Дмитриевна! Вы допускаете мгновенное увлечение?

Лариса. Допускаю. Я сама способна увлечься.

Паратов. Нет, я не так выразился; допускаете ли вы, что человек, скованный по рукам и по ногам неразрывными цепями, может так увлечься, что забудет все на свете, забудет и гнетущую его действительность, забудет и свои цепи?

Лариса. Ну, что же! И хорошо, что он забудет.

Паратов. Это душевное состояние очень хорошо, я с вами не спорю; но оно непродолжительно. Угар страстного увлечения скоро проходит, остаются цепи и здравый рассудок, который говорит, что этих цепей разорвать нельзя, что они неразрывны.

Лариса (*задумчиво*). Неразрывные цепи! (*Быстро*.) Вы женаты?

Паратов. Нет.

Лариса. А всякие другие цепи — не помеха! Будем носить их вместе, я разделю с вами эту ношу, большую половину тяжести я возьму на себя.

Паратов. Я обручен.

Лариса. Ах!

Паратов (*показывая обручальное кольцо*). Вот золотые цепи, которыми я окован на всю жизнь.

Лариса. Что же вы молчали? Безбожно, безбожно! (*Садится на стул.*)

Паратов. Разве я в состоянии был помнить что-нибудь! Я видел вас, и ничего более для меня не существовала.

Лариса. Поглядите на меня!

Паратов смотрит на нее.

«В глазах, как на кебе, светло...» Ха, ха, ха! (*Истерически смеется.*) Подите от меня! Довольно! Я уж сама об себе подумаю. (*Опирает голову на руку.*)

Кнуров, Вожеватов и Робинзон выходят на крыльцо кофейной.

Явление восьмое

Паратов, Лариса, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Паратов (*подходя к кофейной*). Робинзон, поди сыщи мою коляску! Она тут у бульвара. Ты свезешь Ларису Дмитриевну домой.

Робинзон. Ля-Серж! Он тут, он ходит с пистолетом.

Паратов. Кто «он»?

Робинзон. Карандышев.

Паратов. Так что ж мне за дело!

Робинзон. Он меня убьет.

Паратов. Ну, вот, велика важность! Исполни, что приказывают! Без рассуждений! Я этого не люблю, Робинзон.

Робинзон. Я тебе говорю: как он увидит меня с ней вместе, он меня убьет.

Паратов. Убьет он тебя или нет — это еще неизвестно; а вот если ты не исполнишь сейчас же того, что я тебе приказываю, так я тебя убью уж наверное. (*Уходит в кофейную.*)

Робинзон (*грозя кулаком*). О, варвары, о, разбойники! Ну, попал я в компанию! (*Уходит.*)

Вожеватов подходит к Ларисе.

Лариса (*взглянув на Вожеватова*). Вася, я погибаю!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, голубушка моя! Что делать-то? Ничего не поделаешь.

Лариса. Вася, мы с тобой с детства знакомы, почти родные; что мне делать — научи!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, уважаю я вас и рад бы... я ничего не могу. Верьте моему слову!

Лариса. Да я ничего и не требую от тебя; я прошу только пожалеть меня. Ну, хоть поплачь со мной вместе!

Вожеватов. Не могу, ничего не могу.

Лариса. И у тебя тоже цепи?

Вожеватов. Кандалы, Лариса Дмитриевна.

Лариса. Какие?

Вожеватов. Честное купеческое слово. (*Отходит в кофейную.*)

Кнуров (*подходит к Ларисе*). Лариса Дмитриевна, послушайте меня и не обижайтесь! У меня и в помыслении нет вас обидеть. Я только желаю вам добра и счастья, чего вы вполне заслуживаете. Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку?

Лариса отрицательно качает головой.

И полное обеспечение на всю жизнь?

Лариса молчит.

Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления.

Лариса поворачивает голову в другую сторону.

Я бы ни на одну минуту не задумался предложить вам руку, но я женат.

Лариса молчит.

Вы расстроены, я не смею торопить вас ответом. Подумайте! Если вам будет угодно благосклонно принять мое предложение, известите меня, и с той минуты я сделаюсь вашим самым преданным слугой и самым точным исполнителем всех ваших желаний и даже капризов, как бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможного мало. (*Почтительно кланяется и уходит в кофейную.*)

Явление девятое

Лариса одна.

Лариса. Я давеча смотрела вниз через решетку, у меня закружилась голова, и я чуть не упала. А если упасть, так, говорят...

верная смерть. *(Подумав.)* Вот хорошо бы броситься! Нет, зачем бросаться!.. Стоять у решетки и смотреть вниз, закружится голова и упадешь... Да, это лучше... в беспамятстве, ни боли... ничего не будешь чувствовать! *(Подходит к решетке и смотрит вниз. Нагибается, крепко хватается за решетку, потом с ужасом отбегает.)* Ой, ой! Как страшно! *(Чуть не падает, хватается за беседку.)* Какое головокружение! Я падаю, падаю, ай! *(Садится у стола подле беседки.)* Ох, нет... *(Сквозь слезы.)* Расставаться с жизнью совсем не так просто, как я думала. Вот и нет сил! Вот я какая несчастная! А ведь есть люди, для которых это легко. Видно, уж тем совсем жить нельзя; их ничто не прельщает, им ничто не мило, ничего не жалко. Ах, что я!.. Да ведь и мне ничто не мило, и мне жить нельзя, и мне жить незачем! Что ж я не решаюсь? Что меня держит над этой пропастью? Что мешает? *(Задумывается.)* Ах, нет, нет... Не Кнуров... роскошь, блеск... нет, нет... я далека от суеты... *(Вздвигнув.)* Разврат... ох, нет... Просто решимости не имею. Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня убил кто-нибудь... Как хорошо умереть... пока еще упрекнуть себя не в чем. Или захворать и умереть... Да я, кажется, захвораю. Как дурно мне!.. Хворать долго, успокоиться, со всем примириться, всем простить и умереть... Ах, как дурно, как кружится голова. *(Подпирает голову рукой и сидит в забытьи.)*

Входят Робинзон и Карандышев.

Явление десятое

Лариса, Робинзон и Карандышев.

Карандышев. Вы говорите, что вам велено отвезти ее домой?

Робинзон. Да-с, велено.

Карандышев. И вы говорили, что они оскорбили ее?

Робинзон. Уж чего еще хуже, чего обиднее!

Карандышев. Она сама виновата: ее поступок заслуживал наказания. Я ей говорил, что это за люди; наконец она сама могла, сама имела время заметить разницу между мной и ими. Да, она виновата, но судить ее, кроме меня, никто не имеет права, а тем более

оскорблять. Это уж мое дело: прощу я ее или нет; но защитником ее я обязан явиться. У ней нет ни братьев, ни близких; один я, только один я обязан вступить за нее и наказать оскорбителей. Где она?

Робинзон. Она здесь была. Вот она!

Карандышев. При нашем объяснении посторонних не должно быть; вы будете лишний. Оставьте нас!

Робинзон. С величайшим удовольствием. Я скажу, что вам сдал Ларису Дмитриевну. Честь имею кланяться! (*Уходит в кофейную.*)

Карандышев подходит к столу и садится против Ларисы.

Явление одиннадцатое

Лариса и Карандышев.

Лариса (*поднимая голову*). Как вы мне противны, кабы вы знали! Зачем вы здесь?

Карандышев. Где же быть мне?

Лариса. Не знаю. Где хотите, только не там, где я.

Карандышев. Вы ошибаетесь, я всегда должен быть при вас, чтобы оберегать вас. И теперь я здесь, чтобы отмстить за ваше оскорбление.

Лариса. Для меня самое тяжкое оскорбление — это ваше покровительство; ни от кого и никаких других оскорблений мне не было.

Карандышев. Уж вы слишком невзыскательны. Кнуров и Вожеватов мечут жеребий, кому вы достанетесь, играют в орлянку — и это не оскорбление? Хороши ваши приятели! Какое уважение к вам! Они не смотрят на вас, как на женщину, как на человека, — человек сам располагает своей судьбой; они смотрят на вас, как на вещь. Ну, если вы вещь, — это другое дело. Вещь, конечно, принадлежит тому, кто ее выиграл, вещь и обижаться не может.

Лариса (*глубоко оскорбленная*). Вещь... да, вещь! Они правы, я вещь, а не человек. Я сейчас убедилась в том, я испытала себя... я вещь! (*С горячностью.*) Наконец слово для меня найдено, вы нашли его. Уходите! Прошу вас, оставьте меня!

Карандышев. Оставить вас? Как я вас оставлю, на кого я вас оставлю?

Лариса. Всякая вещь должна иметь хозяина, я пойду к хозяину.

Карандышев (с жаром). Я беру вас, я ваш хозяин. *(Хватает ее за руку.)*

Лариса *(оттолкнув его)*. О, нет! Каждой вещи своя цена есть... Ха, ха, ха... я слишком, слишком дорога для вас.

Карандышев. Что вы говорите! мог ли я ожидать от вас таких бесстыдных слов?

Лариса *(со слезами)*. Уж если быть вещью, так одно утешение — быть дорогой, очень дорогой. Сослужите мне последнюю службу: подите пошлите ко мне Кнурова.

Карандышев. Что вы, что вы, опомнитесь!

Лариса. Ну, так я сама пойду.

Карандышев. Лариса Дмитриевна! Остановитесь! Я вас прощаю, я все прощаю.

Лариса *(с горькой улыбкой)*. Вы мне прощаете? Благодарю вас. Только я-то себе не прощаю, что вздумала связать судьбу свою с таким ничтожеством, как вы.

Карандышев. Уедемте, уедемте сейчас из этого города, я на все согласен.

Лариса. Поздно. Я вас просила взять меня поскорей из цыганского табора, вы не умели этого сделать; видно, мне жить и умереть в цыганском таборе.

Карандышев. Ну, я вас умоляю, осчастливьте меня.

Лариса. Поздно. Уж теперь у меня перед глазами заблестело золото, засверкали бриллианты.

Карандышев. Я готов на всякую жертву, готов терпеть всякое унижение для вас.

Лариса *(с отвращением)*. Подите, вы слишком мелки, слишком ничтожны для меня.

Карандышев. Скажите же: чем мне заслужить любовь вашу? *(Падает на колени.)* Я вас люблю, люблю.

Лариса. Лжете. Я любви искала и не нашла. На меня смотрели и смотрят, как на забаву. Никогда никто не постарался заглянуть ко мне в душу, ни от кого я не видела сочувствия, не слыхала теплого, сердечного слова. А ведь так жить холодно. Я не виновата, я искала

любви и не нашла... ее нет на свете... нечего и искать. Я не нашла любви, так буду искать золота. Подите, я вашей быть не могу.

К а р а н д ы ш е в (вставая). О, не раскайтесь! (Кладет руку за борт сюртука.) Вы должны быть моей.

Л а р и с а . Чьей ни быть, но не вашей.

К а р а н д ы ш е в (запальчиво). Не моей?

Лариса. Никогда!

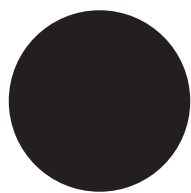
Карандышев. Так не доставайся ж ты никому! (Стреляет в нее из пистолета.)

Лариса (хватаясь за грудь). Ах! Благодарю вас! (Опускается на стул.)

Карандышев. Что я, что я... ах, безумный! (Роняет пистолет.)

Лариса (нежно). Милый мой, какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда, на стол! Это я сама... сама. Ах, какое благодеяние... (Поднимает пистолет и кладет на стол.)

Из кофейной выходят Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило и Иван.

СРЦЕТО НЕ Е КАМЕН

ПРЕВОД: АНА ТОДОРОВА

ВОВЕД

„Срцето не е камен“ (*Сердце не камень*) е пиеса во четири чина која спаѓа во подоцнежното творештво на Островски, напишана во 1879 година, а објавена и премиерно изведена во 1880 г. во Александринскиот театар.

Главното дејство во драмата е сосредоточено околу пишувањето тестамент на трговецот Каркунов и алчноста на сите луѓе околу него кои се обидуваат да добијат дел од неговото наследство. Тој пред своето семејство чита тестамент во кој целиот свој имот и парите ги остава на жена си, но паралелно има друг тестамент во кој наследството им го предава на сиромашните. На овој чин Каркунов се решава бидејќи се кае за начинот на кој си го одживеал животот и смета дека вака ќе се избави од своите гревови, но знае дека со ова би ја навредил жена си, која би останала без ништо.

Кога слушаат за неговиот тестамент, внукот на Каркунов и неговиот службеник кројат подол план за наследството на Каркунов да не припадне на жена му, туку на нив самите. Нивниот план се состои во тоа да ја заведат жена му, со што маж ѝ не би ѝ го препишал наследството нејзе, туку на своите роднини. Но, жена му останува лојална, Каркунов дознава за итриот план и сепак навистина ѝ го препишува наследството на жена си.

По големите општествени реформи во 1860-тите години во Руската Империја, Островски го префрлил фокусот во своите драми од ликови кои изразуваат политички мислења спротивставени на воспоставениот систем во тој период кон ликови со променливи мислења, самокритични, често разочарани од сопствените идеали. Таков пример е и главниот лик на оваа претстава, Каркунов, кој жали за своите поранешни постапки и се обидува да надомести за нив, но сепак го менува своето мислење низ драмското дејство.

Во ова дело, Островски ја разгледува и позицијата која ја заземала жената во руското општество во неговото време – тема која ја разработува и во многу други негови пиеси. Драмскиот автор поставува и прашања во врска со поврзаноста помеѓу парите и среќата на луѓето. Тој го претставува богатството на новата тргов-

ска класа како нешто што ги огорчува луѓето и ги прави себични, заведувајќи ги од моралниот пат.

Островски е познат во канонската руска литература по неговото вешто користење на рускиот јазик во дијалогот на ликовите, со употреба на многу дијалекти и јазични особености карактеристични за различните слоеви на општеството. Во периодот кога е напишана оваа пиеса, рускиот народ се изразува повоздржано од грубите руски трговци кои живееле пред нив, поради што делото е полно со иронични фрази карактеристични за овој период. Пиесите на Островски не се само прикази на измислени семејни контексти и ситуации, туку се сметаат за прозорци кон секојдневниот руски живот.

Фрагментот од драмскиот текст кој го преведов во рамките на проектот „Островски: 200 години“ е дел од првиот чин, односно од сцената на пристигнувањето на гостите кај Каркунов и разговорите кои се водат помеѓу двете одделни групи: жените разговараат за своите сопрузи и начинот на кој тие влијаат врз нивните животи, додека мажите разговараат за тестаментот. Овој фрагмент ќе ве воведе во нивниот дом, во мислите и чувствата на ликовите. Преку следните неколку драмски слики ќе можете да ја забележите родовата поделба и распределбата на улогите во рускиот семеен живот во втората половина на деветнаесеттиот век.

СРЦЕТО НЕ Е КАМЕН

– извадок –

ПРВ ЧИН

Втора сцена

Вера Филиповна, Аполинарија Панфиловна, Олга и Огуревна.

Вера Филиповна. Здраво Оленка!

Аполинарија Панфиловна. Здраво, Оленка!

Вера Филиповна. Седнете, ве молам, драги гости!

Огуревна. Вера Филиповна, драга, сакате да го послужам чајот тука или самите ќе седнете кај самоварот?

Вера Филиповна. Готов ли ти е веќе?

Огуревна. За минутка ќе зоврие, веќе засвири.

Аполинарија Панфиловна. А ти не му давај многу да свири, оти самоварот знае да се буни повеќе и од домаќинот, ќе засвири така, што нема да можеш ни да го сопреш.

Вера Филиповна. Сега ќе дојдеме, Огуревна.

Огуревна излегува.

Јас ќе почекам да излезе самиот.

Аполинарија Панфиловна. Што ви е, Вера Филиповна, како да сте од Тележната улица, мажот си го викате „сам“!

Олга. Тета е секогаш таква.

Вера Филиповна. Јас и Потап Потапич не сме модерни луѓе, малку старински се придржуваме. А не е ли сеедно? Како и да го наречеш – маж, домаќин, сам – пак е тој главен во домот.

Аполинарија Панфиловна. Па не, има разлика. „Домаќин“ – тоа е веќе сосема ниско, кај нас жената на кочијашот си го вика мажот „домаќин“; а и „сам“ – само оние што уште се шетаат со марамии.

Олга. А кој во ова време се шета со марамии! Сите, па и продавачките, одамна почнаа да носат шапки.

Аполинарија Панфиловна. Трговските жени денес се држат високо, ох, колку високо, во ништо не сакаат да бидат зад туѓинките... однадвор, де.

Вера Филиповна. Сум чула и јас, од луѓе што зборуваат, нормална работа. Луѓе гледаат едни од други, земаат едни од дру-

ги. Само јас петнаесет години божја светлина немам видено, така што немам од ни кого да земам. Што ли се замуабетија Потап Потапич и Исај Данилич!

Аполинарија Панфиловна. Изгледа, работа имаат. Зарем не слушнавте?

Вера Филиповна. Ништо не сум слушнала.

Олга. Џабе криете од нас, тето, ние и самите добро знаеме.

Аполинарија Панфиловна. Мене Исај Данилич ми кажа.

Вера Филиповна. А мене Потап Потапич ништо не ми кажал.

Аполинарија Панфиловна. Наградата си е според заслугите.

Олга. Зошто да не се награди ако некој нешто вреди. Секој е слободен во својата добрина, ама и другите не треба да ги навредува човек.

Вера Филиповна. Зошто да навредува, Бог да чува! Само јас не знам за каква награда зборувате.

Аполинарија Панфиловна. Тестамент пишуваат, Вера Филиповна, тестамент.

Вера Филиповна (*исплашено*). Тестамент? Каков тестамент, зошто? Потап Потапич не се жали на здравјето. Тој, ми се чини... фала Богу...

Аполинарија Панфиловна. Претпазливоста не пречи, во животот и во смртта Бог е слободен. Ете, ако бидне нешто наеднаш... Значи, треба да размислиш однапред и да го успокоиш тој што го сакаш. Што се вели, еве, да не се сомневате, сè ви оставам, сета среќа, сите задоволства.

Олга. Тето, зарем не го очекувавте тоа?

Вера Филиповна. Не го очекував, а и никогаш не сум си помислила.

Аполинарија Панфиловна. Како не сте помислиле! Зарем нема да ви е драго богатство?

Вера Филиповна. Не, многу ми е драго.

Аполинарија Панфиловна. Па, како да не ти е драго!

Вера Филиповна. Јас многу им помагам на сиромашните, често не ми стигнува, а страв ми е да побарам од Потап Потапич. А кога би била богата, би ми било рај, а не живот.

Влегува Огуревна.

Огуревна. Јас, драга, за мармаладот да прашам.

Вера Филиповна. Сега ќе дојдам.

Огуревна излегува.

Извинете, драги гости! (*Излегува.*)

Олга. „За сиромашните“! Измислува тука! Па, и ние не сме богати.

Аполинарија Панфиловна. Треба да ѝ се каже нешто!

Влегува Вера Филиповна.

Велите дека не сте размислувале за богатство? Па, кој ќе поверува во тоа! Не се земавте со старецот без пресметка во главата. Ќе живеете во сиромаштија...

Вера Филиповна. Јас не се ни правдам, не сум светица. Па многу ли девојки кај нас, меѓу трговците, се венчаваат од љубов? Сè повеќе по некаква пресметка, па дури и не по своја, туку како што ќе кажат родителите. Тие ќе размислат, ќе пресметаат, ќе решат – и толку. Мајка ми цело цреме се јадосуваше што ќе биде со мене во нашата сиромаштија. Нормално, кога ме побара за жена Потап Потапич, со двете раце се прекрсти. Зарем можев да не ја послушам мајка ми, да не ја утешам?

Аполинарија Панфиловна. Ја послушавте мајка ви и се заљубивте во богат старец.

Олга. Како да не се заљубиш во богат човек! Јас и сега би...

Вера Филиповна. Богатиот е потешко да го засакаш. За што ќе го сакам! Него и така му е добар животот. Сиромашниот побргу ќе го засакаш. „Ова нема, она нема“, ќе си речеш, ќе се сожалиш и ќе го засакаш.

Аполинарија Панфиловна. Браво за мајка ти, веројатно и ние не би биле против да се земеме со Потап Потапич. Секој сака да живее подобро, особено тој што видел сиромаштија.

Вера Филиповна. „Подобро да живее“. Па живеел ли јас, прашајте се! Нема што да му завидиш на мојот живот. Петнаесет години светлина не сум видела, само во црква што ќе појдам. Не, грешам, првата зима откако се омажив требаше да појдеме во театар.

Аполинарија Панфиловна. Што, не стигнавте ли?

Вера Филиповна. Не, уште полошо.

Аполинарија Панфиловна. Посмешно?

Вера Филиповна. За кого како. Само што седнав во ложата, некој од седиштата ме погледна низ двоглед. Потап Потапич кога избувна: „Гледај го“, ми вели, „како се засверил, како да не видел! Собирај се да си одиме!“ Така и си отидовме пред да почне претставата. И ете, оттогаш веќе петнаесет години си седам дома. За театри, за прошетки и збор не станува...

Олга. Како така, тето, вистина ли? Ни во Сокољници, ни во парк, ни во Ермитаж?...

Вера Филиповна. Какви Сокољници, каков Ермитаж! Јас не ни знам што е тоа.

Олга. Аман, тето.

Аполинарија Панфиловна. Да, денес веќе нема многу такви антиквитети, за Сокољници да не знаат.

Вера Филиповна. Така е, што да кажам. На почетокот беше горко и навредливо, до смртна мака ме донесе тоа што седев под клуч, а потоа, фала Богу, ми помина, се приврзав кон сиромашните. Толку долго седев дома, што и самата почнав да се плашам од мислата да појдам на прошетка. Се простив со театрите и прошетките. Велат дека таму има многу соблазни. Ама не е сè на белиов свет лошо, има и по нешто добро, а јас ни тоа го немам видено, ништо не знам. За мене Москва е како шума – да ме пуштиш сама, ќе се загувам околу нашата кука. Добро го знам патот само до црквата и до бањата. И сега кога ќе излезам, како мало дете сум, се восхитувам на куќи и цркви, сè ми е ново.

Олга. А сте излегувале ли некаде?

Вера Филиповна. Моето излегување, мила, беше околу два-три пати годишно по продавници за облека, а и тогаш самиот секогаш одеше со мене. Шивачка и чевлар ми доаѓаат дома. Ќе ми притреба крзно – следното утро, уште не сум разбудена, а во салата по целиот под послале крзна, бирај какво сакаш. Ќе посакам шапка, цела кочија ми носат. За скапоцености па да не почнувам – Потап Потапич речиси секоја недела носи те обетки, те прстен, те брош. Немам каде да ги носам, ама сепак сум зафатена: ќе станам наутро, ќе средам и ќе разгледам сè – и времето незабележливо ќе летне.

Аполинарија Панфиловна. Си седите дома со Потап Потапич и се восхитувате еден на друг, па тоа е убава работа!

Вера Филиповна. Ни тоа не сме правеле. Дури сега, кога му попусти здравјето на Потап Потапич, знае некој ден дома да отседи, а претходно во работен ден јас не го гледав. Од град во крчма или во клуб, и чекај го до три часот изутрина. Претходно го чекав, се грижев, а потоа престанав и да го чекам, не можев да спијам така... како да спијам! А на празници: од вечерна молитва на вечера, па ќе одмори околу три часа, ќе се разбуди, чај ќе се напие: „Досадно е“, ми вели, „со тебе. Ќе одам карти да играм“. И го нема до сабајле. И така си седам сама. Од нашиот прозор, преку градината, се гледа речиси цела Москва, седам и наутро и навечер, и дење и ноќе, гледам, слушам. А низ Москва шум се шири, некаква бучава, тропат тркала – си мислиш: ете, живеат луѓе, нешто прават, штом доаѓа таква бучава од Москва.

Аполинарија Панфиловна. Се бранува морето на животот.

Вера Филиповна. Мислев да посвојам дете, сираче, да не ми биде толку здодевно. Потап Потапич не дава.

Аполинарија Панфиловна. Земи сираче, повесело ќе биде.

Вера Филиповна. Само да не биде ептен мало, да не е доенче.

Аполинарија Панфиловна. Не, оти? Околу дваесет и пет години, кадраво некое. Да ти стане досадата пријатна.

Вера Филиповна. Ах, што зборувате, како не ви е срам! Не се шегувам, ќе побудалев за малце. Како тогаш не полудев – да се чуди човек.

Аполинарија Панфиловна. Старците се секогаш љубоморни.

Вера Филиповна. За што ќе ми љубомориш мене! Петнаесет години не сум погледнала друг маж. Со друго нема да се пофалам, ама овој грев не ми тежи, чиста ми е душата.

Аполинарија Панфиловна. Не зборувајте така! Немало искушенија, затоа немало ни гревови. Силен е нечестивиот, не можеш да си сигурен во себе.

Олга. Вистина е, тето. Вие навечер не одите по балови, а да видите само какви мажи има таму. Паметни, вешти, образовани, а не...

Аполинарија Панфиловна. „Ане како нашите“. ех, Оленка! Паметно девојче! Сепак, вистината ја кажува: додека не видиш други луѓе, твоите ти се чинат добри; а кога ќе ги споредиш, своето не сакаш ни да го погледнеш.

Вера Филиповна. Што зборувате, што зборувате! Каков грев!

Олга. Па, не сме слепи, тето. Секако, наша обврска е да си го сакаме мажот, и ја исполнуваме. Но, очите и ни се дадени за да различиме некој невоспитан и глупав од образован човек.

Аполинарија Панфиловна. Не сте виделе вие вистински мажи, затоа ви е лесно да зборувате. И првиот човек не го одминал гревот, ни последниот нема да го одмине. Гревот е сладок, а човекот е лаком.

Вера Филиповна. Па, и фала Богу што од младост немав искушенија, а сега веќе од ништо не се плашам, моето време помина.

Аполинарија Панфиловна. Колку години имате! Јас сум близу до педесет, па за себеси не гарантирам.

Олга. Јас, ми се чини, до седумдесет години ќе се заљубувам. Инаку и нема за што да се живее, нема смисла! А вака наеднаш ти е топло на душата. Оти инаку каков е нашиот живот? Пиј, јади, спиј!

Аполинарија Панфиловна. Јас исто не сакам да седам без занимација. Се разбира, не љубов – каде љубов на овие години! Иако не се зарекувам. А за да си имам занимација, или одам стројница, или кога млада жена ќе се залетка, ќе ја поучиш како да се извлече од несреќа, како да му го сврти погледот на мажот.

Олга. Па што, тето, така е, ние зарем не сме луѓе! Видете што прават мажите, каква привилегија си даваат! Тие да не се плашат, или да не се среамат од нешто? Што и да им падне на ум, сè ќе направат. А од нас бараат не само да се придржуваме кон законот, туку и во душата да немаме порочни мисли. Како смеат тие, при таквиот нивен безобразен живот, да бараат нешто од нас! Да земе некој таков маж и најдобра и најблагородна девојка, таа за три дена ќе го плукне и ќе си го фати патот под нозе.

Аполинарија Панфиловна. Неодамна се омажи, а како разговараш! Брзо го сфати животот.

Олга. Ќе го сфатиш, како да не го сфатиш. Кога се мажев, бев како гулаб, а маж ми за недела ме однесе по кафани да слушам како свират други жени, ги седнуваше на иста маса со мене, ги прегрнуваше, а од тоа што го зборуваа ми ја се креваше косата!

Вера Филиповна. Јас вакви зборови првпат слушам.

Аполинарија Панфиловна. Доста веќе бегате од луѓе. Многу сте се вообразиле. Доаѓајте си кај нас кога сакате или мене канете ме кај вас почесто, мене никакви посебни јадења и пиенија не ми требаат, чај само да има и шише мадера – толку е доволно.

Вера Филиповна. Не, што барам јас по гости! Ептен се запустив, тешко ми е дури и да гледам луѓе. Еднаш во годината ќе излезеш, ќе поседиш саат на гости и ќе ти здодее, те влече дома.

Олга. Сега не е старото време, не живејте заклучени. Почнете да излегувате по малку, да се навикнувате на луѓе.

Вера Филиповна. Нема голема разлика – порано живеев заклучена, а сега сама се заседнав дома. Единственото задоволство ми е што почнав да одам по манастири: во Симонов, во Новоспаски, во Андронјев.

Аполинарија Панфиловна. Рано сте се зафатиле со поклоненија.

Вера Филиповна. И многу е добро таму – кога има мал празник, нема многу народ. Толку е тивко, широко, убаво пеат. Ќе излезеш преку оградата, ќе поодиш по булеварчето, ќе ја погледаш Москва, ќе си најдеш стари поклоници, ќе си помуабетиш со нив.

Влегува Огуревна.

Огуревна. Се мислам за лимонот.

Вера Филиповна. Сега ќе дојдам, драги гости. *(Излегува со Огуревна.)*

Аполинарија Панфиловна. По манастири почнала да оди! Треба да ја надгледуваме, да не си нашла некое сираче.

Олга. Не, не ми изгледа така.

Аполинарија Панфиловна. Погледни ѝ ги забите! Јас не верувам многу на тивки луѓе. Ја знаеш поговорката: „тивка вода...“?

Влегува Вера Филиповна.

Вера Филиповна. Овде сакате да послужат чај или ќе дојдете таму? Тука ќе дојдат и мажите. Ене, ми се чини, Потап Потапич веќе иде.

Аполинарија Панфиловна. Поарно ние ќе појдеме кај самоварот, не сакам со мажи, не сме навикнати на мешање. Нема воздух така, разговорот не е ист. Јас кога зборувам сум слободна, не сакам да се срамам. Мажите си лажат по свое, а ние по свое – тие послободни и ние послободни. За мерак! А заедно само ќе се врткаме, не е тоа разговор. Јас сакам да си се напијам убаво чај, а со мажи кога си, ќе истуриш случајно малку и срам ќе те фати.

Вера Филиповна. Како сакате. Повелете!

Излегуваат Аполинарија Панфиловна, Олга, Вера Филиповна.

Влегуваат Каркунов (во рацете носи хартија и молив), Халимов, Константин Каркунов.

Трета сцена

Константин. Имајте милост, вујко!... Зошто, зошто?... Ништо од тоа нема да излезе.

Каркунов. Замолчи, замолчи! (*Кон Халимов.*) Ах, куме мој мил, фала ти, фала ти!

Халимов. За што?

Каркунов. Како тоа за што? Јас тебе ти шепнав: „Дојди“ – и ти дојде.

Халимов. Чуден човек! Како да не дојдеш кога те канат на гости! Кој одбива леб и сол!

Каркунов. Јас уште не сум те нахранил. Само што дојде, веднаш работа ти дадов, да помогнеш ти реков...

Халимов. Ама каква работа! Не чини ни грош, ништо особено не е да напишеш тестамент! Да имаше што да одбијам – друга работа, а вака – лесно е. Твоја волја – што сакаш, тоа и напиши!

Каркунов. Не, не зборувај така! Тука во комшилуков живее едно адвокатче никакво, а триста рубли бара.

Халимов. И малку побарал. Што ќе ти е адвокати да викаш.

Константин. Ама ве молам! А ако има само еден... што да правиш? За ситни хартивчиња!

Каркунов. Чекај, бре! Молчи ти, молчи.

Халимов. Земи лист и пишувај!

Каркунов. „Пишувај“, види го ти него! Што да напишам, од каде да знам! Кога убаво ќе се залееме, ќе „мислиме“ како да ја на-

пишеме нашава работа. Оти кога ќе земеш перо в рака, треба да те слуша. А ако не те слуша, што можеш? Ништо нема да направиш.

Х а л и м о в . А ти фати го поцврсто во рацете, и пишувај – најпрвин со Божји благослов, во име на тој и тој, и така натаму...

К а р к у н о в . Така, така, со Божји благослов, не смее без тоа, тоа на прво место. *(Кон Константин.)* Ти дојде непоканет, така што еве ти хартија и молив. Пишувај! *(Му ги дава хартијата и моливот.)* Пишувај што ќе ти кажат.

К о н с т а н т и н . Таман работа! Ако сум јас единствениот...

К а р к у н о в . Молчи, молчи, ајде!

Константин седнува на масата.

Што да напише?

Х а л и м о в . Потоа пиши: „Најпрвин...”

К а р к у н о в . Константин, пиши: „Најпрвин...”

Х а л и м о в . „Мојата душа му ја доверувам на Господа...”

К а р к у н о в *(воздивнувајќи)*. Ох, ох! Да, да, така пиши.

Константин пишува.

Х а л и м о в . „А моето тело грешно го предавам на земјата, според христијанскиот обичај”.

К а р к у н о в . Според христијанскиот, според христијанскиот, да, да, така, според христијанскиот, како што е редот.

Х а л и м о в . Сега, во врска со опелото... Кои монасти ќе ти биде поарно да те опеваат: чудовски или нешумовски?

К а р к у н о в . Поарно чудовски, пријателе драг, така поарно.

Х а л и м о в . Тогаш, пиши така: „чудовски”.

К а р к у н о в . Константине, пиши: „чудовски”!

Х а л и м о в . Сега за покровот врз ковчегот... сакаш да е од брот или сакаш од глзет. Денес тој материјал е доведен до совршенство, беше на изложба во Париз.

К а р к у н о в . За тоа треба да се размисли, куме, треба да се размисли.

Х а л и м о в . Па како да не се размисли, таа работа си бара многу мислење. А ти нареди да ти донесат примероци, па види кој ќе ти стои, тој и земи го. Избери повесела шара. А еве што уште забораивме, пред сè треба да стои: „При здрав ум” – ете што забораивме! Па и вистина, при здрав ум си или не си?

Каркунов. При здрав, при здрав, што мислиш. Константин, пиши напред: „При здрав ум“.

Константин. Ама јас се сомневам!

Каркунов. Пиши, пиши, не е твоја работа!

Халимов. „И чиста свест“.

Каркунов. Е, во врска со свеста... зарем не е тоа против претходното.

Халимов. Па ги помниш ли сите што ти се должни?

Каркунов. Сите, сите.

Халимов. Значи, чиста е. Може си заборавил на кого ти си останал должен? Ама тоа не е страшно, ќе те потсетат. Значи, главната работа е завршена, сега другото се ситници. Ете, пиши: „На мојата драга сопруга, Вера Филиповна, за нејзината љубов кон мене и постојана грижа...“

Каркунов. Да, да, постојана грижа.

Халимов. И така натаму, како што знаеш.

Каркунов. Пиши, Константин: „Целиот движен и недвижен имот, и милион рубли“.

Константин. Ама, ве молам, вујко...

Каркунов. Молчи, молчи! Вреди, вреди, и повеќе вреди.

Халимов. Тоа си е твоја работа.

Каркунов. Повеќе вреди, повеќе вреди. Само што куме, ех...

Халимов. Што е работата?

Каркунов. Јас ќе ѝ оставам милион, а таа со моите пари ќе си земе некој маж или љубовник ќе си најде.

Халимов. А тебе што ти е гајле! Таа после си знае како ѝ е најдобро.

Каркунов. Не, не, не може така, мои пари се. Таа ќе си се омажи, па уште и ќе му се потсмеваат со мажот на старецот.

Халимов. Па и да се потсмеваат, ништо нема да можеш да направиш.

Каркунов. Не, еве вака: на мојата драга сопруга, Вера Филиповна, доколку не се омажи и не најде љубовник, милион.

Халимов. Не може така да пишеш, куме.

Каркунов. Зошто, куме?

Халимов. Ќе речат дека не си при здрав ум.

Каркунов. Тогаш, куме, нема да го напишеме така, нема да се посрамотиме, куме, не оди да се посрамотиме. Еве вака: ѝ наредувам да ја симне својата слика од сидот и да се заколне. Така, куме?

Халимов. Така, така. Ама и таа не е глупава, сликата на која се заколнала ќе ја заврти кон сидот или ќе ја изнесе од собата за да нема сведоци, и пак ќе направи како што сака.

Каркунов. И така не бива! Ех, беља работа!

Халимов. Па, како да не биде беља! Цел живот си ја мачел жената, сакаш и по смртта да ја мачиш, а не знаеш како. Чесно ли живееше со тебе?

Каркунов. Чесно, чесно. Немам што да кажам – света жена!

Халимов. Сите каприци, сите ќефови ти ги исполнуваше?

Каркунов. Сè исполнуваше, сè.

Халимов. Вреди ли тоа нешто?

Каркунов. Вреди, вреди, како не вреди!

Халимов. Е, па, колку што вреди, толку и дај ѝ, и веќе не бери гајле, остави ја да живее како што знае самата.

Каркунов. Не, малку е, малку е. (*Кон Константин.*) Што да кажам! Пиши, без какви било услови, милион.

Константин. И тоа е, вујко, некако глупаво, ако можам да кажам.

Каркунов. Ти да молчиш! На вујко ти треба да се обраќаш со крајна почит.

Константин. Јас крајно те почитувам, ама ако нешто не е паметно, тогаш сакал или не сакал, ќе кажеш дека е глупаво.

Халимов. Ајде малку понатаму. Сега на внукот... „На мојот внук, Константин Лукич Каркунов, за неговата почит и добро поведение...”

Каркунов. Пиши, Константин: „На мојот внук...”

Константин. Напишав.

Каркунов. Целата моја трговија, фабричкото претпријатие, со сите сидови, со стоката, мениците и милион рубли.

Константин. Јас ова го разбираам само како шега од ваша страна.

Каркунов. Само вечно да ме памети и да ги остави пијанството и безобразните работи.

Константин. Безобразни работи, вујко, двајцата заедно правевме, а ако сум се напил, тоа било за ваш мерак.

Каркунов. И за цел живот да чувствува.

Халимов. Пак ти со чувствата! А ако не чувствува?

Каркунов. Тогаш парите да му се одземат.

Халимов. Не, батали ги тие алегии! Никој нема да ти одобри таков тестамент.

Константин. Оставете така! Нека не одобруваат, уште подобро, мене ќе ми припадне сè.

Каркунов. Види го ти колку е итар! Пиши: милион! Милион за тебе – и тоа е сè.

Константин. Тоа е едно хартивче, ништо повеќе.

Халимов. И што уште? Кого уште ќе благословиш?

Каркунов. На мојот трговски помошник, Ераст... Пиши: на него десет илјади! Дај ваму листот и оди си! За другото без тебе ќе решиме.

Константин. Вујко, не го очекував ова. Мислев дека знаете каков човек сум! Можете да ми се доверите без сомневање. Доста е само збор да кажете: на овој дај толку, на оној толку – сè точно ќе исполнувам. Јас сум ви единствен наследник, а вие некаква мода терате – тестамент пишувате. Смешно е дури.

Каркунов. Добро, добро, оди си, ајде! Покус нема да останеш.

Константин излегува.

Четврта сцена

Каркунов (*ги разгледува сите врати*). Е, па, куме, сега помогни ми, ќе ти се поклонам од благодарност! Земи го листов! (*Му го подава листот, напишан од Константин.*) Нека се носи со ѓаволите! А ти да ми го напишеш тестаментот одново! Не сакав вистината да ја кажам пред внук ми.

Халимов. А што е вистината?

Каркунов. Грешен човек сум, ах, колку сум грешен! Какви гревови, какви гревови! Те лаги на душата, те навреди на луѓе, те секакви угнетувања!

Халимов. И што?

Каркунов. Па, треба многу луѓе да се молат за мојата душа, треба да си ја откупам душата од пеколот.

Халимов. А како ќе ја откупиш?

Каркунов. Е вака: ни на жената ни на внукот ништо, само по малку нешто. Не се надевам на нив, нема да измолат. Сè на бедните, на сиромашните, за да се молат. Еве, запиши! Го знаеш ти редот: тука толку, таму толку, за вечен помен, за вечни векови... А еве ти белешка колку имам пари во готово и друг имот. *(Вади од џебот хартивче и му го подава на Халимов.)*

Халимов. Охо! Колку готовина си имал! Кај ли ги чуваш парите?

Каркунов. Дома, куме, ене, во шкафон онде.

Халимов. А живееш на периферија, пусто е сè одоколу, ќе налетаат некои млади разбојници, ќе ти ги земат и парите и шкафот скап.

Каркунов. Не се плашам, куме, јас. Денес, куме, луѓето се опаметија, така велат, а и јас со нив се опаметив. Ги гледаш двеве копчиња! *(Му покажува две копчиња близу шкафот.)* Електрично свонче! А? Паметна работа, куме, паметна работа! Едно копче притисни – сите помоци и домари ќе се нацртаат тука, а другото стисни го – сто работници од фабрика за две минути ќе се тука.

Халимов. Куме, ме изненади, што да ти кажам!

Каркунов. Имај милост, биди другар! Треперам, треперам од што имам гревови, ах, колку гревови, колку прегрешенија!

Халимов. А како така ќе ѝ скусиш на жена ти, за што?

Каркунов. Да, да... жена ми е ангел во душата, чист гулаб. Кога ќе помислам на неа, куме, солзи ми идат во очиве. Еве, гледај, солзи. Ја измачив, целиот живот ѝ го упропастив... Ама што ако... Пак си е мое... На кого сакам, на тој ќе дадам. Душата ми е подрага од жената. Еве и трговскиот помошник... Зедов син на пријател, ветив дека ќе му помогнам да стане човек, ќе го наградам... а не му помогнав. И мала плата му давав, само му ветував... И за него исто, ете, сега плачам. Толку имам драго, жената и помошникот. Ама душата сепак ми е подрага... На него може да му оставам нешто од облеката... старата бунда... Така напиши!

Халимов. Ќе напишам, што да кажам! Само, ќе има ли некаква полза душата од тоа?

Каркунов. Ќе има, ќе има, со паметни луѓе се советував, со благочестиви... И главно сè да се раситни, на најсиромашната браќа да се раздаде, по десет копејки и по пет копејки.

Халимов. Тоа е добро, на крајот на краиштата сè ќе отиде во државната благајна, а на благајната ѝ требаат пари.

Каркунов. Како тоа, куме, во благајната?

Халимов. Преку акцизната управа. Ќе заработат убаво крчмите.

Каркунов. Што да правиш, така нека биде! Како и да е, секој пред да крене чаша ќе каже добар збор за мене.

Халимов. Пред првата ќе каже, а за втора нема му стигнат парите, па ќе те опцуе.

Каркунов. Не е важно, не мора, еднаш барем да се прекрсти и да воздивне во мое име, пак ќе ѝ е полесно на душата. (*Ја отвора вратата.*) Вера Филиповна, Костја!... А! И ти си тука, Ерасте! Влезете, влезете!

Влегуваат Вера Филиповна, Константин, Ераст.

Петта сцена

Каркунов. Сопруго мила, внучко драг, и ти, Ерасте! Молете се на Бога, молете се на Бога! Сите, сите ве обдарив, цел живот ќе ме паметите.

Вера Филиповна. Покорно ви благодарам, Потап Потапич! Мене ништо не ми треба, но штом е таква вашата љубов ком мене, тогаш за вашата љубов треба да ве паметам вечно и секогаш за вас ќе се молам.

Ераст. Покорно благодарам, Потап Потапич, што го цените мојот труд, дури и повеќе одошто заслужувам.

Константин. Извинете, вујко, јас немам за што да благодарам. Секако, сè е на ваша волја, но ако се расуди правилно, тогаш и без тоа сè е мое.

Каркунов. Е, па, штом е твое, тогаш твое и ќе биде. Никој нема да остане покус, никој.

Вера Филиповна. Тука да донесат чај сакате или ќе дојдете кај нас?

Каркунов. Да појдеме кај жените, куме, да се пошегуваме малку, забите да си ги наостриме.

Излегуваат Каркунов и Халимов.

Вера Филиповна. Повелете! Константин Лукич, Ераст...
дојдете!

Константин. Оставете нè, тето, не сакаме.

Вера Филиповна излегува.

Шеста сцена

Константин и Ераст.

Константин. Ерасте, работата е – тутун.

Ераст. За што зборуваш, како да те разберам?

Константин. Ќе останеме јас и ти со празни стомаци.

Ераст. Зошто така мислиш?

Константин. Сè на тетка ми – готово е!

Ераст. Што да правиш, ќе ѝ служиме и нејзе.

Константин. Нема да има потреба.

Ераст. Зошто да не ѝ служиме, да не сме положи од другите
луѓе?

Константин. Ти мислиш дека со милиони таа ќе се плетка со
фабрики и трговија? Ы притребало! Ќе го претвори сето тоа во пари
и ќе се омажи за некој благородник.

Ераст. Да, така изгледа работата.

Константин. А јас и ти ќе останеме со празни раце.

Ераст. Значи, целата моја служба ќе пропадне залудно?

Константин. А ти благодарност ли чекаш?... Од вујко? Чекај,
чекај! Ако не денес, утре ќе си добиеш по глава.

Ераст. За што, со што сум заслужил?

Константин. Арно живееш. Близок си до сметките. Според
твојот труд, многу вредиш, а нему му е жал да ти даде повеќе. Се
знае како, ќе се фати за нешто, ќе крене врева и ќе те избрка. Сите
газди имаат иста политика.

Ераст. Ме замисли сега... Треба место да си бараме.

Константин. Чекај! Сети се што те учев.

Ераст. За што?

Константин. За Купидоните.

Ераст. Ех! Глупости зборуваш!

Константин. Само тоа ти е спасот.

Ераст. Не е таква жена, немам пристап.

Константин. Бре, што си лош, братко!

Ераст. Кој е лош? Јас ли?.. Да ме знаеше, немаше да викаш дека сум лош. Јас си ја знам работата, ама нема што да се прави. Главна работа е да ја фалиш жената во очи, така можеш колку сакаш да ѝ досадуваш. Денес кажи ѝ дека е убава, утре кажи ѝ пак дека е убава – таа ќе си ги отвори ушите, а ти пеј ѝ глупости! А штом почнала да слуша, тогаш нема многу да зборува.

Константин. Така и би направил ти.

Ераст. Така и направив, а таа мене само со еден поглед ме плесна, како со секира да ме удри, едвај останав на нозе. Не, сега поинаку ќе пробам.

Константин. Како?

Ераст. Таа има меко срце, чувствителна е, ја мамам на сожалување, се преправам дека сум казањски сирак.

Константин. И работи ли планот?

Ераст. Изгледа проработе: веќе добив пола дузина холандски кошули вчера. Од кого ако не од неа! Таа цело време така прави, тајно благотвори.

Константин. Е, па, тогаш работи во таа насока. Вовлекувај ја малку по малку, потоа договори средба некаде или кај тебе намами ја.

Ераст. Ама и да направам така, каква полза имаш ти од сето ова?

Константин. Ах, проста работа! Јас ќе ве начекам и ќе му кажам на вујко ми: еве, што се вели, кому оставаш милиони!

Ераст. Итро, итро! Мислиш будала си нашол, а?

Константин. Чекај малку! Што зборуваш без потреба пред да ја разбереш целата работа! Слушај за да разбереш! Тебе како и да е за два-три дена вујко ми ќе те избрка, веќе кажа, така што треба да се жалиш себеси! Без ништо ќе си отидеш, а ако јас со твоја помош го добијам имотот на вујко ми, тогаш ќе те збогатам.

Ераст. Раскажувај, ајде! Тебе да ти поверува човек, три дена нема да преживее!

Константин. Тоа е точно, вистина кажуваш. И да не ми веруваш никогаш на зборовите, ќе те измамам. Какво богатство прокоц-

кав – сè ми одземаа. А зошто? Зашто на луѓе им верував. Не, толку веќе, ни јас на луѓе не верувам ни тие мене не ми веруваат. Ти на мојата совест, те молам, не се потпирај оти некогаш ја имав, а сега не. Отворено ти кажувам. Земи го документот! Сакаш две-три илјади, сакаш пет?

Е р а с т . А што ќе ти земам со документот?

К о н с т а н т и н . Се подразбира дека сега ништо, а кога ќе остави вујко ми наследство ќе добиеш сè, и тоа со камата.

Е р а с т (*размислувајќи*). Еве вака, слушај! Работата што ти сега ми ја предлагаш е доста подла. Разбери ме! Доста подла.

К о н с т а н т и н . А јас зарем ти кажувам дека е добра? И јас така сметам, дека е подла. Само што јас за таа работа пари плаќам. Како сакаш прави! Пет илјади, па уште на гладна уста, па уште на некој што не видел таква пара... исто така се пријатни.

Е р а с т . Не треба. Не ми е до твоите пет илјади... тргни се! Ете ти збор!

К о н с т а н т и н . Вистина била поговорката: будалите ни сеат ни ораат, сами такви се раѓаат. Триста рубли годишно земаш – значи, мора да крадеш. А овде сакаат да те усреќат, ти даваат пет илјади, а ти ја вртиш главата! Мозок! Немам што да кажам! Чукни се по чело, а после ене ти го сидот, чукни и таму да видиш дали има разлика?

Е р а с т . А што мислиш ти, ако има ѓвол... кој од вас е повешт... луѓе да заплеткува?

К о н с т а н т и н . Ете сега! До ѓволот стигнавме. Да ме исплашиш сакаш или што? Тоа се зборови, глупави зборови и ништо повеќе. Каква врска има тука ѓволот? Ѓволот и онака си има доволно грижи со светите луѓе. Ние и без него толку многу грешиме, што на десет воза нè ни ги собира гревовите. Ама секој разговор има крај... Ако сакаш, земи ги парите, а ако не сакаш, сметај дека сум се пошегувал.

Е р а с т . Треба да се размисли за крајностите.

К о н с т а н т и н . А бре, братко, што прост човек си. Мисли – не мисли, нема да ти дојде паметот. Колку ум ти е даден, толку и ќе ти остане. Така што, покажи сега колку ум имаш или колку си глупав, и да завршиме со тоа!

Е р а с т . Па, штом е така, ајде, така нека биде!

Константин. Ете така, подобро! А ти уште се впушташ во дискусии! Што има да се дискутира кога си обврзан да ме слушаш и да ме следиш во сè. Постар сум од тебе – можеби не во години, ама во живот и во памет. Јас сум видел големо богатство, а ти секогаш си живеел во сиромаштија. Јас мислам слободно, а тебе ти се врзани мислите. Јас одамна си ја изгубив совеста, а ти дури сега почнуваш. Кога ќе позборуваме повеќе за тоа?

Е р а с т. Што правиш денес?

Константин. До вечер сум слободен, ќе дојдам кај тебе да поразговараме, а вечер сум пак со вујко ми во придружба.

Константин. По кафани и уште некаде. Смачено им е да пијат без палавштини, па сега смислуваат секакви чуда: бараат различни лудории, се забавуваат. Кој е силен – го тераат да се бори, кој има глас – го тераат да им вика молитви, кој пие многу – го опиваат на кладба. Треба да најдам некој чудак за да го здружам со вујко ми.

Е р а с т. Имам сретнато таков чудак – и сила, и глас, и пие колку сакаш.

Константин. Кој е тој?

Е р а с т. Како скитник е, талка по Москва, ќе се изналумпува, па оди со просјациите по манастирите.

Константин. И знаеш каде да го најдеме?

Е р а с т. Знам.

Константин. Покажи ми го уште денес! Ќе ставам облог на него, можам многу пари да добијам од вујко ми. А и онака нема врска! Вујко ми ќе ме збогати, целото богатство ќе ми го остави мене ако му се бендиса и ако ги победиме сите.

Е р а с т. Може, може.

Влегуваат Каркунов, Халимов, Вера Филиповна и Аполинарија Панфиловна.

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ

– отрывок –

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление второе

Вера Филипповна, Аполлинария Панфиловна, Ольга и Огуревна.

Вера Филипповна. Здравствуй, Оленька!

Аполлинария Панфиловна. Здравствуй, Оленька!

Вера Филипповна. Садиться милости прошу, гости дорогие!

Огуревна. Матушка Вера Филипповна, чай-то сюда прикажете подавать аль сами к самоварчику сядете?

Вера Филипповна. Да он готов у тебя?

Огуревна. В минуту закипит, уж зашумел.

Аполлинария Панфиловна. А ты ему шуметь-то много не давай, другой самовар ворчливее хозяина, расшумится так, что и не уймешь.

Вера Филипповна. Сейчас придем, Огуревна.

Огуревна уходит.

Я поджидаю, когда сам выйдет.

Аполлинария Панфиловна. Что это вы, Вера Филипповна, точно русачка из Тележной улицы, мужа-то «сам» называете!

Ольга. Тетенька всегда так.

Вера Филипповна. Мы с Потап Потапычем люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да не все ли равно. Как его ни называй: муж, хозяин, сам, – все он большой в доме.

Аполлинария Панфиловна. Ну, нет, разница. «Хозяин» – уж это совсем низко, у нас кучерова жена своего мужа хозяином зовет; а и «сам» тоже разве уж которые еще в платочках ходят.

Ольга. А кто нынче в платочках-то ходит! Все и лавочницы давно шляпки надели.

Аполлинария Панфиловна. Нынче купчихи себя высоко, ох, высоко держат, ни в чем иностранкам уступить не хотят... снаружи-то.

Вера Филипповна. Слышала я, по слуху-то и я знаю. что ж мудреного. Люди людей видят, один от другого занимаются. Только я одна пятнадцать лет свету божьего не вижу, так мне и заняться не от кого. что это Потап Потапыч с Исаем Данилычем затолковались!

Аполлинария Панфиловна. Стало быть, дело есть. Разве не слышали?

Вера Филипповна. Ничего не слыхала.

Ольга. Напрасно вы, тетенька, скрываете от нас; мы и сами довольно хорошо знаем.

Аполлинария Панфиловна. Мне Исай Данилыч говорил.

Вера Филипповна. А мне Потап Потапыч ничего не рассказывал.

Аполлинария Панфиловна. По заслугам и награда.

Ольга. Отчего ж не награждать, коли кто чего стоит; всякий волен в своем добре; только и других тоже обижать не нужно.

Вера Филипповна. Зачем обижать! Сохрани бог! Только не знаю я, про какую награду вы говорите.

Аполлинария Панфиловна. Завещание пишут, Вера Филипповна, завещание.

Вера Филипповна (*с испугом*). Завещание? Какое завещание, зачем? Потап Потапыч на здоровье не жалуется; он, кажется... слава богу.

Аполлинария Панфиловна. Осторожность не мешает, в животе и смерти бог волен. А ну, вдруг... Значит, надо вперед подумать да успокоить, кого любишь. Вот, мол, не сомневайтесь, все вам предоставляю, всякое счастье, всякое удовольствие.

Ольга. Как же, тетенька, неужели ж вы этого не ожидали?

Вера Филипповна. Не ожидала, да и не думала никогда.

Аполлинария Панфиловна. Как, чай, не думать! Разве вы богатству не рады будете?

Вера Филипповна. Нет, очень рада.

Аполлинария Панфиловна. Ну, еще бы!

Вера Филипповна. Я много бедным помогаю, так часто не хватает; а у Потапа Потапыча просить боюсь; а кабы я богата была, мне бы рай, а не житье.

Входит Огуревна.

Огуревна. Я, матушка, насчет варенья.

Вера Филипповна. Сейчас приду.

Огуревна уходит.

Извините, гости дорогие! (*Уходит.*)

Ольга. «Для бедных»! Рассказывай тут! И мы люди небогатые.

Аполлинария Панфиловна. Надо ей говорить-то что-нибудь!

Входит Вера Филипповна.

Вы говорите, что не думали о богатстве? Да кто ж этому поверит! Не без расчета ж вы шли за старика. Жили бы в бедности...

Вера Филипповна. Я и не оправдываюсь; я не святая. Да и много ли у нас, в купечестве, девушек по любви-то выходят? Всё больше по расчету, да еще не по своему, а по родительскому. Родители подумают, разочтут и выдадут, вот и все тут. Маменька все сокрушалась, как ей быть со мной при нашей бедности; разумеется, как посватался Потап Потапыч, она обеими руками перекрестилась. Разве я могла не послушаться маменьки, не утешить ее!

Аполлинария Панфиловна. Послушались маменьку и полюбили богатого старичка.

Ольга. Как богатого не полюбить! Да я бы сейчас...

Вера Филипповна. Богатого трудней полюбить. За что я его буду любить! Ему и так жить хорошо. Бедного скорей полюбишь. Будешь думать: «Того у него нет, другого нет», – станешь жалеть и полюбишь.

Аполлинария Панфиловна. Уж на маменьку только слава; чай, и сами были не прочь за Потапа Потапыча идти. Всякому хочется получше пожить, особенно кто из бедности.

Вера Филипповна. «Получше пожить». Да жила ли я, спросите! Моей жизни завидовать нечему. Я пятнадцать лет свету не видала; мне только и выхода было, что в церковь. Нет, виновата, в первую зиму, как я замуж вышла, в театр было поехали.

Аполлинария Панфиловна. Да не доехали, что ли?

Вера Филипповна. Нет, хуже.

Аполлинария Панфиловна. Смешнее?

Вера Филипповна. Кому как. Только что я села в ложу, кто-то из кресел на меня в трубку и посмотрел; Потап Потапыч как вспылil: «то, говорит, он глаза-то пялит, чего не видывал! Сбей-ся домой!» Так и уехали до начала представления. Да с тех пор, вот уж пятнадцатый год, и сижу дома. Я уж не говорю о театрах, о гуляньях...

Ольга. Как, тетенька, неужели же ни в Сокольники, ни в парк, ни в Эрмитаж?...

Вера Филипповна. Какие Сокольники, какой Эрмитаж! Я об них и понятия не имею.

Ольга. Однако, тетенька.

Аполлинария Панфиловна. Да, уж нынче таких антиков немного, чтоб Сокольников не знать.

Вера Филипповна. Ну, да уж так и быть. Сначала-то и горько было, и обидно, и до смертной тоски доходило, что все взаперти сижу; а потом, слава богу, прошло, к бедным привязалась; да так обсиделась дома, что самой страшно подумать: как это я на гулянье поеду? Да уж бог с ними, с гуляньями и театрами. Говорят, там соблазну много. Да ведь на белом свете не все ж дурное, есть что-нибудь и хорошее, я и хорошего-то не видала, ничего и не знаю. Для меня Москва-то как лес; пусти меня одну, так я подле дома заблужусь. Твердо дорогу знаю только в церковь да в баню. И теперь, как выеду, так словно дитя малое, на дома да на церкви люблюсь: всё-то мне в диковину.

Ольга. Все ж таки выезжали куда-нибудь?

Вера Филипповна. Выезд мой, милая, был раза два-три в год по магазинам за нарядами, да и то всегда сам со мной ездил. Портниха и башмачник на дом приходят. Мех понадобится, так на другое утро я еще не проснулась, а уж в зале по всему полу меха разостланы, выбирай любой. Шляпку захочу, так тоже мадам полную карету картонов привезет. О вещах дорогих и говорить нечего: Потап Потапыч чуть не каждую неделю возил то серьги, то кольцо, то брошку. Хоть надевать некуда, а все-таки занятие: поутру встану, переберу да перегляжу всё – время-то незаметно и пройдет.

Аполлинария Панфиловна. Сидели дома с Потап Потапычем да друг на друга любовались. что ж, любезное дело!

Вера Филипповна. И любоваться-то не приходилось. Еще теперь, как Потап Потапыч стал здоровее припадать, так иной день и дома просидит; а прежде по будням я его днем-то и не видала. Из городу в трактир либо в клуб, и жди его до трех часов утра. Прежде ждала, беспокоилась; а потом уж и ждать перестала, так не спится... с чего спать-то! А по праздникам: от поздней обедни за обед, потом отдохнет часа три, проснется, чаю напьется: «Скучно, говорит, с тобой. Поеду в карты играть». И нет его до утра. Вот и сижу я одна; в окна-то у нас, через сад, чуть не всю Москву видно, сижу и утро, и вечер, и день, и ночь, гляжу, слушаю. А по Москве гул идет, какой-то шум, стучат колеса; думаешь: ведь это люди живут, что-нибудь делают, коли такой шум от Москвы-то.

Аполлинария Панфиловна. Житейское море волнуется.

Вера Филипповна. Думала приемыша взять, сиротку, чтоб не так скучно было; Потап Потапыч не велит.

Аполлинария Панфиловна. Сироту взять, так веселее будет.

Вера Филипповна. Только чтоб не самого крошечного, не грудного

Аполлинария Панфиловна. Нет, зачем. Так лет двадцати пяти, кудрявенького. От скуки приятно.

Вера Филипповна. Ах, что вы, как вам не стыдно! Без шуток вам говорю, помешаться можно было. Как я тогда с ума не сошла, так это дивиться надо.

Аполлинария Панфиловна. Старики уж всегда ревнивы.

Вера Филипповна. Да что меня ревновать-то! Я в пятнадцать лет не взглянула ни разу на постороннего мужчину. В чем другом не похваюсь, а этого греха нет за мной, чиста душа моя.

Аполлинария Панфиловна. Ну, не говорите! Искушения не было, так и греха нет. Враг-то силен, поручиться за себя никак нельзя.

Ольга. Это правда, тетенька. Вы по вечерам и по балам не ездите, а посмотрели бы там, какие мужчины бывают. Умные, ловкие, образованные, не то, что...

Аполлинария Панфиловна. «Не то, что мужья наши». Ай, Оленька! Вот умница! А ведь правду она говорит: пока не ви-

дишь других людей, так и свои хороши кажутся; а как сравнишь, так на свое-то и глядеть не хочется.

В е р а Ф и л и п п о в н а . Что вы, что вы! Как вам не грех!

О л ь г а . Да ведь мы, тетенька, не слепые. Конечно, обязанность есть наша любить мужа, так ее исполняешь; а ведь глаза-то на что-нибудь даны. что невежа и дурак, а что образованный человек, разобрать-то не хитрость.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а . Не видали вы настоящих-то мужчин, так хорошо вам разговаривать. И первый человек греха не миновал, да и последний не минует. Грех сладок, а человек падок.

В е р а Ф и л и п п о в н а . Ну, и слава богу, что смолоду искушения не было; а уж теперь и бояться нечего, мое время прошло.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а . Какие ваши года! Мне и под пятьдесят лет, да я за себя не поручусь.

О л ь г а . Я, кажется, до семидесяти лет влюбляться буду. А то и жить-то незачем, какой интерес! А тут вдруг как-то тепло на душе. А то какая наша жизнь? Пей, ешь да спи!

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а . Я тоже не люблю, чтоб без занятия. Уж само собой, не любовь, – где уж! Хотя и не заАйваюсь. А чтоб были мне хлопоты: или сватать, или когда молодая женщина запутается, так поучишь ее, как из беды вынырнуть, мужу глаза отвести.

О л ь г а . Да что, в самом деле, тетенька, мы не люди, что ли! Посмотрите-ка, что мужчины-то делают, какую они себе льготу дают! что они боятся, аль стыдятся чего! Какая только придет им в голову фантазия, все и исполняют. А от нас требуют, чтоб не только мы закон соблюдали, а в душе и помышлении непорочность имели. Как еще они, при своей такой безобразной жизни, смеют от нас чего-то требовать! Да возьми такой муж в самом деле-то хорошую да благородную девушку, так она через три дня плюнет на него да убежит куда глаза глядят.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а . Недавно замужем, а как разговариваешь! Скоро жизнь-то раскусила.

О л ь г а . Раскусишь. Я шла замуж-то, как голубка была, а муж меня через неделю по трактирам повез арфисток слушать; сажал их за один стол со мной, обнимался с ними; а что говорили, так у меня волоса дыбом подымались!

Вера Филипповна. Я такие речи в первый раз слышу.

Аполлиная Панфиловна. Да вольно ж вам людей-то дичиться. Вы уж спесивы очень. Пожаловали бы когда к нам запросто или меня к себе приглашали почаще; угощенья для меня особенного не нужно; был бы чай да бутылка мадеры – вот и все.

Вера Филипповна. Нет, где уж мне по гостям! Я одичала очень, мне и людей-то видеть тяжело. И раз-то в год выедешь, так час просидишь в гостях, уж там и скучно, домой тянет.

Ольга. Теперь не прежнее время, не взаперти живете; вот бы и начали выезжать понемножку, привыкать к людям.

Вера Филипповна. Разница-то невелика: прежде взаперти жила, а теперь сама уселась дома. Вот только одно мое удовольствие – по монастырям стала ездить: в Симонов, в Новоспасский, в Андроньев.

Аполлиная Панфиловна. Раненько за богомолье-то принялись.

Вера Филипповна. Да хорошо там очень: когда небольшой праздник, там народу немного, тихо таково, просторно, поют хорошо. Выдешь за ограду, по бульварчику походишь, на Москву поглядишь, старушек богомолков найдешь, с ними потолкуешь.

Входит Огуревна.

Что ты?

Огуревна. Сумлеваюсь насчет лимону.

Вера Филипповна. Я сейчас, гости дорогие. (*Уходит с Огуревной.*)

Аполлиная Панфиловна. По монастырям стала ездить! Надо подсмотреть за ней; в самом деле, нет ли сироты какого.

Ольга. Нет, не похоже.

Аполлиная Панфиловна. Смотри ей в зубы-то! Я очень тихим-то не верю. Знаешь пословицу: «в тихом омуте...»?

Входит Вера Филипповна.

Вера Филипповна. Сюда прикажете чай подать или туда пойдете? Сюда и мужчины придут; вон, кажется, Потап Потапыч подвигается.

Аполлиная Панфиловна. Лучше мы к самовару присоединимся; я не люблю с мужчинами-то не привыкли мы впере-

мешку-то. Простору нет, разговор не тот; я в разговоре свободна, стеснять себя не люблю. Мужчины врут сами по себе, а мы сами по себе, и им свободней, и нам вольней. Любезное дело! А вместе одна канитель, а не разговор. Я с прибавлением люблю чай-то пить; неравно при мужчинах-то невзначай лишнее перельешь, так и совестно.

В е р а Ф и л и п п о в н а . Как вам угодно. Пожалуйста!

Уходят Аполлинария Панфиловна, Ольга, Вера Филипповна.

Входят Каркунов (в руках бумага и карандаш), Халымов, Константин Каркунов.

Явление третье

Каркунов, Халымов и Константин Каркунов.

Константи н . Помилуйте, дяденька!... К чему, к чему?... Ни к чему это не ведет.

Кар ку н о в . Помолчи ты, помолчи! (*Халымову.*) Ах, кум ты мой милый, вот уж спасибо, вот уж спасибо!

Х а л ы м о в . Да за что?

Кар ку н о в . Как за что? Я тебе шепнул: «Приезжай, мол», – а ты и приехал.

Х а л ы м о в . Да чудак: зовешь в гости, как не поехать! От хлеба-соли кто же отказывается!

Кар ку н о в . Да я еще тебя хлебом-то не кормил. Я, как ты приехал, так за дело тебя; говорю: «Помоги!...»

Х а л ы м о в . Да какое дело-то! Гроша оно медного не стоит; экая невидаль, завещание написать! Было б что отказывать; а коли есть, так нехитро: тут все твоя воля, что хочешь, то и пиши!

Кар ку н о в . Нет, ты не говори! Вот у нас тут по соседству адвокатишка проживает, такой паршивенький; а и тот триста рублей просит.

Х а л ы м о в . Еще мало запросил. Вольно ж тебе за адвокатами посылать.

Константи н . Да помилуйте! Коли есть единственный... так к чему? Одни кляузы!

Кар ку н о в . погоди! Ты помолчи, помолчи.

Х а л ы м о в . Взял лист, и пиши!

Каркунов. «Пиши», ишь ты! что я напишу, что я знаю! Как напьемся хорошенько, так «мыслете» писать наше дело; а перо-то возьмешь, так ведь надо, чтоб оно слушалось. А коли не слушается, так что ж ты тут! Ничего не поделаешь.

Халымов. А ты его возьми покрепче в руки-то, да и пиши спервоначалу с божьего благословения: во имя, а прочее...

Каркунов. Так, так, с божьего благословения; нельзя без этого, это уж первое дело. *(Константину.)* Ты незванный пришел, так вот тебе бумага и карандаш. Пиши! *(Отдает бумагу и карандаш.)* Пиши, что сказано.

Константин. Да позвольте! Коли я единственный...

Каркунов. Молчи, молчи!

Константин садится к столу.

Что ему писать-то?

Халымов. Потом пиши: «Во-первых...»

Каркунов. Константин, пиши: «Во-первых...»

Халымов. «Поручаю душу мою богу...»

Каркунов *(вздыхая)*. Ох, ох! Да, да.

Константин пишет.

Халымов. «А грешное тело мое предать земле по христианскому обряду».

Каркунов. По христианскому, по христианскому, да, да, по христианскому, чтоб уж как следует.

Халымов. Теперь насчет певчих... Каких тебе будет приятнее: чудовских иль нешумовских?

Каркунов. Чудовских приятнее, друг ты мой любезный, приятнее.

Халымов. Ну, и пиши «чудовских».

Каркунов. Константин, запиши: «чудовских!»

Халымов. Теперь покров на гроб... хочешь парчовый, хочешь глазетовый. Нынче этот товар до тонкости доведен, в Париже на выставке был.

Каркунов. Над этим задумаешься, кум, задумаешься.

Халымов. Да как не задумаешься; дело большого рассудка требует. А ты вели принести образчиков, да который тебе к лицу, тот и обозначь; узорчик повеселей выбери. Да вот еще забыли,

прежде всего надо: «Находясь в здоровом уме». что забыли-то! Да и вправду, в здоровом мы уме аль нет?

Каркунов. В здоровом, в здоровом, куда хочешь. Константин, поставь впереди: «В здоровом уме».

Константин. Ну, уж сомневаюсь!

Каркунов. Пиши, пиши, не твое дело!

Халымов. «И твердой памяти».

Каркунов. Ну, насчет памяти... против прежнего не то.

Халымов. Да ведь помнишь всех, кто тебе должен?

Каркунов. Всех, всех, всех.

Халымов. Значит, твердая. Может быть, забываешь, кому сам должен? Так не беда, напомнят. Ну, главное дело кончено, теперь уж пустяки. Вот пиши: «Любезной супруге моей, Вере Филипповне, за ее любовь ко мне и всегдашние попечения...»

Каркунов. Да, да, всегдашние попечения.

Халымов. Ну, там что знаешь.

Каркунов. Пиши, Константин: «Все движимое и недвижимое имущество и миллион денег».

Константин. Да позвольте, дяденька...

Каркунов. Молчи, молчи! Стоит, стоит, больше стоит.

Халымов. Уж это твое дело.

Каркунов. Больше стоит, больше стоит. Только вот что, кум, ох...

Халымов. что случилось?

Каркунов. Оставлю я ей миллион, а она с моими деньгами-то замуж либо любовника.

Халымов. Да тебе-то что за дело! Уж там как знает, как ей лучше.

Каркунов. Нет, так нельзя, так нельзя: мои деньги-то. Она выйдет замуж, да еще подсмеется с мужем-то над стариком.

Халымов. Да и подсмеются, ничего не поделаешь.

Каркунов. Нет, вот как: любезной супруге моей, Вере Филипповне, коли не выйдет она замуж и не заведет любовника, миллион.

Халымов. Нельзя так написать-то, кум.

Каркунов. Отчего, кум?

Халымов. Скажут, что не в здоровом рассудке.

Каркунов. Так мы этого писать не будем, не осраим себя, кум, не осраим. А вот что: я велю ей образ со стены снять да побожиться. Так, кум?

Халымов. Так, так. Да ведь и она не глупа, она образ-то, на котором божилась, повернет к стене либо вовсе из комнаты вынесет, чтобы свидетелей не было; да и сделает, что хочет.

Каркунов. Опять беда! Вот горе-то мое, горе!

Халымов. Ну, как не горе! Всю жизнь мучил жену, хочешь и после смерти потиранить, да никак не придумаешь. Да она честно жила с тобой?

Каркунов. Честно, честно. что тут говорить – святая!

Халымов. Всякий твой каприз, всякую блажь исполняла?

Каркунов. Исполняла, исполняла.

Халымов. Стоит это чего-нибудь?

Каркунов. Стоит, стоит, как не стоит!

Халымов. Ну, чего это стоит, то ты и дай ей; да уж и не печалься больше, пусть живет, как сама знает.

Каркунов. Нет, мало, мало. (*Константину.*) Да что тут! Пиши, без всяких условий, миллион.

Константин. Уж это, дяденька, даже довольно глупо, позвольте вам сказать.

Каркунов. Ты молчи! Ты должен к дяде со всяким уважением.

Константин. Я со всяким уважением; а ежели что не умно, так поневоле скажешь «глупо».

Халымов. Пойдем дальше помаленьку! Теперь племяннику... «Племяннику моему, Константину Лукичу Каркунову, за его почтительность и хорошее поведение...»

Каркунов. Пиши, Константин: «Племяннику моему...»

Константин. Написал.

Каркунов. Вся моя торговля, фабричное заведение, опричь стен, товары, векселя и миллион денег.

Константин. Я так понимаю, что это только одна шутка с вашей стороны.

Каркунов. Только чтоб он вечно поминал меня, а свое пьянство и безобразие оставил.

Константин. Безобразием-то, дяденька, мы вместе занимались; ежели я и пьянствовал, так для вашего удовольствия.

Каркунов. И чтоб всю жизнь он чувствовал.

Халымов. Опять ты с чувствами! А если он чувствовать не будет?

Каркунов. Тогда деньги отобрать.

Халымов. Нет, ты эти аллегории брось! Никто такого твоего завещания не утвердит.

Константин. Оставьте! Пушай не утверждают; тем лучше, все мне и достанется.

Каркунов. Ишь ты какой ловкий! Пиши: миллион! Миллион тебе – вот и все.

Константин. Одна только прокламация, больше ничего.

Халымов. Ну, еще что? Кому еще соблаговолишь?

Каркунов. Приказчику моему, Ерасту... Пиши: ему десять тысяч! Давай бумагу, ступай! Об остальном без тебя порешим.

Константин. Ну, дяденька, не ожидал. Кажется, знаете, какой я человек! Можно довериться без сумления. Стоит вам приказать словесно: выдай тому столько-то, тому столько-то – в точности исполню. Наследник у вас один я, а вы какую-то моду выдумали – завещание писать. Смешно даже.

Каркунов. Ну, хорошо, хорошо, ступай! Обижен не будешь.

Константин уходит.

Явление четвертое

Каркунов и Халымов.

Каркунов (*осмотрел все двери*). Ну, кум, вот уж теперь ты мне помоги, в ножки поклонюсь! Возьми бумажку-то! (*Подает бумагу, писанную Константином.*) Захерь, всю захерь! Да напиши ты мне все завещание снова! При племяннике я правды-то говорить не хотел.

Халымов. А в чем твоя правда-то?

Каркунов. Грешный я, ах, какой грешный человек! что грехов, что грехов! что неправды на душе, что обиды людям, что всякого угнетения!

Халымов. Ну, так что же?

Каркунов. Так надо, чтоб за мою душу много народу молилось; выкупать надо душу-то из аду кромешного.

Халымов. Как же ты ее выкупишь?

Каркунов. А вот как: ни жене, ни племяннику ничего, так разве малость какую. На них надежда плоха, они не умолят. Все на бедных, неимущих, чтобы молились. Вот и распиши! Ты порядок-то знаешь: туда столько, в другое место столько, чтобы вечное поминовение, на вечные времена... на вечные. А вот тебе записочка, что у меня есть наличными и прочим имуществом. *(Достает из кармана бумажку и подает Халымову.)*

Халымов. Ого! Сколько у тебя наличных-то! Где же ты их держишь?

Каркунов. Дома, кум, вон в шкапу.

Халымов. Ты живешь в захолустье, кругом пустыри; налетят молодцы, так увезут у тебя деньги-то и с твоим дорогим шкапом вместе.

Каркунов. Не боюсь, кум, нет. Нынче, кум, люди-то умны, говорят, стали; так и я с людьми поумнел. Вот видишь две пуговки! *(Показывает две пуговки подле шкафа)*. Электрический звонок! А? Умственная штука, кум, умственная штука! Одну пуговку нажму – все молодцы и дворники тут, а другую – сто человек фабричных через две минуты здесь будут.

Халымов. Ну, кум, задал ты мне задачу!

Каркунов. Сделай милость! Будь друг! Трепещу, трепещу, что грехов-то, что грехов-то, что всякого окаянства!

Халымов. Как же ты жену-то обидишь, за что?

Каркунов. Да, да... жена у меня душа ангельская, голубица чистая. Как подумаю, кум, про нее, так слезы у меня. Вот видишь, слезы. Заморил я ее, всю жизнь загубил... Да что же... Мое ведь... кому хочу, тому и даю. Душа-то дороже жены. Вот еще приказчик... Я у приятеля сыночка взял, обещал в люди вывести, наградить... а не вывел. И жалованье-то платил малое, все посулами проводил... И об нем тоже, видишь, плачу. Только у меня дорогого-то, что жена да приказчик; а душа все-таки дороже... Можно ему что-нибудь из платья... шубу старую... Так и напиши!

Халымов. Напишу, что с тобой делать! Только будет ли польза душе-то?

Каркунов. Будет, будет; с умными людьми советовался, с благочестивыми... И больше все, чтобы по мелочам, в раздачу нищей братии, по гривне сто тысяч, по пятаку триста.

Халымов. Это хорошо, это по крайности целиком в казну поступит; казне деньги нужны.

Каркунов. Как, кум, в казну?

Халымов. Чрез акцизное управление. Питейные заведения заторгуют хорошо.

Каркунов. Ну, что ж, пущай! Все-таки каждый перед стаканом-то помянет добрым словом.

Халымов. Перед первым помянет, а на другой не хватит денег, так тебя ж и обругает.

Каркунов. Ничего, нужды нет; хоть раз перекрестится да вздохнет на образ, все-таки душе-то легче. *(Растворяет двери.)*

Вера Филипповна, Костя!... А! И ты, Ераст, здесь! Войдите, войдите!

Входят Вера Филипповна, Константин, Ераст.

Явление пятое

Каркунов, Халымов, Вера Филипповна, Константин и Ераст.

Каркунов. Ну, супруга любезная, ну, племянничек дорогой, и ты, Ераст! молитесь богу, молитесь богу! Всех, всех наградил, всю жизнь поминать будете.

Вера Филипповна. Благодарю покорно, Потап Потапыч! Не надо мне ничего; а коли ваша такая любовь ко мне, так за любовь вашу я должна вас поминать всегда и всегда за вас богу молить.

Ераст. Покорно благодарю, Потап Потапыч, что труды мои цените, даже сверх заслуг.

Константин. Извините, дяденька, мне благодарить не за что. Конечно, на все ваша воля, а коли рассудить правильно, так и без того все мое.

Каркунов. А коли твое, так твое и будет; никого не обижу, никого.

Вера Филипповна. Сюда чай прикажете или к нам пожалуете?

Каркунов. Пойдем, кум, к бабам, пойдем балагурить, зубы точить.

Уходят Каркунов и Халымов.

Вера Филипповна. Пожалуйте! Константин Лукич, Ераст... приходите!

Константин. Увольте, тетенька, мы не желаем.
Вера Филипповна уходит.

Явление шестое

Константин и Ераст.

Константин. Ну, Ераст, дело – табак.

Ераст. О чем твой разговор и как его понимать?

Константин. Нам с тобой зубы на полку.

Ераст. Почему так полагаешь?

Константин. Все тетке – шабаш!

Ераст. Что ж, послужим и ей.

Константин. Не придется.

Ераст. Отчего ж не служить, мы не хуже людей?

Константин. Ты думаешь, она при миллионах-то с фабрика-ми да с торговлей путаться будет? Как же, очень ей нужно! Обороти-тит все в деньги да замуж за благородного.

Ераст. Пожалуй; мудреного нет.

Константин. А мы с тобой на бобах останемся.

Ераст. Так неужто ж вся моя служба задаром пропадет?

Константин. А ты благодарности ждешь?... От дяди-то? Жди, жди! Он не нынче, так завтра тебя по шапке скомандует.

Ераст. За что про что?

Константин. Здорово живешь. К расчету ближе. Ты, по сво-им трудам, стоишь много, а ему жаль тебе прибавить; ну, известное дело, придерется к чему, расшумится, да и прогонит. У них, у хозя-ев, одна политика-то.

Ераст. Однако призадумаешься. Надо место искать.

Константин. Погоди! Ты вспомни, чему я тебя учил.

Ераст. Насчет чего?

Константин. Насчет амуров.

Ераст. Эх! Будет тебе глупости-то!

Константин. Одно твое спасенье.

Ераст. Не такая женщина; приступу нет.

Константин. Ну, плох же ты, брат!

Ераст. Кто плох? Я-то?... Кабы ты знал, так не говорил бы, что я плох. Я свое дело знаю, да ничего не поделаешь. Первым дол-

гом, надо женщину хвалить в глаза; таким манером какую хочешь донять можно. Нынче скажи – красавица, завтра – красавица, она уши-то и распустит, и напевай ей турусы на колесах! А уж коли стала слушать, так заговорить недолго.

Константин. Так бы ты и действовал.

Ераст. Я и действовал, да она меня только одним взглядом так ошибла, ровно обухом, насилиу на ногах устоял. Нет, я теперь на другой манер.

Константин. Какая статья?

Ераст. Она у нас сердобольная, чувствительная, так я на жалость ее маню, казанским сиротой прикидываюсь.

Константин. Действует?

Ераст. Кажется, подействовало; уж полдюжины голландских рубашек получил вчера. От кого ж как не от нее! Ока все так-то, втайне благодетельствует.

Константин. Ну, и действуй в этом направлении. Затягивай ее мало-помалу; потом свиданье где-нибудь назначь либо к себе замани.

Ераст. Ну, хотя бы и так, да тебе-то какая польза от всего этого?

Константин. Ах, простота! Я подстерегу вас, да и укажу дяде: вот, мол, посмотри, кому ты миллионы-то оставляешь!

Ераст. Однако ловко! Да что ты дурака, что ль, нашел?

Константин. Погоди! что болтаешь зря, не разобравши дела! Ты слушай да понимай! Тебя все равно дня через два-три дядя прогонит, уж он говорил, так что тебе жалеть-то себя! Так, ни с чем уйдешь; а коли мне, через твою услугу, дядино состояние достанется, так я тебя озолочу.

Ераст. Рассказывай! Тебе поверишь, так трех дней не проживешь!

Константин. Это точно, это ты правду говоришь. И не верь мне на слово никогда, я обману. Какое я состояние-то ухнул – отобрали все. А отчего? Оттого, что людям верил. Нет, уж теперь шабаш; и я людям не верю, и мне не верь. Ты на совесть мою, пожалуйста, не располагайся; была когда-то, а теперь ее нет. Это я тебе прямо говорю. Бери документ! Хочешь две-три тысячи, ну, хочешь пять?

Е р а с т . Да что с тебя возьмешь по документу-то?

Константин . Само собой, что теперь ничего; а как оставит дядя наследство, получишь все и с процентами.

Е р а с т (*подумав*). Вот что, слушай! Которое ты дело мне сейчас рекомендуешь, довольно оно подлое. Пойми ты! Довольно подлое.

Константин . Да разве я говорю тебе, что оно хорошее? И я так считаю, что оно подлое. Только я за него деньги плачу. Разбей, как знаешь! Пять тысяч, да на голодные-то зубы, да тому, кто их никогда у себя не выдывал... тоже приятность имеют.

Е р а с т . Не надо. Не только твоих пяти тысяч... а отойди! Вот... одно слово!

Константин . Правда пословица-то: дураков-то не орут, не сеют, а сами рождаются. Получаешь ты триста рублей в год, значит, обязан ты воровать; хотят тебя осчастливить, дают тебе пять тысяч, а ты физиономию в сторону отворачиваешь! Мозги! Нечего сказать! Постучи-ка себя в лоб-то да вон в стену попробуй, будет ли разница?

Е р а с т . А как ты думаешь, ежели дьявол... так кто из вас тоньше... людей-то опутывать?

Константин . Ну, вот еще, «дьявол». Испугать, что ли, меня хочешь? Слова, глупые слова, и больше ничего. К чему тут дьявол? Которые люди святой жизни, так дьяволу с ними заботы много; а мы и без него нагрешим, что на десяти возах не вывезешь. Но, однако, всякому разговору конец бывает... Хочешь – бери деньги, а не хочешь – сочти так, что я пошутил.

Е р а с т . Надо по крайности подумать.

Константин . И выходишь ты, братец мой, невежа. Думай не думай, ума не прибудет; сколько тебе ума дано, столько и останется. Значит, показывай сейчас свой ум или свою глупость! На том и покончим.

Е р а с т . Ну, уж была не была, куда ни шло!

Константин . Вот так-то лучше; а ты еще в рассуждения пускаешься! Какие еще твои рассуждения, когда ты обязан во всем слушать меня и всегда подражать под меня. Я старше тебя хотя не летами, но жизнью и умом; я большое состояние прожил, а ты всегда жил в бедности; я рассуждаю свободно, а ты в рассуждении свя-

зан; я давно совесть потерял, а ты еще только начинаешь. Когда ж подробный об этом предмете у нас разговор будет?

Ераст. Ты сегодня что делаешь?

Константин. До вечера свободен, зайду к тебе и потолкуем; а вечером – опять с дядей в провожатых.

Ераст. Куда вы с ним ездите?

Константин. По трактирам, а то куда ж больше. Надоело им без проказ пьянствовать, так теперь придумывают что чудней: антиков разных разыскивают, да и тешатся. У кого сила, так бороться заставляют; у кого голос велик, так многолетие им кричи; кто пьет много, так поят на пари. Вот бы найти какого диковинного, чтоб дяденьке удружить.

Ераст. Нет, я встретил антика-то: и сила, и голос, и выпить сколько хочешь.

Константин. Кто он такой?

Ераст. Так, вроде как странник, по Москве бродит, понакутит, да у монастырей с нищими становится.

Константин. И знаешь, где его найти?

Ераст. Знаю.

Константин. Так покажи мне сегодня же! Я с кем-нибудь ставлю его на пари, большой капитал могу нажать от дяди. Да что! Дядя озолотит, все состояние оставит мне, коли придется ему по вкусу да всех мы победим.

Ераст. Можно.

Входят Каркунов, Халымов, Вера Филипповна и Аполлинария Панфиловна.

ПОГОВОР

АЛЕКСАНДАР ОСТРОВСКИ:
ТЕАТАРОТ КАКО ИЗБОР

НАТАЛИЈА ЛАПАЕВА РИСТЕСКА

АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ: ТЕАТР КАК ВЫБОР

Маленький пролог

12 апреля (31 марта) 1823 года родился Александр Николаевич Островский. 12 апреля 2023 года исполнилось 200 лет со дня его рождения. Есть повод снова задуматься о его творчестве и о его личности, поразмышлять о нём уже в новых условиях.

Начнём с того, что Островский – лицо и душа русского театра, его добрый «дух» и «хранитель». И это не преувеличение. Островский написал около 50 пьес! По сути, это целый репертуар! Кроме того, он участвовал в жизни театра «сверху донизу»: знал, как руководить театром, формировать его репертуар, готовить актёров, репетировать пьесу, бороться за достойную оплату труда, помогать составившимся или попавшим в беду театральным служащим.

Островский «в отражениях»: о творчестве основоположника русского театра говорят его современники и потомки

Островский уже при жизни и потом, после смерти, получил немалое количество характеристик, свидетельствующих о том, что его творчество будировало и своими темами, и своей формой, что его личность привлекала к себе харизмой. Составим «букет» высказываний известных людей прошлого и настоящего об Островском. Вот каким предстаёт великий драматург «в отражениях» сознания своих современников и потомков.

Аполлон Александрович Григорьев (1822-1864), русский поэт, литературный и театральный критик, переводчик, мемуарист высказался: «Островский прежде всего драматург: ведь он создает свои типы <...> не для кого-нибудь, а для массы, для которой он, пожалуй, как поэт её, поэт народный, есть и учитель, но учитель с тех высших точек зрения, которые доступны ей...»

Иван Александрович Гончаров (1812-1891), автор «Обломова», обращаясь к Островскому, сказал: «Литературе Вы принесли в дар

целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: "У нас есть свой русский, национальный театр". Он, по справедливости, должен называться: "Театр Островского"».

Русский писатель, этнограф, мемуарист, путешественник, почётный академик Петербургской академии наук Сергей Васильевич Максимов (1831-1901) констатировал: «На покинутое Гоголем добровольно и вакантное место выступил достойный последователь и прямой наследник его, с выработанным новым взглядом на русскую жизнь и русского человека, с особенным преимуществом знатока великорусского народного быта и его, несомненно, верных и до тонкости изученных национальных свойств, а в особенности отечественного языка в изумительном совершенстве».

Фёдор Алексеевич Кони (1809–1879), русский драматург, театральный критик, мемуарист, переводчик, историк театра, педагог, вспоминал: «В последний раз я видел Островского за два года до его кончины, в редакции "Вестника Европы". Он жаловался на усталость, и на лице его лежала какая-то тень, как будто его уже слегка коснулась смерть своим крылом. Но он был очень оживлён и с иронией повествовал о своих прошлых цензурных злоключениях, указывая, что знаменитое Третье отделение за время своего существования очень косо смотрело на него, считая его драматические произведения систематическими и последовательными нападениями на купечество, дворянство и чиновничество <...> Излишне говорить о заслугах Островского в истории русского драматического искусства. Они уже давно всеми признаны. Но у него есть и другая заслуга пред русской историей вообще: учёному исследователю нашей прошлой бытовой жизни он дал в своих драмах и комедиях драгоценный и содержательный материал для освещения одной из сторон целого периода именно этой жизни».

Татьяна Владимировна Москвина (1958-1922), российская писательница, театральный и кинокритик, публицистка, актриса, находилась в уверенности, что «Островский остаётся в репертуаре русского театра, к нему обращаются режиссёры самых разных на-

правлений. Постановки были разные, но никогда у публики не проваливался драматург. Зрителю нравится сама история, персонажи, текст, ибо это совершенство русской разговорной речи».

Михаил Ефимович Швыдкой (р. 1948), российский искусствовед, общественный и культурный деятель, увидел значимость Островского вот в чём: «Островский – великий национальный писатель, который рассказал о русском человеке так, как никто другой. Важно расслышать те внутренние механизмы русской жизни, которые он открыл, и то глубокое понимание человека, которое есть в его пьесах. Он знал, что человек может достичь самого глубокого дна, но он также знал, что искусство не преумножает хаос, а ему противостоит. Искусство противостоит разрушению человеческого в человеке. Может быть, поэтому, когда берёшь том Островского, ты стал чуть-чуть лучше, чем есть на самом деле».

Нина Алексеевна Шалимова (р. 1954), современный историк театра, доктор искусствоведения, непревзойдённый знаток русского мира Островского, автор монографий и множества статей о драматурге, о личности и пьесах Островского замечает: «В воспоминаниях и письмах Островского можно встретить его огорчённым, но никогда — злым, гневным, крикливым, оправдывающимся или обвиняющим. Он в этом плане обладает мужеством самостояния. И эти личные качества Островского проявляются в интонации, в атмосфере, в тоне его драматургии. Он может взять грустную и безотрадную ситуацию, но окутать её чувством юмора, шутливостью, мягкой улыбкой, удивлением — потому самые печальные сюжеты вселяют в читателя и зрителя душевную бодрость, надежду на то, что всё равно в конечном счёте кривда попятится и правда своё возьмёт. Ни одна его пьеса, даже та, которая кончается смертью героини или полной личной катастрофой героя, — не наводит уныния и безотрадности. Напротив: поживём ещё! Еще дай Бог всё будет — наладится, образуется! Жизнь не окончена! А жизнь Островский любил: какая бы она ни была, всё равно это жизнь, и в ней есть свои, пусть редкие, но счастливые мгновения. А трудности либо преодолимые, либо терпимые — и отсюда чувство света, сердечности, теплоты, которые исходят от самых безнадежных сюжетов. <...> Пьесы Островского более полутора веков играют и сле-

дующие полтора века тоже будут играть на русской сцене. Дело не в характерах, хотя они яркие, красочные, разноцветные, – дело в душе, которая поёт, мается, ищет, тоскует, радуется, печалится, скорбит, – душевные движения жизни героев и вызывают отклик в зрительном зале. И этим объясняется, я бы сказала, русскость драматургии Островского».

«Русскость» жизни и литературной судьбы Островского

Утвердившись во мнении, что Островский – великий, могучий, талантливейший, самобитный драматург, попытаемся уловить и описать то «русское» начало, которым пропитаны и его жизнь, и его творчество.

Безусловно, создатель галереи образов нелепых купцов-самодуров и плутоватых стряпчих, тихих и кротких приказчиков и своенравных купеческих дочек, Островский в сознании многих выступает как специфически национальная фигура, писатель, пишущий о России и для русских. И – это абсолютная правда.

Если говорить о «линии жизни» Островского, то она складывается на фоне сугубо «русского фона» и окрашена в более чем «русские тона». Островский и по происхождению, и по воспитанию – плоть от плоти Россия. Свой род Островские ведут от костромских крестьян: прадед драматурга был сельским дьячком. Островский гордился, что был земляком Ивана Сусанина. Отец будущего драматурга Николай Фёдорович Островский сумел подняться из низов, добился производства во дворянство, смог дать детям хорошее образование.

Детские и частично юношеские годы Островского прошли на Малой Ордынке, в самом сердце Москвы. Его отец держал солидную библиотеку, благодаря которой мальчик с малых лет многое узнал о русской литературе. Он чувствовал, что его предназначение в писательстве, но родитель прочил сыну карьеру юриста. По окончании гимназии Александр поступил в Московский университет, по настоянию отца – на юридический факультет. И хотя обучение на юридическом факультете не было большой радостью для Островского, пребывание в университете оставило хороший след в его сознании. Ведь в те годы там задавали идейный тон Грановский,

Герцен, Погодин, Шевырёв. Они настойчиво старалась воспитывать вкусы любознательных студентов; исподволь формировалась личность будущего драматурга – его неумолимо тянуло к поэзии реальной жизни, ему хотелось почувствовать её «токи» и законы.

В 1843 году отец устроил Островского в канцелярию Совестного суда, где в основном рассматривали семейные имущественные споры. Будущий драматург вёл протоколы заседаний. Самые интересные дела он втайне переписывал в отдельную тетрадь, там же помечал поведение и внешность истцов и ответчиков. В 1845 году Островский перешел на ту же должность в Коммерческий суд и принимал жалобы от просителей. Суть его работы в Коммерческом суде заключалась в разрешении имущественных и коммерческих споров между торгующими крестьянами, мелкими дворянами, купцами, простыми горожанами. Судить «по совести» приходилось родственников, оспаривающих наследства, и людей, оказавшихся в долговой яме. Островский ощутил драматизм настоящей русской жизни. Сколько наблюдений сделал он, работая в Совестном и Коммерческом судах! Сколько сюжетов набрал для будущих пьес!

Параллельно с государственной службой Островский находил время для творчества.

Вечерами он пробовал сочинять, и источником вдохновения для него была именно реальность русской жизни. К 1847 году Островский закончил свой первый очерк «Записки замоскворецкого жителя». В предисловии литератор писал: «Автор описывает Замоскворечье в праздник и в будни, в горе и в радости, описывает, что творится по большим длинным улицам и по мелким, частым переулкам». Произведение удалось опубликовать в газете «Московский городской листок». В 1847 году там же напечатали его первую пьесу «Картина семейного счастья» о браке по расчёту. Островский вспоминал: «Самый памятный день в моей жизни 14 февраля 1847 года. С этого дня я стал считать себя русским писателем и уже без сомнений и колебаний поверил в своё признание».

Однажды Островский прочёл одну из пьес своим гостям, среди которых был уважаемый профессор Степан Петрович Шевырёв. Академик был так впечатлен произведением, что назвал Островского «новым драматическим светилом в отечественной литературе».

Первой пьесой, которая пробилась на театральную сцену, стала «Не в свои сани не садись». Работу над ней автор закончил в 1852 году, а уже зимой 1853-го она появилась на подмостках Малого театра.

Островский участвовал в одном интереснейшем «проекте», автором которого стал Великий князь Константин Николаевич: он командировал талантливых писателей изучать и описывать различные уголки Российской Империи, как в разрезе промышленности, так и в бытовом отношении. Летом 1856 года Морское министерство организовало этнографическую экспедицию. В литературно-этнографической экспедиции Островскому достался обширный участок Волги. Он побывал в таких русских городах, как Торжок, Ржев, Тверь, Городня, Осташков и некоторых других. Путешествуя по глубинке, литератор описывал особенности быта и нравов местных жителей, их промысловую деятельность, убранство жилищ, диалекты.

Писал Островский бесконечно. Первое двухтомное собрание произведений Островского было опубликовано в 1859 году при поддержке графа Кушелева-Безбородко. Эти сочинения получили высочайшую оценку Николая Добролюбова и закрепили за Островским репутацию изобразителя подноготной стороны общества. Через год была издана знаменитая «Гроза», после чего Добролюбов написал свою знаменитую рецензию «Луч света в тёмном царстве».

В конце 1860-х Островский начал изучать Смутное время и вел переписку с историком Николаем Ивановичем Костомаровым. Результатом этого стали «исторические хроники в стихах»: «Дмитрий-Самозванец и Василий Шуйский», «Василиса Мелентьева», «Кузьма Захарьич Минин-Сухорук» и др.

В 1868 г. в петербургском Александринском театре состоялась премьера постановки «На всякого мудреца довольно простоты», главным героем которой является карьерист Егор Глумов. История Глумова на этом не закончилась, найдя своё продолжение в следующем произведении автора под названием «Бешеные деньги». Через год Островский закончил пьесу «Лес» о состоятельной и деспотичной помещице, которая выбрала для своей племянницы выгодного жениха. В этот же период родились ещё две работы – «Не все

коту Масленица» и «Не было ни гроша, да вдруг алтын». В 1873 году комиссия управления столичными театрами заказала писателю детскую сказку. Так на свет появилась «Снегурочка», музыку к которой создал Петр Ильич Чайковский. Потом были знаменитейшие пьесы «Волки и овцы» (1875), «Бесприданница» (1878), «Таланты и поклонники» (1882).

Параллельно творческой активной жизни Островский занимался общественной работой. Он был председателем «Общества драматических русских писателей» и автором его устава. Общество помогало литераторам защищать права и требовать наказания для театров, которые ставили пьесы без разрешения драматургов. В 1881 году Островского пригласили на заседание комиссии в Петербург по пересмотру Положения о театрах. К собранию писатель подготовил «Записку о положении драматического искусства в России в настоящее время» и письмо «О нуждах императорского театра». Таким образом, Островский ратовал за правильное и хорошее устройство театра, хотел, чтобы он был основан на принципах справедливости и честности.

1886 году Островский скончался от болезни сердца в имении Щелыково. Писателя похоронили рядом с отцом на церковном кладбище при Храме во имя Святителя Николая Чудотворца в селе Николо-Бережки Костромской губернии.

Творчество Островского составило в истории русского театра целую эпоху. Особенно прочно связано имя Островского с историей Московского Малого театра (сейчас – Государственный академический Малый театр России). Сегодня, когда мы подходим к Малому театру, то видим у его фасада памятник великому русскому драматургу Александру Николаевичу Островскому работы архитектора Фёдора Шехтеля, который был установлен здесь в 1929 г. И установлен не случайно.

Ещё в юности будущий драматург восхищался игрой великих мастеров, служивших в Малом театре, – Павла Степановича Мочалова и Михаила Семёновича Щепкина. Вообще, Малый театр, с начала своего существования – а это 1756 год – всегда был центром культурной жизни. В его обширном репертуаре находилось место произведениям Шекспира и Шиллера, Пушкина и Грибоедова.

Именно на сцене Малого в 1831 году впервые полностью была показана комедия «Горе от ума», где Щепкин сыграл Фамусова, а Мочалов – Чацкого. Здесь же в 1836 году показали «Ревизора» Гоголя, поставили его «Мёртвые души», «Женитьбу» и «Игроков».

Но самым любимым автором Малого театра воистину оказался Островский.

С того момента, как зрители увидели его комедию «Не в свои сани не садись» на сцене Малого театра в 1853 году, почти все его пьесы создавались только для него. На сцене Малого театра было поставлено 48 пьес Островского! Но дело не только в количестве. Драматург буквально жил жизнью своих произведений, которые писал для Малого театра.

Интересен такой факт. Островский очень много работал над тем, чтобы отменить существующую тогда монополию императорских театров (например, Большого театра). В 1881 году он оказался среди других деятелей культуры (Д. В. Аверкиев, А. А. Потехин, Э. Ф. Направник), которые выработали цикл театральных реформ. В 1882 году появились новые правила для театров. В 1885 году Островский стал заведующим репертуаром московскими императорскими театрами, и благодаря ему была открыта дорога разным другим, как бы мы сейчас сказали, «свободным театрам». Однако сердце Островского всегда было с Малым театром. Многих удивило, что он не стал создавать никакой свой отдельный театр, а стал, по сути, художественным руководителем Малого театра. Он определял репертуарную политику Малого театра, писал для театра пьесы, выбирал актёров, принимал их в театр, вникал во все детали театрального дела.

Островский лично читал свои пьесы актёрам, вкладывая в каждое слово свой огромный талант. Он проводил репетиции, определяя трактовку пьес, помогая актёрам понять глубину его произведений, открыть в них новые грани. Он даже определял характер исполнения пьес, чтобы они звучали на сцене так, как он представлял их в своём воображении.

Островский всегда был готов помочь актёрам, оставаясь им верным другом и наставником. Он так тепло дружил с ними и так искренне их любил, что никогда не отказывал им в их творческих

и человеческих просьбах. Некоторые произведения Островского были написаны в результате обращения их к нему – например, для их бенефисов. Так, пьесу «Правда – хорошо, а счастье лучше» (поначалу называлась «Наливные яблоки») Островский написал в 1876 году к бенефису своего друга, замечательного актёра Николая Музиля. А знаменитая «Гроза», поставленная на сцене Малого театра 16 ноября 1859 года, совпала с бенефисом актёра Сергея Васильева, которому досталась роль Тихона. Некоторых героев драматург писал специально для определённых актёров. В частности, в Катерину перевоплотилась актриса Любовь Никулина-Косицкая, Кабаниху сыграла Надежда Рыкалова, а Варвара Бороздина даже подарила имя героине пьесы.

Театр был для Островского буквально домом. Он знал каждый уголок Малого театра, и не просто знал, но и обустроивал его. Любимое его место было за кулисами. Ярослав Седов, заместитель начальника музейно-информационного центра Малого театра (на период 2024 г.), театровед, кандидат искусствоведения, пишет про отношение Островского к «своему» – Малому – театру: «Главное для него было слышать дыхание сцены, заново понимать, как его слово отзывается у зрителей, насколько это актёрам органично, удобно, насколько оно доносит суть того образа, который нужно по ситуации, и он, корректируя своими ощущениями, свой собственный текст, добивался тех эффектов, которые теперь и нас до сих пор впечатляют, которые мы ценим и называем русским национальным театром. <...> Актёр для Островского – это самое главное, самое ценное, это соавтор Островского, это его сподвижник. Разумеется, актёр в том понимании, в котором мы говорим об актёрах русского театра, как о художниках, как о мыслителях, как о создателях духовных ценностей в буквальном смысле этого слова. Островский – это и сам человек огромной души и духа, и вот этот заряд духа и душевности он настолько мощно, разнообразно и ярко воплотил в своих пьесах и в самом том строе жизни Малого театра, которым он руководил, что дай бог на все поколения наши хватит, да и навсегда».

Островский и Малый театр создали не просто творческий союз, а настоящий симбиоз, где талант драматурга встретился с ис-

кусством актёров, рождая великие шедевры русского театрального искусства. На протяжении почти сорока лет он практически единолично строил театр как целостное художественное пространство. Малый театр по праву называется «Домом Островского». И сегодня его пьесы составляют важную часть репертуара, который является магнетическим для зрителя. Причиной этого «магнетизма», по мнению Ярослава Седова, является то, что «у Островского поймано что-то главное, что держит человеческую душу, вот он этим вдумчиво занимался, он это исследовал, он старался донести это до актёров, до зрителей, и сам всегда постигал. Это его основное устремление – человеческая душа и характер, который, так сказать, с ней связан».

**Островский в пространстве мировой драматургии:
параллели. Рецепция Островского: проблема «понимания / непонимания / понимания»**

А теперь попробуем ответить на полемический вопрос: имеет ли Островский, будучи колоссом внутри русской литературы, значение для литературы мировой. Совершенно не праздная, думается, это задача – разобраться в том, кто же есть Островский: «Колумб русского Замоскворечья», то есть мощнейшая фигура внутри национальной культуры, или «русский Шекспир», иначе говоря, драматург, никогда не находящийся в изоляции от мировой культуры?

В предыдущем разделе мы попытались доказать, что вклад Островского в русскую национальную культуру был огромен. И несомненно, что Островский – и «отец русского национального театра», и «летописец русской жизни». Но не менее существенен вклад русского драматурга Островского и в историю мирового театра.

Сначала может показаться, что оригинальная фигура Островского, художника России, очень далека от театрального искусства Парижа, Рима, Дели... Однако это не так. Театровед Нина Алексеевна Шалимова говорит: «Да, он считается истинным русаком, почти русопятом. А он вообще-то знал пять иностранных языков и перевёл для русского театра немало европейских пьес – Шекспира, Гольдони, Кальдерона, французов – и без словаря, с подлинника, а не с подстрочника. Это важный момент, потому что Островский, ко-

нечно, был русским европейцем – сложился к началу XIX века этот культурный тип в русской жизни, начинается он с Карамзина и Жуковского».

Островский наполнил мировую сцену историями жизни и типажам необычайно богато и щедро. Больше того, некоторыеистики литературы считают, что Островский принадлежит к шекспировской и постшекспировской школе развития драмы. Существенно, что проблемы, которые стояли в центре драматургии Островского, отнюдь не являются провинциальными и местными, значительными только для отсталой крепостнической России. Судьба молодого человека, положение художника в мире своекорыстия, распад семейных отношений под влиянием развращающей роли денег, превращение женщины в предмет купли и продажи, извращение человеческой психологии, захваченной страстью стяжательства и накопления, – все эти темы сближают Островского с его западноевропейскими предшественниками и современниками.

Островский сознательно применяет те или иные приёмы мировой драматургии. По мнению российского историка театра, доктора искусствоведения Абрама Львовича Штейна, «драма отражает особые типы конфликтов, происходящих в обществе, и существуют объективные законы драмы». Поэтому исследователь считает, что независимо от Шекспира и Мольера Островский вводит мотивы и приёмы, обусловленные сходством жизненного материала, лёгшего в основу драмы, и объективными законами драматического. Представим взгляд Штейна на проблему «Островский в мире» чуть подробнее, опираясь на его статью «Островский и мировая драматургия».

Штейн утверждает, что у Островского в обрисовке характеров, показанных разносторонне, в их развитии намечается близость к шекспировской манере. Принцип многосторонней обрисовки и сложного развития характера использован Островским в его исторических хрониках («Дмитрий-Самозванец и Василий Шуйский», «Василиса Мелентьева» и др.). Но этот же принцип он проводит и в своих пьесах, посвящённых современности. Великолепной иллюстрацией этого является пьеса «Бешеные деньги». Сюжет «Бешеных денег» мог быть навеян «Укрощением строптивой» Шек-

спира. Так, легкомысленный и пустой Телятев в определённых обстоятельствах обнаруживает и доброту, и отзывчивость, и участие к Василькову. Сам Васильков – фигура достаточно сложная. Он, безусловно, искренне и сильно любит Лидию, но он делец и твёрдо решил составить себе состояние. Поэтому Лидия нужна ему и в качестве красивой и элегантной жены, которая будет представлять и помогать ему производить впечатление на своих клиентов. Васильков сам меняется в ходе пьесы, обретает жизненный опыт, учится самообладанию. Подобная обрисовка характеров была достоянием реализма XIX века и, конечно, не восходит прямо к Шекспиру. Но Шекспир был одним из учителей этого реализма, и игнорировать это его значение невозможно

Близость Островского к Шекспиру выступает, при выяснении его отношения к другому корифею мировой драмы – Мольеру. Между Островским и Мольером можно провести известную аналогию – оба великих драматурга были комедиографами. Комедия изображает борьбу старого и нового. Поэтому комедиографу надо отыскать в жизни социально-психологический тип, в котором в нелепом и смешном виде воплотились бы отжившие и тормозящие развитие человечества принципы уходящего общества. Мольер нашёл подобный тип в лице старомодного буржуа, недалёкого и упрямого, имеющего какую-нибудь странность или причуду. Буржуа этот носит в его комедиях имя Сганарель, Арнольф, Жеронт, Оргон, Жорж, Данден, Арган. Обычно он представлен как глава и отец семейства, командующий своими близкими. Как ни далёк от подобного буржуа тип купца-самодура, главы и властелина в семье, выведенный Островским в комедиях первого периода, но он похож на типажи Мольера, между этими двумя вариантами патриархальных буржуа есть нечто общее. В «Мещанине во дворянстве» изображено, как буржуа Журден хочет приобщиться к светской жизни, стать аристократом. В пьесе «Бедность не порок» Островского изображено нечто аналогичное: Гордей Торцов – тоже «мещанин во дворянстве», тоже хочет быть на старости лет похожим на благородного и «всякой моде подражать». В России со времен Сумарокова и Фонвизина мотив моды и приобщения к светской жизни приобрел характер приобщения к иностранной моде, чаще всего

– галломании. И у Островского Гордей Торцов, приобщаясь к моде и образованию, отказывается от форм национального быта. Это совпадение между Островским и Мольером объясняется совпадением исторических ситуаций, которые отражают оба комедиографа. Различие заключается в том, что Мольер отодвигает быт на задний план и раскрывает преимущественно психологию. Персонаж Мольера обрисован графически чёткой линией. У Островского тоже есть психологическая линия, но его скупец дан в окружении конкретных бытовых примет. А уж умение показать характер в развитии и изобразить переломы, которые происходят в нём под влиянием новых обстоятельств, явно отделяют Островского от Мольера, приближают его к шекспировской манере.

Штейн прав, когда замечает: «В XVIII веке в период буржуазно-демократического подъёма и борьбы против отживших феодальных порядков в Европе появилась целая плеяда комедиографов. Дидро и Бомарше во Франции, Фильдинг и Шеридан в Англии, Лессинг в Германии, Гольдони в Италии, Гольберг в Дании – при всех различиях, существующих между ними, представляли одну ступень в развитии драматургии. Несмотря на то, что Островский жил и творил в XIX веке, он во многом близок к этой плеяде. Буржуазно-демократическое движение, развернувшееся в этих странах в XVIII веке, развилось в России в XIX столетии».

Штейн утверждает, что наиболее близка русскому драматургу Островскому бытовая комедия, созданная итальянцем Карло Гольдони (1707-1793). Гольдони писал комедии разного типа. В частности, у него были комедии из народной жизни, очень не похожие на комедии Островского. Но есть у Гольдони и комедии из купеческого быта. Именно с ними имеют много общего комедии Островского. Герои комедии Гольдони – мещанин, обыватель, фигура вполне прозаическая. Занят он интересами дома, лавки, своими доходами. Поэтому и показан он в сфере семейной жизни. Они ещё не вполне оторвались от народа. Хозяин может жениться на простой служанке. Девушка из купеческой семьи может выйти замуж за разорившегося дворянчика. Как видим, купцы соприкасаются с разными слоями итальянского общества. Нечто сходное можно сказать и о патриархальных купцах из комедий Островского.

Есть известная аналогия и между комедией Гольдони «Семья Антиквария» и комедией Островского «Бешеные деньги». Обе они изображают брак между представителями дворянства и буржуазии. Дворяне бессовестно обирают буржуа, ничего не давая им взамен. При даме из дворянской семьи состоят официально признанные кавалеры, так называемые чичисбеи. Купец Панталоне гораздо честнее своих дворянских родственников. Панталоне раскаивается, что выдал свою дочь за представителя беспутного дворянского семейства, а потом соглашается стать управляющим у них, чтобы поправить дела разорившихся дворян. Это очень похоже на взаимоотношения дельца Василькова с дворянским семейством Чебоксаровых и бездельниками – поклонниками его жены в пьесе Островского «Бешеные деньги».

Близость Островского и Гольдони бесспорна. Но она не исключает и серьёзных расхождений, существующих между ними.

Патриархальные купцы Гольдони в прошлом были участниками больших и ярких событий. Только теперь история отодвинула их на второй план и погрузила в провинциальное убожество. Купцы Островского в прошлом были ничем, но они постепенно превращаются в буржуазию европейского толка. Во второй период своей деятельности Островский изображает уже просто европеизированных буржуа – Кнурова, Прибыткова, Беркутова. Естественно, Островский относится к этим буржуа более трезво и критически. Драматург XIX века Островский стоит выше Гольдони в своем представлении о свободе личности, он острее чувствует несправедливость и нетерпимость всякого угнетения человека, он трагически переживает проблему попрания человеческого достоинства в мире денег.

В жизни как купцов Гольдони, так и купцов Островского религия играет чисто внешнюю роль. Отношение к ней сводится к выполнению обрядов. Все они преследуют житейские, далёкие от религии цели. Но, в отличие от Гольдони, Островский создал и такой характер, как Катерина («Гроза»), моральные принципы этой героини основаны на религиозных представлениях; Катерина – это одухотворённая личность.

В качестве важного вывода о значении Островского для мировой драматургии можно использовать концепцию американской

исследовательницы Дороти Каучер, сформулированную ей в работе «Современная драматическая структура» (вышла в 1928 году в серии учёных трудов Миссурийского университета). В главе под названием «Русское восстание против формул Скриба» она ставит довольно интересную проблему, для освещения которой обращается к анализу творчества пяти русских драматургов – Александра Островского, Антона Чехова, Максима Горького, Льва Толстого, Леонида Андреева. Каучер рассматривает их как представителей единой драматургической школы, чрезвычайно содержательной и своеобразной. Островского исследовательница называет «пионером» в создании пьес, воспроизводящих «кусочек жизни». По мнению Каучер, старая драматургия знала «комедию интриги», «комедию характера», «комедию нравов», а у Островского главным в его пьесах становится не действие в смысле интриги, а обрисовка характеров и общественных условий того времени. Характеры, живущие в контексте времени и социальных обстоятельств, раскрываются через диалог. И на это направлены усилия Островского. Свои рассуждения об Островском и русских драматургах Каучер заключает следующими словами: «Они смотрят в широкое пространство и думают о судьбе человечества, вот почему они не ограничивают себя в выборе сюжетов и не заключают своих пьес в одну и ту же форму». Каучер считает, что пьесы Островского главным образом есть разговорные картины, а действие перенесено в промежутки между разговорами, но даже в этой своей многословности характеры созданы драматургом очень правдиво. Каучер обращает внимание на манеру Островского давать исповеди героев о прошлом – в этом она видит особенность метода создателей «хорошо сделанной» пьесы (в частности, Дюма-сына). Но никому из них не удавалось так тонко и мастерски раскрыть, например, характер юной героини через её собственный рассказ о прошлом, как это делает Островский в «Грозе» (поэтический рассказ Катерины о жизни до замужества), или достичь той силы драматизма, которую мы ощущаем в сцене покаяния Катерины, где гроза – физический аккомпанемент душевной бури героини. Конечно, этот приём не назовёшь новым в литературе, но в данном случае он мастерски используется для достижения напряженности ритма всего действия.

Непростой, а оттого интересной является проблема рецепции Островского режиссёрами и зрителем в Западной Европе и Америке. Проникновение Островского на сцену европейского театра, внедрение его в читательский обиход, превращение в любимого и признанного драматурга происходило чрезвычайно медленно и наталкивалось на серьёзные препятствия.

В то время как русский роман в лице Тургенева, Толстого, Достоевского победоносно завоевывал западноевропейского читателя, русская драма в лице Островского хотя и вызывала интерес, всё же не получила в странах Западной Европы и Америки широкого распространения. И вот несколько примеров.

Островскому особенно трудно было «проникнуть» во Францию XIX века. Французская театральная эстетика была сформирована Скрибом, Ожье, Сарду. Это была далёкая от реализма и во многих отношениях рутинная эстетика. Театральная дирекция принимала только пьесы, написанные по проверенному рецепту и способные иметь безусловный кассовый успех. Это были водевили и мелодрамы, прославляющие дельца и одновременно стремящиеся разжалобить и растрогать зрителя. Положение начинает меняться только во времена Третьей республики. Возникает «Свободный театр» Антуана, который ставил одной из своих задач пропагандировать новую драматургию.

Первое представление пьесы Островского во Франции – постановка «Грозы» 3 марта 1889 года – была unsuccessful. Не имела настоящего успеха и «Василиса Мелентьева», поставленная в 1893 году. Провал «Грозы» свидетельствует о том, что ни французские актёры, ни французская публика не были подготовлены к восприятию этой глубокой и сложной пьесы. В духе пошлого буржуазного комизма Варвара была истолкована как девица лёгкого поведения, отношения Кабанихи и Тихона представлены как комические, Кулигин и Дикой изображены как нелепые монстры. Во всём этом проявилось неумение французского театра проникнуть в русскую жизнь и русскую психологию. Несмотря на то, что представление «Василисы Мелентьевой» прошло несколько лучше, и этот спектакль был далёк от подлинного Островского. Любопытный факт: Чехову заранее было совершенно ясно, что французы его времени не смо-

гут понять и оценить «Грозу». 5 марта 1889 года он писал Алексею Сергеевичу, Суворину, журналисту, издателю и писателю: «Скажите, зачем это отдали французам на посмеяние “Грозу” Островского? Кто это догадался? Поставили пьесу только для того, чтобы французышний раз поломались и авторитетно посудачили о том, что для них нестерпимо скучно и непонятно. Я бы всех этих господ переводчиков сослал в Сибирь за непатриотизм и легкомыслие».

Эстетика «французского» театра и требования зрителей помешали правильному истолкованию пьесы «Лес» в постановке 1970 года в театре «Ателье». Переводчик и режиссёр Анри Барсак, один из лучших знатоков русской литературы во Франции, может быть, желая пойти навстречу требованиям публики, тоже приблизил пьесу к мелодраматическому стереотипу. Он чрезвычайно сократил речи второстепенных действующих лиц и тем сузил социальный фон пьесы, свёл отношения Гурмыжской и Аксюши к соперничеству стареющей женщины и женщины молодой, из разговоров Несчастливцева и Счастливецца снял все их рассуждения о театре, и они выглядели в спектакле только представителями богемы. Пьеса стала банальной и элементарной.

Иные препятствия на пути Островского существовали в США. Ведь в течение всего XIX века США не имели большой драматической литературы, подлинно художественного театра. Всё это появилось лишь к самому концу XIX века. Естественно, что настоящего интереса к драматургии Островского в Америке быть не могло. Те немногие постановки Островского, которые осуществлены в США, связаны с так называемыми малыми театрами, имеющими аналогию со «свободными», «независимыми» театрами Европы.

Однако несправедливо говорить, что пьесы Островский вне России не имели успеха. В Англии, например, Островского ставил театр «Эвримен» в Ливерпуле, далёкий от коммерческих интересов. Интересовались репертуаром Островского и в театре «Мерсисайд Левый» (с 1940 года – «Мерсисайд Юнити») – труппа театра была известна как радикальная и экспериментальная, ставившая классику наряду с репертуаром современного левого театра, понятного рабочему классу. В Англии, как и в других странах, шла «Гроза» (самым значительным спектаклем была постановка

«Грозы» в 1966 году в национальном театре Великобритании). Но наибольший успех имела комедия «На всякого мудреца довольно простоты», поставленная под названием «Дневник подлеца» в нескольких театрах и превращённая в мюзикл «Карточный дом». Что привлекало англичан в постановке комедии Островского? А то, что в ней осмеивались тупые консерваторы и пустопорожние либералы. И эта насмешка вполне отвечала особенностям английской общественной жизни.

Несмотря на то, что культурный интерес к Островскому существует и во Франции, и в Англии, и в Италии, его творчество не вошло в культуру этих народов так, как вошло в неё творчество Чехова, например.

Совсем иначе обстояло дело с восприятием Островского в славянских странах – странах Восточной и Южной Европы. Здесь Островский гораздо глубже, плотнее, органичнее вошел в национальную культуру. Конечно, известную роль в этом сыграла принадлежность к единой славянской семье, а порой и близость языка, но также и то, что страны эти проходили аналогичный с Россией этап буржуазно-демократических преобразований и строительства своей национальной культуры. Отсюда то огромное значение, которое имела для них Россия и демократическая русская культура, в том числе и Островский.

Вот интересная «мозаика» фактов, связанная с постановками пьес Островского в некоторых странах Восточной и Южной Европы

В обзоре Т. Позняка «Островский в Польше» читаем, что первая постановка пьесы Островского в Польше была осуществлена в провинциальном люблинском театре в 1889 году представлением «Леса». Однако интерес к Островскому в конце XIX-начале XX века проявили все ведущие театры Польши. В краковском театре работал крупнейший пропагандист драматургии Островского Казимеж Каминский (1865-1928). Из большого числа пьес Островского поляки особенно ценили две – «Доходное место» и «Грозу». Каминский играл в «Доходном месте» Юсова, и – прекрасно. Именно эти пьесы все время шли на подмостках театра в Кракове. В 1908 году Каминский создал собственную труппу, с которой, выступая в роли Юсова, объездил многие города: Пётркув, Сосновец, Радом, Люблин,

Калиш, Ченстохову, Варшаву и др. В марте 1896 года в Кракове была поставлена пьеса «Гроза». Театральная критика подчёркивала чрезвычайно тщательную подготовку спектакля, достоверность костюмов и «вполне хорошую» игру артистов»; хотя была и оговорка: «Разумеется, невозможно было требовать от них точного воссоздания столь чуждых нам фигур». Считается, что поляки ставили Островского выше Гоголя. Они воспринимали его реалистом и сатириком, затрагивавшим главные проблемы русской жизни и поднимавшим философские вопросы всеобщего значения, разоблачавшим недостатки, общечеловеческие пороки и вопреки всему любящим жизнь, мастером социально-психологического портрета, создавшим галерею русских характеров. Польские критики писали об оригинальности и совершенстве драматургической техники Островского, основанной на русской эпической и реалистической традиции. Отсутствие у русского драматурга изощрённых средств театральной выразительности рассматривали как оригинальность, обусловленную тематикой его произведений, показывающих жизнь повседневную, обыденную.

Из обзора И. А. Бернштейн и Ш. Ш. Богатырёва «Островский в Чехословакии» можно узнать, как «шёл» Островский к чешскому зрителю. Сведения об Островском и о его драматургии стали проникать в Чехию ещё в начале 1850-х годов. Они содержались в письмах некоторых русских деятелей культуры к чешскому писателю и учёному Вацлаву Ганке (17091-1861). 7 мая 1850 года Измаил Иванович Срезневский, русский философ-славист, писал Ганке о пьесе «Свои люди – сочтёмся», говоря, что это сочинение «немного слишком черно, грязно по характерам, но всё-таки хорошо по обрисовке и по языку».

Вопрос о распространении и пропаганде творчества Островского в Чехии в 1860-е годы тесно связан с именем чешского радикального демократа Эмануэла Вавры (1839-1891), который в своей литературно-критической и переводческой деятельности особое внимание уделял русской литературе и искусству. Первой пьесой Островского, переведенной Ваврой и поставленной на сцене пражского Временного театра (режиссер Франтишек Колар), была «Бедность не порок». Постановка была неудачной. Но позднее в этом же

театре были осуществлены весьма хорошие постановки: это были спектакли «Доходное место» (1869) и «Гроза» (1870).

Особую главу в истории восприятия Островского в Чехии составляет обращение к его творчеству замечательного писателя-демократа, возвестившего реалистическое направление в чешской литературе, Яна Неруды (1834-1891). Неруда видел в русской литературе союзника в борьбе за создание эстетических и общественных критериев реалистической литературы. Неруда высоко ценил содержание и художественное своеобразие пьес Островского. Наблюдая процесс восприятия пьесы Островского «Гроза» чешским зрителем, он замечает, что люди, приученные авторами развлекательных драм к счастливым развязкам, с трудом приняли трагический конец драмы. Однако удивительная правдивость характеров героев в этом произведении Островского убедила зрителя, что для этих героев, обладателей особых судеб и свойств, такой трагический конец неизбежен, и он свидетельствует о художественной последовательности русского драматурга.

Йозеф Фрич (1829-1890), чешский писатель, публицист, поэт, драматург, переводчик, политик, активист национального возрождения, в своих статьях и рецензиях боролся за социально действенное реалистическое искусство и в качестве союзников в этой борьбе привлекал славянских драматургов: поляка Александра Фредро, русских Гоголя и Островского. Особенно актуальным Фрич считал создание чешской сатирической комедии в духе Гоголя и Островского. Фрич подходит к драматургической форме пьес Островского с точки зрения общественной значимости театральных представлений. Так, он пишет по поводу спектакля «Доходное место» (1880): «В этой пьесе нет ни одного лишнего слова. Некоторые ситуации, которые в немецких комедиях, а также наших пьесах размазываются до бесконечности, Островский подаёт только с помощью намёков, вполне понятных его достаточно интеллигентной публике. Зато характеры, даже самые обычные, раскрываются во всех подробностях, что даёт огромные возможности актёрам».

Национальный театр вновь обратился к Островскому, поставив две его пьесы – комедию «Невольницы» (1913) и драму «Бесприданница» (1914). Касаясь первой постановки, рецензенты прежде всего приветствуют самый факт появления пьесы Островского

после 25 лет перерыва. Они говорят об Островском как о признанном русском классике («славнейший русский драматург», «первый подлинный драматург в русской литературе», «превосходный драматург»), отмечают прежде всего своеобразие пьесы Островского, её отличие от тех развлекательных комедий, которые заполняли сцену Национального театра

Первой постановкой пьесы Островского после возникновения независимой буржуазной Чехословакии на сцене Национального театра была «Гроза». Критика приветствовала эту постановку и отметила прекрасную игру актёров, которым «наконец-то достались роли, позволяющие жить и творить на сцене». Самой значительной актёрской удачей спектакля критики считали исполнение роли Кабанихи одной из старейших актрис Марией Гюбнеровой (1865-1931). Особой главой в истории восприятия «Грозы» на чешской сцене была опера Леоша Яначека «Катя Кабанова», созданная композитором в 1919-1921 гг. Опера имела большой успех благодаря новаторской музыке.

Во время Второй мировой войны, в 1941 году, в Пражском городском театре режиссёром Франтишеком Зальцером был поставлен спектакль «Гроза», в котором явно акцентировалась трагедия любви и приглушался общественный смысл пьесы.

После освобождения Чехословакии в 1945 году начинается новый период в театральной жизни вообще и в жизни Островского на чешской сцене в частности. Одной из первых постановок Островского в послевоенные годы, привлечшей к себе особое внимание, была вновь «Гроза», поставленная в пражском Реалистическом театре имени Зденека Неедлы в 1946 году. Критик назвал эту постановку исторической заслугой театра, ознаменовавшей начало нового этапа в понимании Островского на чешской сцене. Спектакль вписывался в тенденцию театра в это время усиливать светлое начало и ноты протеста.

Островского ставят много. В журнале «Дивадло» за январь-февраль 1951 года сообщается: «В репертуаре иностранной классики преобладал великий русский реалист Островский». Действительно, только в Праге почти одновременно появились три постановки пьес Островского: «Гроза» в Реалистическом театре,

«Горячее сердце» в Центральном театре чехословацкой армии (сегодня – Театр на виноградах) в постановке Гуго Гааса и «Лес» в Словенском театре в постановке Карела Достала. Провинция тоже не отставала: в это же время в Пардубице были поставлены «Таланты и поклонники», а в Чески-Тешине – «Свои люди – сочтёмся». Критика отмечает в большинстве постановок Островского в эти годы социальную значительность образов

Тенденции переименования Островского в целях максимальной экспрессивности и гротескной остроты в чешских постановках Островского во второй половине 1960-х годов привели к воскрешению традиции Мейерхольда. И не удивительно, что прежде всего эта традиция оживает в связи с интерпретацией «Леса». В программе постановки «Леса» в Государственном театре в Брно в 1966 году постановщик спектакля пишет: «Наша постановка комедии "Лес" вдохновлена воспоминанием о во многом спорной, но талантливой и новаторской постановке "Леса" в середине 1920-х годов советским авангардным режиссёром Мейерхольдом».

В сообщении Г. А. Покровской «Островский в Югославии» находим интересные сведения о пьесах Островского на сценах театров Югославии. Здесь пьесы Островского стали переводиться и ставиться тоже ещё при жизни драматурга. Первым переводчиком пьес Островского на сербскохорватский язык был крупный сербский писатель Милован Глишич, а первым театром, осуществившим постановку пьес Островского, был старейший сербский театр – Белградский Национальный (Народный) театр. В 1881 году Белградский Национальный театр поставил пьесу Островского «Гроза», переведённую Глишичем, назвавши её «Злая свекровь». В том же году театр осуществил постановку «Доходного места» (спектакль назывался «Писарско место»). В 1912 году «Гроза» шла в Белграде под названием «Бура». В 1939 году была поставлена пьеса «Женитьба Бальзаминова», названная для сцены «За чем пойдёшь, то и найдёшь». В 1940 году в Национальном театре состоялись две премьеры: «Лес» и «Бесприданница», которые были включены и в репертуар 1946-1947 гг.

Пьесы Островского сохранили популярность в новой, демократической Югославии. Они прочно вошли в репертуар как сто-

личных, так и про-винциальных театров. На сцене Белградского драматического театра исключительным вниманием пользовался спектакль «На всякого мудреца довольно простоты», поставленный Юрием Ракитиным (Георгий Ионин) и Момиром Милошевичем. Не менее любимы были «Бесприданница», «Бедность не порок», «Гроза», «Без вины виноватые», «Доходное место» и др. В Загребе большую популярность приобрел «Лес» в постановке Тито Строцци.

В марте 1948 года Постановлением Комитета по делам культуры и искусства при Совете Министров СССР первыми премиями были награждены режиссёр Люблянского театра Боян Ступица за постановку спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» и артист театра Стане Север за исполнение роли Крутицкого в этом спектакле. Первой премией был также удостоен и режиссёр Народного театра в Скопье Димитар Костаров за замечательную постановку пьесы «Доходное место».

В 1964 году режиссёр Боян Ступица в Народном театре в Белграде поставил «Таланты и поклонники», а советский режиссёр Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф – «Без вины виноватые». В 1968 году Македонский народный театр в Скопье открыл свой театральный сезон пьесой Островского «Без вины виноватые».

Думается, нам удалось доказать, что в пространство мировой культуры театр Островского был органически вписан и всегда являлся востребованным и будоражащим умы и сердца.

Островский выбрал театр, а студенты выбрали Островского. Македонские студенты – переводчики Островского: смелость и успехи

Актуальность творчества Островского «зацепили» македонские студенты-русисты, выпускники кафедры славистики филологического факультета имени Блаже Конеского университета имени Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье. Для них как для настоящих филологов Островский оказался притягательным. Наверное, поначалу в их головах могло мелькать: Островский – «крепкий орешек», непростой, «неудобный», трудный. Но, дерзкие и смелые, они не испугались трудностей и, потянувшись к этой «глыбе», поняли, на-

сколько же он интересный и глубокий, какой это настоящий и самобытный художник слова! Смельчаков оказалось четверо – Йован Ковачевски, Фросина Милковска, Ана Тодорова, Бранко Ставровски.

Каждый из них выбрал для частичного перевода «зацепившую» его пьесу Островского. Для того, чтобы её перевести, нужно было её глубоко осмыслить и почувствовать её языковое пространство. Заметим, что главная материя искусства Островского – язык, причём, язык причудливый, живописный, красочный, неповторимый и... почти непереводаемый. Студентам предстояло погрузиться в его стихию и какое-то время находиться в ней. Студенты шагнули навстречу Островскому. Смело отправились они в новое для себя лингво-литературоведческое «приключение», принялись с энтузиазмом и со всей энергией любознательности осваивать мир драматургии Александра Николаевича Островского.

Йован Ковачевски стал переводчиком части текста пьесы Островского «Свои люди – сочтёмся», название которой он перевёл как «Наши луѓе сме, ќе се договориме».

Пьеса написана в 1849 году. Первоначальные названия – «Несостоятельный должник», «Банкрот» и «Банкрут, или Свои люди – сочтёмся». Это комедия в четырёх действиях.

В пьесе рисуется жизнь неизвестного в литературе сословия – купечества. Однако Островского меньше всего можно считать нравописателем или автором жанровых сцен из жизни купцов. Нравоописательность играет у него иную роль. Изображая в комедии «Свои люди – сочтемся», как приказчик Подхалюзин вместе с дочерью Большова Липочкой предали своего благодетеля и равнодушно отнеслись к его судьбе, Островский ставит своей задачей реалистически объяснить нелепую и варварскую психологию своих персонажей. Для этого он подробно раскрывает общественную среду и обстановку, условия, которые эти характеры породили, сделали возможными их неожиданные варварские поступки. Сцены комедии, представляющие как бы не связанные с интригой картинки «в купеческом доме», играют важную роль в обрисовке психологии героев. Эпизод, казалось бы, лишний с точки зрения интриги, когда Большов грубо отказывается приласкать дочь, объ-

ясняет равнодушие дочери к судьбе отца в последнем акте. Также не бесцельны персонажи, которые не нужны непосредственно для развития интриги. Добролюбов пишет: «...мы никак не решаемся считать ненужными и лишними те лица пьес Островского, которые не участвуют прямо в интриге. С нашей точки зрения, эти лица столько же необходимы для пьесы, как и главные: они показывают нам ту обстановку, в которой совершается действие, рисуют положение, которым определяется смысл деятельности главных персонажей пьесы». Таким необходимым персонажем является, например, мальчишка Тишка, в котором наглядно показано, каково было детство Подхалюзина и откуда Подхалюзин вынес свое отношение к жизни, позволившее ему так бессердечно поступить с Бобыловым. Давая широкую обрисовку среды и жизненного уклада, Островский делает форму комедии более широкой, свободной и ёмкой. И, конечно, это приближает комедию Островского к роману, хотя Островский и не выходит за пределы драматического рода, развивает и совершенствует именно драматическую форму. Комедия Островского стоит в одном ряду с произведениями таких романистов, как Бальзак, Диккенс, Тёккерей, показавших социальные истоки формирования личности, влияние на характер человека общественной среды.

Пьеса «Свои люди – сочтёмся» стала настоящим прорывом в творчестве молодого драматурга. Известность пришла к Островскому, когда эта его пьеса ходила по Москве ещё в рукописях. Драматическая цензура запретила ставить комедию, как и другие произведения автора, на сцене. Поэтому Островский часто читал «Свои люди – сочтёмся» известным любителям театра, например, в салоне графини Ростопчиной. Пьеса была поставлена и в домашних театрах. Сохранилась фотография, сделанная после одного из таких спектаклей в доме богатой московской помещицы Софьи Пановой. Большова играл Пров Садовский, а в роли Подхалюзина выступил сам Островский. Игра Островского, по-видимому, была далека от совершенства. По воспоминаниям современников, «за столом он читал лучше, чем играл: терялся даже на маленькой домашней сцене, не смотрел в глаза партнёрам, был скован в мимике и жестах». Но в своих комедиях, и в роли Подхалюзина в особен-

ности, Островский находил такой верный, подслушанный в жизни тон, что его невозмутимый партнёр Пров Садовский как-то даже не смог удержаться смеха. Очевидцы этих домашних спектаклей спустя десятилетия говорили, что «в ушах у них по сей день стоят интонации автора, когда он произносил одновременно хамски и заискивающе: «Алимпияда Самсоновна-с!.. Позвольте вашу ручку поцеловать».

Фросина Милковска выбрала для перевода фрагмент пьесы «Не в свои сани не садись» (1852). «Седи си на свое место» – так перевела она с русского на македонский название произведения Островского. Сам Островский первоначально назвал комедию «От добра добра не ищут». Комедия имеет особенное значение в творчестве Островского.

19 ноября 1852 года Островский отослал комедию в театральную цензуру, а в конце декабря пьеса была разрешена для постановки на сцене. Премьера пьесы «Не в свои сани не садись» состоялась 14 января 1853 года в Малом театре, в бенефис актрисы Любови Павловны Косицкой-Никулиной; роль Русакова, отца Дуняши, исполнял знаменитый Пров Михайлович Садовский. Затем, 19 февраля 1853 года, пьеса была сыграна в Петербурге, на сцене Александринского театра. В «Автобиографической заметке» Островский писал: «Мои пьесы долго не появлялись на сцене. В бенефис Л. П. Косицкой, 14 января 1853 г., я испытал первые авторские тревоги и первый успех. Шла моя комедия “Не в свои сани не садись”, она первая из всех моих пьес удостоилась попасть на театральные подмостки». Именно поэтому 14 января 1853 года автор считал днём своего сценического рождения.

Реакция зрителей на спектакль была чудесной. «“Не в свои сани не садись” действительно превосходная комедия, – писал Ивану Тургеневу 17 февраля 1853 г. из Москвы литературный критик Василий Петрович Боткин. – Я видел её три раза – и каждый раз не выходил из театра без слезы на глазах». Об этой первой постановке комедии «Не в свои сани не садись» писатель Иван Фёдорович Горбунов рассказывал: «Комедия “Не в свои сани не садись” была первым произведением Островского, увидевшим свет ramпы, и спектакль превратился в событие исключительного художествен-

ного значения. Посреди глубокой тишины публика прослушала первый акт и восторженно, по несколько раз, вызывала исполнителей. В коридорах, в фойе, в буфете пошли толки о пьесе. Восторгу не было конца! Во втором акте, когда Бородин поёт песню, а Дунюшка останавливает его:

– Не пой ты, не терзай мою душу, – а тот отвечает ей:

– Помни, Дуня, как любит тебя Ваня Бородин... – театр зашумел, раздались аплодисменты, в ложах и креслах замелькали платки».

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 76 раз, в Петербурге, в Александринском театре, – 94 раза. Последний прижизненный спектакль в Москве состоялся 1 июня 1877 года, в Петербурге – 27 октября 1885 года.

Комедия «Не в свои сани не садись» – собственно сценическое произведение с народной поэтикой, что отразилось как на создании образов, так и на языке, и собственно жанре произведения. Как и в других пьесах Островского, главное в этой комедии – характеры, а интрига полностью ими определяется. Но особенностью произведения является то, что характеры взяты в социальном аспекте. Это не мужчины и женщины вообще, это московские купцы и приказчики, которых нельзя оторвать от их социальной обстановки. Один из персонажей «Не в свои сани не садись», Ваня Бородин – молодой купец, он имеет мелочную лавочку и погребок. Но, как остроумно сказал о «Не в свои сани не садись» французский исследователь Жюль Леметр (1853–1914), «мы находимся в стране, где лавочники играют на гитаре». Действительно, в отличие от французского лавочника, уже превратившегося в XIX веке в законченного мещанина, русский лавочник той же эпохи ещё не порвал пуповины, связывающей его с народной жизнью. Представления Бородина о любви близки к представлениям о ней крестьянства, а его воспоминания о свиданиях с Авдотьей Максимовной, восходящие к народной песне, отражают одновременно поэзию народного любовного свидания и стремление к культуре молодого купца, однако же держащегося в рамках патриархальных традиций и норм. «Стараюсь об ней, примерно, не думать – никак невозможно, потому что сверх моих чувств. Поверите ли, Селиверст Потапыч, сядешь это вечером

дома к окну, возьмешь гитару собственно как для увеселения себя, – такая найдет на тебя тоска, что даже до слёз».

Комедия до сих пор не то что не потеряла своей актуальности, но даже приобрела новый, положительный смысл. Дочь богатого уездного купца Авдотья Федотовна не ценит любовь молодого бизнесмена Ивана Бородинкина и польстилась на ухаживания московского франта, отставного кавалериста Виктора Вихорева, которого интересуют только капиталы её батюшки. Финал предсказуем. Но благоразумие отца Максима Федотовича Русакова всё расставляет по местам: непутёвая дочь возвращается, и не только прощена женихом, но и отцом. Как говорится, налицо – «хеппи енд» и торжество добра. Российская актриса Ирина Муравьёва, прекрасно и иронично сыгравшая в одной из постановок роль Арины Федотовны, сестры купца Русакова, обозначенной у Островского «пожилой девушкой», восклицала, восторгаясь этой пьесой драматурга: «Это сладость, а не язык. Какие словеса! Какие остроумные ходы. Какие фразы, которые даже учить не надо, они запоминаются сами. Пир души – этот Островский. Он очень современный автор. В его пьесах нет ничего такого забытого, сложного, исторического. Это классика на века».

Наверное, Фросина Милковска, работая над переводом этой комедии Островского и погружаясь в её неповторимый мир, была также счастлива.

К переводу комедии обратилась и Ана Тодорова. В поле её внимания оказалась комическая пьеса Островского «Сердце не камень». На македонском языке пьеса бы называлась «Не е камен срцето».

Пьеса написана в 1879 году, впервые опубликована в первом номере журнала «Отечественные записки» в 1880 году.

Вновь перед нами – Островский-комедиограф. Кажется, что, принимаясь за чтение комедии «Сердце не камень», мы будем веселиться и «купаться» в атмосфере юмора. Однако не всё так просто с этой комедией, и надо отдать должное Ане за её филологическую дерзость, связанную с переводом текста комедии.

О чём же эта комедия? Купец Каркунов неожиданно для всей семьи решает составить завещание. Он делает два таких доку-

мента: первый составляет тайком, а содержание второго известно всем. Одно из завещаний он тут же зачитывает при родственниках, по нему всё имущество и деньги достаются его жене. Во втором завещании, о котором никто не знает, он всё отдаёт малоимущим. Купец так поступает, чтобы загладить свои дурные поступки. Но он осознаёт, что его поведение может обидеть жену. Узнав о завещании, племянник купца и его приказчик Ераст решают лишить Веру Филипповну наследства. Для этого они собираются её сначала соблазнить, а затем перед мужем опозорить. Они считают, что обман поможет им разбогатеть. Женщина, за которой никогда раньше так не ухаживали, почти поддалась соблазну, но случайно узнала о романе приказчика с Ольгой. Вера Филипповна сохранила верность мужу, а купец узнал о сговоре племянника и приказчика, после чего приказал выгнать их из дома. В конце произведения свое наследство он оставляет жене.

Сценическая судьба комедии «Сердце не камень» более чем драматична. По сути, это «история неудач»: постановки сложно воспринимались зрителями, вызывали резкие оценки критиков. Но как ни странно это прозвучит, знакомство с материалом, отражающим «несчастливую» судьбу воплощения пьесы на сцене, может дать переводчику яркие импульсы для работы, посмотреть на произведение более пристально, разобраться в противоречивых характерах его персонажей.

Комедия принадлежит к числу тех произведений Островского, которые до сих пор остаются неразгаданными, не нашедшими своего точного сценического решения. Перелистаем некоторые страницы, связанные с первоначальными постановкой пьесы.

Первые представления комедии при жизни её автора в Малом (Москва) и в Александринском (Петербург) театрах не принесли новых лавров драматургу. Особенно неудачно прошла премьера в Малом театре.

В пьесе были заняты лучшие силы московской сцены. В роли Веры Филипповны выступала Гликерия Федотова, Ераста играл молодой тогда Александр Ленский, Халымова – Владимир Макшеев, Константина – прославленный исполнитель ролей Островского Михаил Провович Садовский, Каркунова – Николай Музиль, которого высоко ценил драматург и считал одним из лучших воплоти-

телей своих замыслов. И тем не менее спектакль успеха не имел. По свидетельству критики, на премьере слышалось даже шиканье – факт небывалый в сценической истории пьес Островского в Малом театре.

Очень скоро «Сердце не камень» на долгие годы уходит из репертуара Малого театра. В Малом пьеса возвращается на сцену только через двадцать с лишком лет, в сезон 1901-1902 гг. На этот раз в роли Веры Филипповны выступает знаменитая Мария Ермолова. Артистка даёт в этой роли один из вариантов своих любимых героинь – «святых женщин» с чистым сердцем. Но ермоловской Вере Филипповне, по-видимому, не хватало каких-то существенных черточек того характера, который был намечен драматургом. А, может быть, самой героине Островского не доставало той доли драматизма, какая была необходима для трагического темперамента Ермоловой. Сама пьеса и при возобновлении не имела успеха у публики. Правда, на этот раз комедия сохраняется в репертуаре московской сцены в течение двух последующих сезонов, но даётся очень редко – всего два раза в каждом сезоне.

Этим исчерпывается театральная история «Сердца не камень» на сцене Малого театра в дореволюционные годы.

С небольшими отклонениями так же сложилась судьба этой комедии Островского и в Александринском театре в Петербурге в те же годы. Первое представление «Сердца не камень» в ноябре 1879 года вызвало в петербургской прессе отзывы, аналогичные московским. Большинство критиков винит исполнителей в неверной трактовке главных ролей комедии. И здесь, так же как и в Москве, основной упрёк посылается рецензентами по адресу исполнителя роли старого Каркунова артиста Александра Нильского, который, по их словам, превратил сурового деспота из пьесы Островского в какого-то расслабленного, болезненного старца. Недовольна осталась критика и Антониной Дюжиковой в роли Веры Филипповны. В игре актрисы, якобы, не было «мягкости», составляющей, по мнению рецензента, необходимую черту в характере этой героини Островского.

Так же, как в Малом театре, «Сердце не камень» после первого представления очень скоро исчезает с александринской сцены и снова возвращается на неё через двадцать лет в возобновлённой

постановке 1899 года. Критика особо отмечает в этой постановке интересное по замыслу исполнение роли Каркунова Модеста Писаревым. По всем данным, Писарев в своей игре ближе, чем все остальные исполнители этой роли, подошёл к образу Каркунова, как он был задуман Островским. Как писала критика, артист давал зрителю ощутить всеподавляющую «свинцовую тяжесть» своего Каркунова.

Комедия эта вновь восстанавливается на петербургской сцене через шесть лет, в сезон 1905-1906 года. В роли Веры Филипповны выступает Мария Савина, а Каркунова играет Владимир Давыдов. Роль Веры Филипповны, по-видимому, не удалась Савиной. Всегда благожелательный для артистки рецензент журнала «Театр и искусство» пишет, что Савина играет эту роль «нежными штрихами», но в то же время отмечает, что в её исполнении исчезло «кроткое мерцание» героини Островского. Разноречивые оценки вызвало в прессе выступление Давыдова в роли Каркунова. Одни критики высоко расценивали давыдовское исполнение этой роли, другие – не принимали его. Но все рецензенты сходились в том, что артист сильно смягчил Каркунова. Вместо жестокого самодура из комедии Островского Давыдов вывел на сцену «доброго папашу». Однако, несмотря на то, что роли Веры Филипповны и Каркунова не нашли верного решения у Савиной и Давыдова, новая постановка «Сердца не камень» в Александринском театре имела наибольший успех за всю дореволюционную сценическую историю этой комедии. За один первый сезон пьеса выдержала двенадцать представлений.

Решающую роль в этом кассовом успехе комедии, по-видимому, сыграла режиссёрско-постановочная сторона спектакля. На этот раз пьесу Островского ставил режиссёр Александр Акимович Санин – один из ближайших сотрудников Станиславского. При постановке «Сердца не камень» Санин применил многое из новаторских приемов мхатовской режиссуры: он нарушил каноническую мизансценировку, установленную в старом театре для пьес Островского, ввёл бытовые детали для более точной характеристики обстановки и среды, в которой происходило действие комедии.

Послереволюционная биография «Сердца не камень» оказалась ещё более бедной. В Малом театре в советскую эпоху комедия была поставлена только однажды, в сезон 1923-1924 года, когда от-

мечался столетний юбилей со дня рождения великого драматурга. Эта постановка не вносила ничего принципиально нового в сценическую биографию комедии. Каркунова играл тот же Давыдов, повторивший свою прежнюю трактовку этой роли, пожалуй, в ещё более смягчённом варианте. По-своему, но в том же мягком рисунке, создавал образ Каркунова Николай Костромской, игравший эту роль в очередь с Давыдовым. В роли Веры Филипповны выступила Вера Пашенная. Её исполнение было ярким по краскам. Актриса временами давала почувствовать затаённую страстность своей героини, её волевой характер. Можно было подумать, что роль Веры Филипповны впервые получит своё точное сценическое решение. Но режиссура спектакля повела исполнительницу по неверному направлению, продолжив в трактовке этого образа традицию «тихой» и «кроткой» Веры Филипповны. Такая трактовка вступила в противоречие с данными артистки. Роль утратила внутреннюю цельность.

Несмотря на то, что в «Сердце не камень» выступали первоклассные артисты русской сцены конца XIX и начала XX века, никому из них не удалось установить прочной традиции в исполнении ролей комедии. Никто из них не создал образ, который вошел бы в историческую галерею социальных типов, воплощённых на русской сцене в репертуаре Островского. Странная судьба сопровождает эту комедию Островского. Написанная с блестящим мастерством, динамичная по сюжетному построению, дающая целую галерею персонажей, ярких и сложных по своим человеческим характерам, она неизменно привлекала к себе внимание актёров и режиссёров, искавших для себя интересной творческой работы. При каждой новой постановке казалось, что секрет этой комедии будет разгадан и она засверкает наконец со сцены во всем великолепии своих чудесных красок. Но каждый раз этот секрет ускользал от театра.

Вместе с тем, история про неудачные постановки пьесы «Сердце не камень» – это роскошная, интересная и, по сути, «подарочная» история для исследователя и переводчика Островского: ведь в результате погружения в этот «нестандартный» материал можно многое понять о замысле драматурга, почувствовать противоречия его художественного сознания, проникнуть в мир его сомнений и надежд, связанных с окружающим миром, глубже разобраться в

его философии жизни, в его взгляде на природу человека. Интересно и важно узнавать, как каждый артист интерпретировал порученный ему для воплощения образ, как «вёл» свою роль, какие вкладывал в неё эмоции, как психологически её «раскрашивал». Как тут не возрадоваться тому, что есть у нас такая возможность – изучить историю неудачных постановок этой пьесы! Для переводчика это – целый увлекательный сюжет, своего рода историко-литературное «приключение», «путешествие» в мир Островского.

Не забудем, однако, что есть и довольно неплохие интерпретации этой комедии Островского на сцене и в кино. Так, например, позитивную реакцию публики и критиков вызвали спектакль в театре «Et cetera» (Москва), а также одноимённый фильм 1989 года режиссёра Леонида Пчёлкина, где играют гении: Смоктуновский, Невинный, Яковлева, Табаков, Гундарева. Но это – уже другая история...

Перевод Бранко Ставровским фрагмента из драмы Островского «Бесприданница» предполагал высокую долю ответственности. Эта пьеса – очень известная, особенная, трагическая. Студент дал македонский эквивалент названия произведения – «Невеста без мираз», и, думается, он удачен.

Островский создаёт «Бесприданницу» в 1878 году. Работа над пьесой продолжалась в течение четырёх лет. Исследователи предполагают, что сюжет «Бесприданницы» был подсказан драматургу одним из громких дел, всколыхнувшим Кинешемский уезд в Костромской губернии, а именно: убийством местным жителем Иваном Коноваловым своей молодой жены. В 1870-х годах Островский занимал должность почётного мирового судьи в этом уезде. Участие в процессах и знакомство с криминальной хроникой давали ему возможность находить новые темы для своих произведений.

Новая пьеса легко прошла цензуру. Однако премьерные спектакли в Москве и Петербурге завершились провалами. Лишь через десять лет после смерти автора, во второй половине 1890-х годов, к «Бесприданнице» пришло признание зрителей.

«Бесприданница» пронизана темой несчастной любви, разочарованием в идеалах, трагизмом, в ней изображены пошлость и цинизм общества. События пьесы Островского происходят в XIX веке в городе на Волге. История бесприданницы Ларисы Огудаловой,

влюблённой в жестоко обманувшего её Сергея Паратова, заканчивается трагедией: её, несчастную и униженную, убивает Юлий Карандышев, за которого она от стыда и отчаяния собиралась выйти замуж. Героиня гибнет не только от пули жениха, но и от равнодушия, окружающих, от отношения к ней как к вещи со стороны богатых людей.

Пьеса написана в позапрошлом веке, а резонировала всегда – и при жизни Островского, и после его ухода. И сегодня душа современного человека продолжает откликаться на неё. Об актуальности этой пьесы Островского свидетельствует факт того, что её сюжет в отечественной и мировой культуре воспроизводился бессчётное количество раз. Имеется масса театральных постановок «Бесприданницы», интересных, иногда неоднозначных. Из последних отметим «БЕСприданницу» Евгения Марчелли в театре Моссовета, появившуюся на сцене в 2023 году. С разными постановками «Бесприданницы», вероятно, не мог не познакомиться Бранко Ставровски.

Но можно предположить и то, что филолога-переводчика могли заинтересовать и кинопостановки «Бесприданницы». Они ярко визуализируют содержание произведения, дают возможность сравнить разнообразные интерпретации драмы разными режиссёрами.

Конечно, при интерпретации пьесы акцент всегда делается на образе Ларисы Огудаловой. Лариса – значимое имя: в переводе с греческого – это чайка. В пьесе «Бесприданница» – это молодая девушка из небогатой семьи, чистая, любящая жизнь, художественно одарённая, сталкивается с миром дельцов, где красота продаётся и покупается, предаётся поруганию. Лариса бедна, она бесприданница, и этим определяется её трагическая судьба. Она на редкость открыта и простодушна, не умеет хитрить и не может скрывать свои чувства от окружающих. Лариса Огудалова – девушка хрупкая и незащищённая. Главная героиня прекрасно поёт, играет на фортепиано, гитаре. Своим искусством она способна тронуть на мгновение чёрствые сердца героев. Мечтательна и артистичная, Лариса склонна не видеть в людях пошлых сторон, она воспринимает мир глазами героини романса и хочет жить и действовать в соответствии с ним.

Существует целых пять российских/советских экранизаций пьесы Островского.

Самая первая «Бесприданница» российского кинематографа появилась в 1912 году, спустя 26 лет после смерти автора пьесы. Немой чёрно-белый фильм был создан режиссёром Каем Ганzenом в российском филиале французской компании Pathe. Роль Ларисы исполнила Вера Пашенная, звезда Малого театра, роль Кнурова – актёр Малого театра Николай Васильев, Паратова сыграл Борис Пясецкий. Работа не увенчалась большим успехом, но запомнилась людям как самая первая экранизация «Бесприданницы».

Следующая экранизация уже более известная. Она появилась в 1936 году, её режиссером выступил Яков Протазанов. Роль Ларисы поручили ещё не закончившей ВГИК Нине Алисовой. Картина получила большую известность в советском обществе, её показывали на всех экранах страны, а также за границей. Фильм завоевал «Золотую медаль» на международной выставке в Париже в 1937 году. Особенностью режиссёрского истолкования образов является резко негативная подача всех персонажей, кроме Ларисы.

Харита Игнатьевна Огудалова, которую играла Ольга Пыжова, предстаёт циничной и отвратительной торговкой дочерьми. В фильме есть эпизод бегства Ларисы из дома вдогонку за Паратовым, и Огудалова-старшая, найдя дочь, буквально лупит её по щекам и в принципе ведёт себя не как мать с дочерью, а как владелица «весёлого дома» с нерадивдивой работницей. Карандышев в исполнении Владимира Балихина – образ, весьма упрощённый. Он примитивен и глуп. Персонаж Балихина выглядит так, словно сбежал со страниц какой-то гоголевской пьесы, в которой преобладают комедийные и сатирические черты. Анатолий Кторов в роли Паратова тоже выглядит весьма примитивным. Он не производит впечатления состоятельного человека, кутилы, знающего толк в гуляниях, азартного человека, того, кто способен проворачивать «мильённые» дела в бизнесе. Лариса Огудалова в исполнении Нины Алисовой – не пассивный персонаж, она получилась активной барышней, погружённой в пучину страстей. В ней нет трагедии, она не воспринимается как жертва обстоятельств. Фильм 1936 года – ещё дитя эпохи немного кино, несмотря на то, что звук в нём

есть. Актёры еще не научились адекватно пользоваться голосом, поэтому на экране мы видим подчёркнутость жеста и некоторую преувеличенность актерской подачи. Большое значение придаётся позам и жестам, мимика кое-где излишне выразительная, а оттого игра выглядит театральной.

Зрителям фильм понравился, впрочем. А вот критики его – да простят нам тавтологию – раскритиковали. Вскоре после его выхода критик Эммануил Бескин заявил, что «фильм даёт лишь слащаво-сентиментальную историю несчастной любви Ларисы к Паратову». Рецензенты Григорий Чахирьян и Иосиф Маневич писали: «Паратов в фильме измелъчён. Из роли вытравлены черты, характеризующие Паратова как человека большой воли и незаурядного ума». «Нельзя же давать Паратова настолько откровенным и прямолинейным пошляком, как это сделали Кторов и Протазанов», – высказывался Геннадий Зельдович.

Интересно, что будущий режиссёр фильма «Жестокий романс» Эльдар Рязанов высказывался об этой «Бесприданнице» очень высоко: «Все компоненты фильма настолько безукоризненны, что, соединившись, образуют шедевр».

За десять лет до появления легендарного рязановского «Жестокого романа», в 1974 году, выходит фильм-спектакль «Бесприданница» Константина Худякова. Актёрский состав – звёздный: главную женскую роль исполнила известная на тот момент Татьяна Доронина, Сергея Паратова играл Валентин Гафт, Юлия Карандышева – Армен Джигарханян, Хариту Огудалову – Вера Капустина, Кнурова – Иван Воронов, Вожеватова – Евгений Лазарев, Робинзона – Лев Дуров.

Худяков «вычистил» из фильма «цыганские мотивы», гротесковые, комедийно-бытовые подробности, сделав минималистскую, «сухую», но лаконичную, интонационно сдержанную социально-психологическую драму, придав ей универсальности. Здесь нет медовой старорусскости, глянца, нет наглядных страстей, фильм-спектакль «скуп» по средствам художественной выразительности, монохромен. Режиссёром выявляется жесточайший социальный конфликт, показывается мысль Островского о невыносимости и порочности социального неравенства. Паратов, Кнуров, Вожеватов – это явные нувориши-хищники, в которых нет ни благо-

родства, ни позёрства, ни даже мифической купеческой добродетели. Только цинизм и отвага хозяев жизни с тугими кошельками. Это правящий класс, который привык загонять под ноготь всех, кто ниже по социальной лестнице. Они залавливают Карандышева в ловушку, дают и унижают его. Их самоощущение такое: «Посторонись, вошь, мы идём. Мы, хозяева жизни». Вожеватов (Евгений Лазарев) в одной из сцен просто «начистил морду» актёришке Робинзону (Лев Дуров), чтобы тот не возомнил себя равным.

Неожиданным стало приглашение на роль Карандышева «матёрого», кряжистого Армена Джигарханяна. Артист словно говорит: «Эти родились красавцами, выросли на хлебе с маслом и икрой, а я, Карандышев, питался объедками». Он играет стёртого, тусклого, неталантливого человека, одиночку, не имеющего за собой «мафии». Физически видно, как наматывается на катушку его унижение, как эта многовековая покорность низшего сословия перерастает в решительность мести. Карандышев тут полностью оправдан. Он и не пьяный вовсе, и не комичный совсем, и даже не бахвалится – он просто приличный, но скучно-серый человечек. Ведь у кого нет власти и денег, тот не интересен паратовым, кнуровым и вожеватовым.

Совершенно особой у Худякова оказалась роль Счастливецва-Робинзона в исполнении Льва Дурова – она получилась более объёмной и содержательно значительной, чем в любой другой киноверсии «Бесприданницы»: тут Робинзон выступает чуть ли не с «интеллигентских» позиций; он не «дешёвый шут», но и в состоянии «непросыхания» сохраняет и достоинство, и «трезвость» суждений. Возможно даже, что среди остальных персонажей этой истории Островского режиссёру он – наиболее симпатичный и близкий человек.

А что же главная героиня? Удивительно играет Ларису Татьяна Доронина. Обычно эта актриса велеречлива, шумна, даже пафосна. Но тут её Лариса Огудалова не премьерствует, не царствует, тиха, скромна, стыдлива. Её участь ей самой ясна изначально: дикое социальное расслоение обрекает бесприданницу на путь страшный продажи себя.

Осенью 1982 года Эльдар Рязанов задумался о замысле фильма по классическому произведению. «Я решил поискать что-нибудь

в классике такое, что было бы созвучно нашей тусклой, сумеречной, неверной эпохе», – говорил он. Перечитав «Бесприданницу» Островского, он решил поставить фильм по этой пьесе. Причины этого решения он описал так: «Мой контакт с пьесой можно было охарактеризовать – я не боюсь этого сказать – как первозданный. Пьеса мне очень понравилась. Историю о бесприданнице я почувствовал как печальную песню, как грустный романс, как драматическую вещь, напоённую музыкой. Над литературным сценарием Рязанов работал очень увлечённо, одновременно перечитывая пьесы Островского, изучая эпоху. Фильм был создан в 1984 году.

Роль Ларисы Огудаловой сыграла молодая актриса Лариса Гужеева. Она по-своему и психологически верно проинтерпретировала образ Ларисы. Лариса молода, красива, возможно, слишком эмоциональна, что особенно заметно в печальных, трагических сценах. Актриса смогла глубоко передать образ своей героини, может, потому, что Огудалова была близка ей. В пьесе Огудалова показана жертвой любви, одарённой натурой, непонятно почему брошенной Паратовым. Но Рязанов объясняет, почему с ней так жестоко обошелся Сергей Сергеевич. В фильме много сцен, где Лариса чуть ли не преклоняется перед Паратовым, не помня не то что о гордости, но и о чувстве собственного достоинства. Самым показательным в этом отношении является эпизод, когда Паратов стрелял в часы в Ларисины руки. По пьесе, Огудалова рассказывает ненавистному Карандышеву, что Паратов попросил стать её мишенью со словами: «...я буду стрелять в девушку, которая для меня дороже всего на свете...» В фильме она сама вызвалась на роль этой девушки. В пьесе Островского Лариса пела Паратову при Карандышеве, а у Рязанова исполняла песни в лицо возлюбленному.

Рязанов хотел показать трагическую историю жизни бесприданницы как печальную, пронзительно-болезненную песнь, как романс о бездушном, безжалостном и жестоком материальном мире. Поэтому и назвал он свой фильм не просто романсом, а именно «Жестоким романсом». В фильме звучат романсы на стихи Беллы Ахмадулиной («Романс о романсе», «А напоследок я скажу»), Марины Цветаевой («Под лаской плюшевого пледа»), Редьярда Киплинга («Мохнатый шмель») и самого Рязанова («Любовь – волшебная

страна»). Музыку написал прекрасный композитор Андрей Петров. Рязанов заменяет романсы, которые есть в драме Островского («Матушка-голубушка» Александра Гурилёва на стихи Никромского, «Разуверение» Михаила Глинки на стихи Баратынского), производя своеобразную коррекцию на эпоху, на настроения современных ему зрителей. Романсами подчёркнута современность фильма, условность времени и места действия. Рязанов очень точно воплотил именно музыкальную стихию – музыка «говорит», по-своему «рассказывает» историю.

Последняя, самая современная «Бесприданница», – это многосерийный фильм 2011 года, созданный эстонским режиссёром Андресом Пуустусмаа. Создатели фильма подчёркивали, что картина снята «по мотивам», а сама пьеса служила лишь источником вдохновения. Действие картины было перенесено из XIX века в наши дни, но сюжет, на первый взгляд, остался без изменений – до его финала. Паратов – владелец строительной компании, которая обанкротилась, и срочно нужны деньги; он бросает девушку из простой семьи Ларису ради дочери миллиардера Карины. На освободившуюся Ларису претендуют трое мужчин: Василий Вожеватов – друг детства Ларисы и партнёр по бизнесу Паратова, Михаил Кнуров – конкурент по бизнесу Паратова, а также когда-то отвергнутый Ларисой честный и бедный офицер Юрий Карандышев. Кнуров с Вожеватовым разыгрывают Ларису в карты, но в этот момент появляется Карандышев и спасает девушку, стреляя в Паратова. Главную героиню в фильме сыграла красивая актриса Марина Александрова.

Мнения о фильме противоречивы. Некоторые его агрессивно критикуют. Вот образчик такого – негативного – мнения: «Все, что осталось от оригинала – имена героев и красивая старая дача. Очень люблю такие дома. Но даже дача не смогла примирить меня с реальностью фильма. Все время я задавалась вопросами. Почему счастливый жених Карандышев внешне так похож на Гурви́нека? Почему коварный обольститель Паратов ходит и разговаривает с таким трудом, будто героически преодолагает запор и диарею одновременно? Почему трепетная Лариса обнимается и целуется со всеми мужскими персонажами фильма? Они, конечно, безликие, но

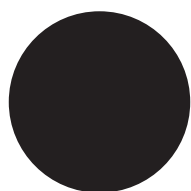
неужели вот настолько, что она забыла, в кого именно влюблена?» Некоторые отнеслись к фильму лояльно, по принципу «Почему бы и нет?» Такое мнение можно сформулировать обобщённо следующим образом: «Неожиданная и довольно милая киноверсия по мотивам пьесы Островского. Сделано как-то свежо и смело, в этом молодёжном духе. И актёры молодые, играют интересно. В фильме нет островской удушающей провинциальной тоски и безнадёги. Наоборот, с первых кадров просматривается какая-то подвижка, чувствуется оптимистическая и обнадеживающая атмосфера, несмотря на известную любовную печаль и разочарование Ларисы. Сюжет классической пьесы весьма изменён. Всё происходящее перенесено в современную эпоху. Лариса представлена в современном платье без атласной шляпки и лент. Она не играет на фортепиано и вообще не поёт. Главное изменение – это Сергей Сергеевич Паратов, ему здесь отведена довольно скромная ниша. Здесь рулит свой эпицентр справедливости, и по большому счёту желания спорить с этим современным переложением пьесы классика не появляется. Эстонский режиссер Андрус Пуустусмаа представил зрителю в лице актёра Дмитрия Исаева мягкого, с интеллигентными манерами, бизнесмена Паратова. Правда, его неопрятный слуга Робинзон более пронырлив, чем Робинзон из киноверсии Эльдара Рязанова. Немало удивил новый образ Юрия Карандышева, в тонком исполнении Игнатия Акрачкова. Он вовсе не жалкий служака, а достойный военный, преданный и любящий мужчина. Остальные персонажи тоже преобразены живописной рукой режиссёра. Фильм порадовал, ну, а Островский пусть останется Островским».

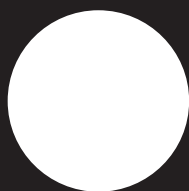
Эпилог из нескольких важных слов

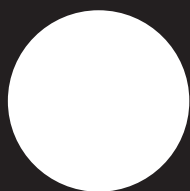
Почему зритель, театры, читатели тянутся сегодня к Островскому? Это объяснимо и закономерно. В запутанном, иногда пугающем пространстве современной жизни мы тоскуем по непреходящим ценностям. Александр Николаевич Островский – наш утешитель, учитель, знаток человеческого сердца. А ещё он даёт понимание того, как надо относиться к людям и миру. И получается, что относиться к окружающему нас миру и человекам в нём надо гуманно и по-доброму, честно и без лукавства. Философия Остров-

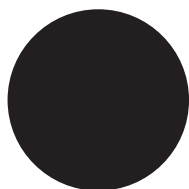
ского – уже в названиях произведений, в некоторых знаковых фразах из них: «Дурного хорошим не назовешь», «Сердце не камень», «Люблю очень с детьми разговаривать – ангелы ведь это...», «На всякого мудреца довольно простоты», «Отчего люди не летают так, как птицы? <...> Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела», «Пора бы уж вам, сударь, своим умом жить», «Коли ты честный – не водись с бесчестным, не трись подле сажи – сам замараешься».

Будем придерживаться этих принципов.

CIP - Каталогизација во публикација
Национална и универзитетска библиотека "Св. Климент Охридски", Скопје

821.161.1:929Островски, А. Н.
821.161.1-2

ПРОЕКТ Островски: 200 години / уредник Андреј Јованчевски ;
предговор Андреј Јованчевски ; поговор Наталија Лапаева Ристеска ;
превод од руски јазик Јован Ковачевски ... [и др.]. - Скопје :
Универзитет "Св. Кирил и Методиј" во Скопје, Филолошки факултет "Блаже
Конески", 2025. - 215 стр. ; 21 см

Наслов на оригиналите: Островский, Александр Николаевич Свои
люди-сочтёмся (1850), Не в свои сани не садись (1853),
Бесприданница (1879), Сердце не камень (1880). - Содржи текстови на мак. и
рус. јазик. - Други преведувачи: Фросина Милковска, Бранко Ставровски,
Ана Тодорова. - Проект Островски: 200 години

ISBN 978-608-234-129-3

а) Островски, Александар Николаевич, 1823-1886 -- Биографии

COBISS.MK-ID 67237637

